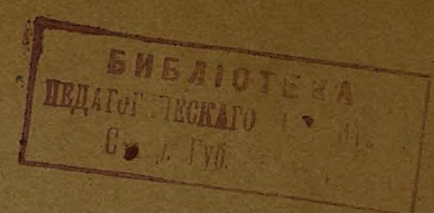
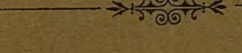

А. А. Шахматовъ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
о
РАДЗИВИЛОВСКОЙ или КЕНИГСБЕРГСКОЙ
ЛѢТОПИСИ

1902

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

А. А. Шахматовъ

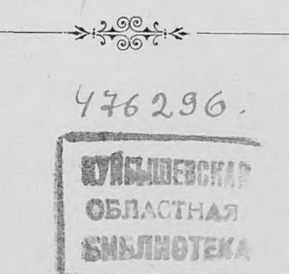
ИЗСЛѢДОВАНIЕ

о

РАДЗИВИЛОВСКОЙ или КЕНИГСБЕРГСКОЙ

ЛѢТОПИСИ

1902

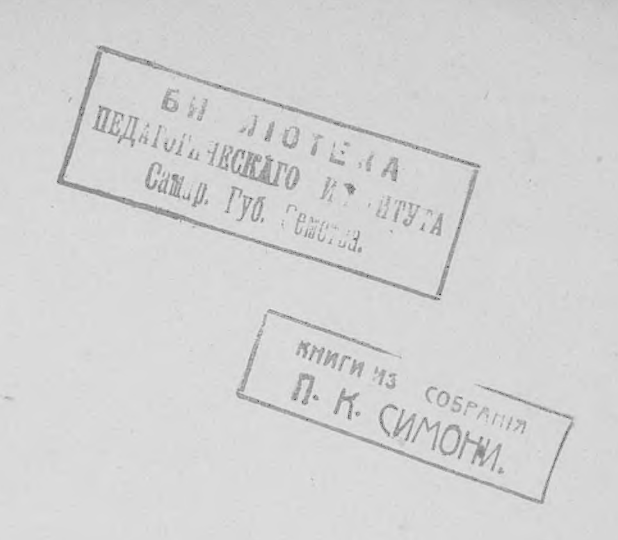
Печатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *П. Шефферъ*.

Изъ № CXVIII-го „Изданій“ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСИ.

Рукопись, носящая названіе Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи, хранится въ Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ съ 1760 года (въ каталогѣ 1818 года Соколова значилась подъ № 5, въ настоящее время шифра 34.5.30). Она поступила въ нее, вслѣдствіе представленія библіотекаря Академіи Тауберта, изъ Кенигсбергской библіотеки въ 1761 году, послѣ занятія Кенигсберга русскими войсками во время семилѣтней войны [1]). Кенигсбергская же библіотека, какъ видно изъ ярлыка, прикрѣпленнаго на оборотѣ перваго листа рукописи, а также изъ подписи на послѣднемъ ея листѣ, получила эту рукопись въ 1671 г. въ даръ отъ князя Богуслава Радзивила [2]). Къ послѣднему она перешла отъ отца его, князя Януша Радзивила, получившаго ее отъ Станислава Зеновича [3]). Отсюда

---

[1]) Ср. „Библіотека Россійская Историческая", часть I, стр. 31 (Спб. 1767), а также хранящееся въ Библіотекѣ Академіи Наукъ „Дѣло по отношенію гр. Румянцова о пожертвованіи имъ 25.000 рублей на изданіе въ печать древнихъ россійскихъ историческихъ рукописей" (начато 15 ноября 1813 года).

[2]) У Шлецера въ Probe russ. Annalen указанъ 1668 годъ. Богуславъ Радзивилъ, конюшій литовскій, скончался 31 декабря 1669 года (Wolff, Senatorowie, 223). Слѣдовательно, anno 1671 (см. слѣдующее примѣчаніе) указываетъ, вѣроятно, на годъ поступленія рукописи въ Библіотеку.

[3]) На ярлыкѣ читаемъ: A Celsissimo Principe Dno Boguslao Radzivilio Bibliothecae, quae Regiomonti est, Electorali legato donata. Anno 1671. На послѣднемъ листѣ рукописи надпись, прочтенная мною при обязательномъ содѣйствіи С. Л. Пташицкаго: Excell^mo ac Illmo Duci Janusio Ra-

видно, что въ XVII вѣкѣ рукопись эта была въ польскихъ рукахъ, куда она перешла отъ владѣльцевъ, проживавшихъ въ Бѣлоруссіи; послѣдніе оставили о себѣ свидѣтельства въ видѣ нѣсколькихъ приписокъ на оборотѣ перваго листа и на лицевой сторонѣ пятаго [1]). Изъ нихъ видно, что наша рукопись уже въ концѣ XVI столѣтія находилась въ Западной Россіи. Но въ первой половинѣ этого столѣтія, какъ видно изъ приписокъ на поляхъ, сдѣланныхъ, повидимому, въ 1528 году (см. ниже) рукою, ничѣмъ не обличающею своего западнорусскаго происхожденія, Радзивиловская лѣтопись еще не покидала той области, гдѣ она возникла, т.-е. московскаго или владимирскаго уѣзда.

Въ рукописи содержится въ настоящее время 256 листовъ: изъ нихъ первый и послѣдній совсѣмъ ненумерованы, второй, третій и четвертый нумерованы въ новѣйшее время

---

dzivil Principi Birzarum ac Dubinkarum S. R. I. Principi [эти четыре слова надъ строкой] Dno in Siebez et Nevel Palatino Vilnensi Generalissimo Exercituum Magni Duc Lith^ae observantis [simo] ergo (?) obtulit uti (?) Patrono suo Coll^o [collendissimo] hunc Librum Stanislaus Zenovicz Prefectus Silvarum Vilkensium Aulicus S. R. Mtis mpr. Янушъ Радзивилъ, виленскій воевода, гетманъ наивысшій, умеръ 30 декабря 1655 года (Wolff, Senatorowie, 74). Станиславъ Зеновичъ, лѣсничій Вилькійскій, каштелянъ новогрудскій, умеръ въ 1672 году (Ptaszycki, Z dziejów starego rodu въ сборникѣ Charitas, St.-Pet. 1894).

[1]) На оборотѣ перваго листа: две недели 8 пилипово говенно падет пырчкии жито сеялх 8 року девядесятом; ниже: к року шестго третем за шест недел перед великонем колут старого календара кобыла сивая ожеребилася; еще ниже: року аҳѕ мца ма л (передѣлано изъ другой буквы) дня озенился е па цыпла крыштодх перед великоном старым за тры недели перед великономх старым Хри... На пятомъ листѣ: я фукх горока коны повету городецкого сонавакою свим мой квитом; ниже: жикгимонт трети божю млтию корол полскии великии кнзь литовскии року шесгонос крыштоф цыплята оженился 8 великии пост волу старого календара за тры недели перед великонем.

буквами латинскаго алфавита (a, b, c), а остальные двѣсти пятьдесятъ одинъ листъ пронумерованы арабскими цифрами едва ли не въ XVIII столѣтіи и притомъ до послѣдняго переплета рукописи, что видно изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ цифръ (на правомъ углу листовъ) оказываются срѣзанными. Кромѣ этой новой нумераціи листовъ рукописи, сохранилась и старая, церковно-славянскими цифрами, внизу страницы, начиная съ 1-го по новой нумераціи листа и оканчивая 251-мъ листомъ по той же нумераціи. Въ этой старой нумераціи замѣтны двѣ ошибки: а именно за листомъ р҃пѳ (листомъ 187-мъ по новой нумераціи) видимъ листъ с҃, вмѣсто ожидаемаго р҃ч, и далѣе с҃а, с҃в и т. д., вмѣсто р҃ча, р҃чв и т. д.; дальше, послѣ листа рмг (листа 142-го по новой нумераціи), слѣдуетъ листъ р҃ме (листъ 143-й по новой нумераціи), а не р҃мд. Эта нумерація церковно-славянскими цифрами сдѣлана послѣ утраты двухъ листовъ—одного послѣ 7-го по новой нумераціи, другого послѣ 240-го листа (и҃ и с҃нг листовъ по старой нумераціи). Такимъ образомъ, арабскія цифры совпадаютъ съ церковно-славянскими только на первыхъ 7-ми нумерованныхъ листахъ; онѣ отстаютъ отъ церковно-славянскихъ на одну цифру на лл. 8 — 142; на двѣ цифры на лл. 143 — 187; на двѣнадцать цифръ на лл. 188—240; на тринадцать цифръ на лл. 241—251. Замѣтимъ еще, что вмѣсто с҃ѯ, с҃ѯа, с҃ѯв, с҃ѯг, с҃ѯд пишется почему-то с҃н, с҃ні, с҃нві, с҃нгі, с҃нді. Церковно-славянская нумерація сдѣлана тогда, когда въ рукописи было уже перепутано нѣсколько листовъ въ концѣ ея: дѣйствительно, за листомъ с҃ми (236) должны слѣдовать с҃на (239), с҃нв (240), затѣмъ утраченный теперь листъ с҃нг и далѣе листы с҃нд (241), с҃не (242), с҃нѕ (243), с҃мѳ (237), с҃н (238), с҃нз (244), с҃ни (245).

Кромѣ этой двойной нумераціи листовъ, сохранился ста-

*

ринный счетъ тетрадей: но большая часть отмѣтокъ, сдѣланныхъ церковно-славянскими цифрами на нижнихъ поляхъ, срѣзана при переплетѣ рукописи. Первая сохранившаяся помѣтка е҃ приходится на 32-й листъ, вторая—в҃ на 64-й листъ и т. д. Ясно, что въ тетради было по восьми листовъ.

Весьма цѣнное палеографическое описаніе нашей рукописи дано Н. П. Лихачевымъ въ его капитальномъ трудѣ «Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ», часть I, стр. 455—456. Почтенный изслѣдователь присоединилъ къ детальному описанію филиграней нашей рукописи, которыхъ онъ отмѣчаетъ четырнадцать разновидностей (№№ 3893—3906 его альбома), слѣдующія замѣчанія.

«Рукопись въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ настоящее время, состоитъ изъ 251 листа, и по бумагѣ дѣлится на двѣ части:

Бумага I { a) лѣтопись на лл. 1—245 (чернила сильно пожелтѣли).

Бумага II { b) листы 246—249: «Сказаніе Данила игоумена смиренаго иже походи погама своима и очима видѣ»... (безъ рисунковъ, чернила черныя) [1]).
c) л. 250 — «Слово святаго Дорофѣя епископа Турьского ѡ святыхъ 12 апостолъ» [2]).
d) об. л. 250— «Слово святаго Епифанія»... [3]).

---

[1]) Нач. сказанія: Поуть же къ иерⷭ҇лмъ. ѿ црⷭ҇града, кон. тыми ворота ходѧть к гепсимании. Объ этомъ неполномъ спискѣ Хожденія см. въ изданіи Хожденія подъ ред. Веневитинова, стр. XV; въ Библіол. словарѣ Строева, стр. 76; у Рузскаго въ Свѣд. о рукоп., содерж. въ себѣ Хожденіе (Чт. О. ист. и др. росс. 1891, III, 39).

[2]) Слово стг҃о дорофѣꙗ епⷭ҇кпа. тоурьскаго. ѡ стꙑ҃х. в҃і. апостолъ переходитъ и на об. 250-го листа.

[3]) Слово стг҃о епифаниꙗ. сказаніе ѡ пророцѣх. и ѡ пророчицахъ занимаетъ об. 250-го, 251-й и об. 251-го лл.

«Въ частяхъ c) и d) чернила и почеркъ совершенно тѣ же, что и въ части b).

«Рукопись форматомъ въ десть обыкновенной бумаги. Оба сорта бумаги, можно думать, принадлежатъ къ числу старѣйшихъ произведеній польскихъ бумажныхъ мельницъ (хотя это положеніе требуетъ еще доказательствъ).

«Бумага лѣтописи (лл. 1 — 245) съ очень частыми vergeures и pontuseaux, выдѣлка хорошая. Знаки—бычачья голова разныхъ типовъ (см. №№ 3893—3903). Бумага листовъ 246—251-го другой выдѣлки, vergeures пошире, но по времени она вполнѣ современна первой. Знаки—бычачья голова съ громаднымъ крестомъ (см. №№ 3904 и 3905).

«Для опредѣленія времени написанія Радзивиловскаго списка обратимъ вниманіе на №№ 3864 и 3857 нашего альбома. Обѣ филиграни заимствованы какъ разъ изъ польскаго сборника Пекосинскаго, который первый знакъ зарисовалъ изъ документовъ 1486 года, а второй изъ документовъ 1495 года. Первый знакъ совершенно подобенъ по типу знакамъ лѣтописи, а второй схожъ съ филигранями дополнительныхъ листовъ 246—251. Судя по бумагѣ, время написанія Радзивиловскаго списка должно быть отнесено съ наибольшей вѣроятностью къ послѣднему десятилѣтію XV вѣка».

Къ этому описанію прибавимъ только, что происхожденіе рукописи нельзя ставить въ связь съ происхожденіемъ бумаги, въ виду того, что никакихъ данныхъ для утвержденія, что Радзивиловская лѣтопись возникла въ Западной Руси, не имѣется.

Первая часть рукописи писана одной рукой весьма четкимъ полууставомъ; только на л. 38—38 об. замѣчается другой почеркъ (при чемъ первыя четыре строки л. 38 об. писаны господствующимъ почеркомъ). Буквы въ началѣ предло-

женій и абзацовъ не были вписаны самимъ писцомъ, опустившимъ ихъ, быть можетъ, въ виду желанія начертить ихъ киноварью. Но на первыхъ 107 листахъ опущенныя прописныя буквы вписаны чернилами почти всѣ (примѣръ пропуска на л. 56: лѣ҃ ҂ѕ҃. ф҃.); на лл. 39 об. и 58 прописныя буквы приставлены ошибочно къ мелкимъ буквамъ въ началѣ фразъ: В в лѣ҃ ҂ѕ҃ у҃. об҃ и Ѡѡи же ре҃; на лл. 46 и 96 об. вмѣсто З вписано В: Варатиша҃ вѧтичи; Варати҃ всеславъ. Съ листа 107 об. прописныя буквы остались невписанными (напр. рочии чит. Прочии; се҃ лѣто чит. В се҃ лѣто; ъ дрꙋгии же дн҃ь чит. Въ дрꙋгии же дн҃ь и т. п.). Но на л. 118 вписано Н (Начало кн҃жениа).

Текстъ лѣтописи почти не искаженъ позднѣйшими приписками и поправками: имѣющіяся поправки принадлежатъ, кажется, самому писцу. Такъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ выносилъ на поля пропущенные имъ по ошибкѣ слоги и слова; ср. на нижнемъ полѣ л. 241-го слова: «лѣ҃ ѕ҃ ѱ҃ а. бы҃ пожаръ вели҃ в гр҃а володимири. ню҃ кг҃», которыя должны читаться передъ 6-й строчкой сверху; на нижнемъ полѣ л. 56-го: «соущаꙗ двою лѣ҃ ѡни же ше҃ша и избиша младенца», съ знакомъ выноски, которому на стр. 5-й снизу соотвѣтствуетъ знакъ послѣ словъ: «избиите мла҃нца»; на правомъ полѣ л. 227 вынесенъ слогъ ми съ знакомъ выноски, которому соотвѣтствуетъ подобный же знакъ послѣ словъ «с наши» въ текстѣ противъ этого мѣста; на лѣвомъ полѣ л. 204 об. слогъ сꙋ съ знакомъ выноски, которому соотвѣтствуетъ знакъ послѣ слова живꙋ и передъ слогомъ щоу въ текстѣ противъ этого мѣста. На л. 136 буквы росто въ ростовꙋ передѣланы, кажется, изъ пере: писецъ началъ писать переꙗславлю. На л. 210 въ текстѣ зачеркнуто слово конца (и смири ꙗ до конца земли).

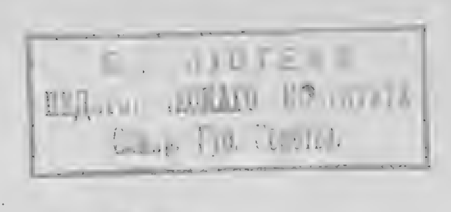
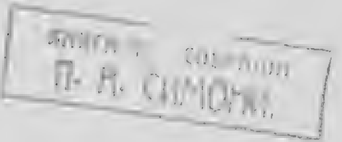
Новѣйшею рукою (XVII в.) поправки и добавленія имѣются только на оборотѣ 2-го листа, гдѣ надъ словомъ (сн҃ве) сифови надписано ароакса̑. надъ хамови сн҃ве—ханаѿ, надъ афетові сн҃ве—гаме̊ и маго̄. и мадаї (?), надъ полоуденныя страны—полꙋнощны̆. Ниже болѣе новою рукой волохо̑ передѣлано въ волото̑. Новая приписка и на л. 51, гдѣ надъ словами кровь бра҃ твое҃ надписано: и рече емꙋ бг҃ъ. На л. 41 новой рукой переправлено гроблю въ грѣблю. Слово ре҃ весьма часто снабжается новой рукой надстрочнымъ е (напр. на л. 41 об., 42, 38 и др.).

Въ XVI вѣкѣ, а именно, какъ кажется, въ 1528 году, еще въ великорусской (судя по языку) мѣстности, какой-то читатель внесъ на поля нѣсколько замѣтокъ. На об. 157-го листа, противъ того мѣста, гдѣ говорится о посылкѣ въ 6627 (1119) году Мономахомъ сына Андрея на княженіе во Владимиръ (Волынскій), на лѣвомъ полѣ имѣется приписка: «володимирьскои цр҃кви. у҃ лѣ҃. без трицати и без двꙋ». Думаю, что читателю пришло въ голову, что дѣло идетъ о Владимирѣ Суздальскомъ и объ Андреѣ Юрьевичѣ, основателѣ соборнаго храма во Владимирѣ. Храмъ этотъ оконченъ въ 1160 году (ср. ниже въ Радзив. на л. 204); прибавляя къ этому году цифру 368, заключаемъ, что приписка сдѣлана въ 1528 году. Тою же рукой сдѣланъ еще рядъ другихъ приписокъ: на л. 88, противъ извѣстія 6548 года «Ярославъ иде на литвꙋ»—ѿ литв; на л. 90 ѡ митрополите. осѡпе҃те; на л. 93 об. де҃ сн҃о ерослл҃и; на л. 134 об. ѡ татарьски҃ ꙗзыце҃; на л. 204, противъ извѣстія о построеніи Андреемъ Владимирскаго храма: ѡ моско҃ско҃ володимир (далѣе срѣзано); на л. 205 об. первое взѧ҃е кн҃ское; на л. 207 об. рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ и словами: ѡ полоно҃ митропол҃и горо̑.; на л. 210 свобода нв҃городьскаꙗ; на л. 220 об.

зрі да̑ныны ка̑ добро (въ текстѣ: новгоро̑ци бо изна̑ла. и смолнѧне. и кыане. и полочане. и всѧ власти. ıако̑ на дꙋмоу на вечьє сходѧ̑сѧ...); на л. 231, противъ разсказа, гдѣ говорится о военныхъ подвигахъ Владимира Глѣбовича Переяславскаго: ве̑де волод(и)мирь стар(   ) и ни̑ лꙋче; на л. 239: зрі ѡ полоч(анехъ ?).

Остальныя приписки сдѣланы другой рукой, едва ли не въ концѣ XV вѣка, противъ рисунковъ на первыхъ восьми листахъ рукописи.

Эти рисунки придаютъ нашей рукописи особенную цѣнность. Ихъ всего 604; изъ нихъ шесть находятся на отдѣльныхъ листкахъ, приклеенныхъ къ листамъ 38, 88, 88 об., 89 и 95 об. поверхъ другихъ рисунковъ. Рисунки раскрашены. Они изображаютъ тѣ событія, о которыхъ сообщается въ текстѣ, по большей части непосредственно имъ предшествующемъ. Нерѣдко писцу приходилось сокращать строки, чтобы заполнить конецъ страницы, на которой онъ не надѣялся умѣстить рисунокъ, переносившійся поэтому на начало слѣдующей страницы: ср. на лл. 32, 32 об., 61, 67, 86 и др. Кажется, не всѣ рисунки сдѣланы одною рукой: по крайней мѣрѣ рисунки на лл. 37 об. и 38 рѣзко отличаются отъ остальныхъ. Часть нижняго рисунка на л. 5 об. срѣзана, отчего пострадалъ и текстъ лицевой стороны этого листа. Попорченъ также рисунокъ на 8 л., отчего пострадалъ и текстъ на оборотѣ этого листа. Какъ указано выше, рисунки на первыхъ восьми листахъ снабжены надписями, напр. на л. 4 об. гра̑ смоленескъ, на л. 3 об. ст̑ыи ап̑лъ (а)нр̑ѣи. поста(в)и на горѣ кре(с)тъ гдѣ же (б)ѣ гра̑ киевъ, и др. Рисунки принадлежатъ перу того самаго лица, которое писало текстъ. Это можно

заключить изъ того, что смѣнѣ почерка на л. 38 — 38 об. соотвѣтствуетъ перемѣна въ характерѣ рисунковъ на л. 37 об. и 38.

Въ правописаніи первой части рукописи (лѣтописи) отмѣтимъ: исключительное употребленіе ы, не ꙑ; безразличное употребленіе оу и ꙋ (одно у не встрѣчается, но ра̑уєтъ, гра̑у и т. п., т.-е. въ положеніи за а̑); вмѣсто ꙋ нерѣдко о вслѣдствіе пропуска верхней части этой буквы (напр. игоменомъ 129 об.); употребленіе ѧ послѣ согласныхъ, а ꙗ въ началѣ слога, при чемъ вмѣсто ꙗ нерѣдко пишется а (прелюбодѣаша, приати, мр҃ьа, дьаволъ, оубоавши, сѣчи а, ꙋбиша а, акоу при ꙗкоунъ); употребленіе є вмѣсто е въ началѣ слога; употребленіе ѡ, рѣже широкаго о и очного ꙩ (напр. ово ли на л. 105; ꙩгражаєми л. 100) въ началѣ слова и слога. Надъ буквами въ началѣ слога употребляются надстрочные знаки ̆ ̑; надъ ꙗ (рѣже а, замѣнившимъ ꙗ) и ѡ пишутся два знака: ꙗ̆̑, ѡ̆̑; надъ очнымъ ꙩ три знака: ꙩгражаємиъ л. 100; два знака пишутся и надъ оу также и не въ началѣ слога: ѥмоу, приседѧхоу оу него, и т. п.

Почеркъ на 38-мъ листѣ представляетъ свои особенности: ѧ пишется и въ началѣ слога (болѧры своѧ); е въ началѣ слога обыкновенно не отличается особой буквой, но иногда оно изображается, какъ очень широкое є; ѡ пишется и послѣ согласныхъ (ѡтрокѡ); з, а не z, какъ въ главномъ почеркѣ; ї чередуется съ и.

Радзивиловская лѣтопись давно уже обратила на себя вниманіе ученаго міра. Интересъ къ себѣ она возбуждала еще въ Кенигсбергѣ, какъ можно заключить изъ краткаго описанія ея состава, сдѣланнаго по-нѣмецки и помѣщеннаго на второмъ листѣ рукописи (Ruszische Historie beschrieben von Theodosiô

einem München, im Petschurischen Kloster, bey Kyiow, и т. д.) [1]. Ср. еще нѣмецкую надпись, впослѣдствіи зачеркнутую, на л. 5-мъ.

Въ 1716 году Петръ Великій, узнавъ о существованіи въ Кенигсбергѣ древней русской лѣтописи, распорядился снять съ нея копію [2]. Копія эта весьма точно воспроизводитъ оригиналъ: «подлинникъ и копія столь между собою сходны, даже въ рисункахъ, бумагѣ и переплетѣ—читаемъ мы въ представленіи библіотекаря Шуберта конференціи Академіи Наукъ отъ 12 января 1814 года,—что первый отличается только цвѣтомъ, означающимъ древность онаго». Копія писана въ форматѣ листа и заключаетъ въ себѣ 311 нумерованныхъ и 5 ненумерованныхъ листовъ; она передаетъ текстъ какъ лѣтописи, такъ и слѣдующихъ за нею статей, а также текстъ упомянутаго выше нѣмецкаго описанія содержанія лѣтописи. Копія, переплетенная въ зеленый сафьянный переплетъ, хра-

---

[1] Конечно, это описаніе написано не рукою акад. Миллера, какъ утверждается въ предисловіяхъ къ изданіямъ Лаврентьевской лѣтописи (начиная съ I т. Полн. Собр. Русск. Лѣт.), ибо оно имѣлось въ рукописи уже въ 1716 году (ср. ниже). Противъ выписаннаго начала описанія новѣйшею рукою карандашомъ написано: „Описаніе, составленное въ 1780 г.“.

[2] У Татищева въ VII гл. I части Исторіи россійской, у Шлецера, который слѣдовалъ Татищеву (Probe russ. Annalen, 15), равно какъ въ предисловіяхъ къ изданіямъ Археогр. Комм. Лавр. лѣтописи указанъ 1716 годъ; также у Иконникова въ Опытѣ русской исторіографіи, т. I, с. 112. Но по даннымъ Библіотеки Академіи Наукъ копія приготовлена въ 1713 году. Ср. надпись на этой копіи („Сія книга точный списокъ съ Радзивиловскаго списка Несторовой лѣтописи, сдѣланный въ Кенигсбергѣ, по повелѣнію Государя Императора Петра Великаго въ 1713 году“). То же въ приложеніи къ представленію библіотекаря Шуберта 12 янв. 1814 года, хранящемуся въ указанномъ выше дѣлѣ о пожертвованіи гр. Румянцевымъ денегъ на изданіе лѣтописей. Шлецеръ упоминаетъ о томъ, что Петръ Великій видѣлъ рукопись еще въ 1697 году.

нится въ Библіотекѣ Академіи Наукъ въ папкѣ съ вытиснутымъ на ней названіемъ: «Списокъ Кенигсбергскаго Нестора». Въ каталогѣ 1818 года значилась подъ № 6, а теперь имѣетъ шифру 31.7.22.

Кромѣ этой копіи, въ той же Библіотекѣ имѣется еще другая копія съ Радзивиловской лѣтописи, но безъ рисунковъ. Мѣста рисунковъ обозначены въ копіи словомъ фїг. (фигура). Эта копія писана, какъ кажется, въ началѣ XIX столѣтія. Сохранилась не въ полномъ видѣ, а именно въ ней недостаетъ, судя по листовымъ помѣтамъ, первыхъ шести листовъ, а также окончанія. Начинается словами: «Обрина, и тако м8чаху дулѣбы», а оканчивается словами: «и стрѣляющимся с ними ростиславу же и борисови». Эти слова принадлежатъ лѣтописному разсказу о 6657 (1149) годѣ: такимъ образомъ утрачено не менѣе третьей части листовъ указанной копіи, до сихъ поръ не переплетенной. На послѣднемъ листѣ противъ приведенныхъ словъ карандашная замѣтка: «S. 211 der Ausgabe vom J. 1767».

Въ Публичной Библіотекѣ имѣется также копія съ Радзивиловской лѣтописи и слѣдующихъ за нею статей (шифра FIV № 325): копія сдѣлана въ XVIII в. разными руками заключаетъ въ себѣ 278 стр.; на поляхъ снабжена многочисленными приписками, большею частью указывающими на содержаніе текста.

Копія, сдѣланная въ 1716 году по повелѣнію Петра Великаго, послужила источникомъ какъ для Татищева, такъ и для Ломоносова въ ихъ историческихъ трудахъ. Татищевъ ссылается на эту копію въ I части своей исторіи, въ главѣ седьмой «о спискахъ или манускриптахъ, употребленныхъ къ сему собранію», при чемъ выражаетъ мысль о необходимости

свѣрить эту копію съ подлинникомъ, остававшимся въ Кенигсбергѣ. Въ древнѣйшихъ частяхъ своей исторіи Татищевъ довольно близко придерживался текста Радзивиловской лѣтописи. Она же легла въ основаніе «Древней Россійской исторіи» (Спб. 1766), сочиненной Ломоносовымъ: на пользованіе копіей, а не подлинною рукописью указалъ акад. Сухомлиновъ (Сочиненія М. В. Ломоносова, т. V, примѣчанія, стр. 185).

«Въ 1761 году — читаемъ мы у Пекарскаго въ Исторіи Академіи Наукъ—въ академической типографіи начата была печатаніемъ лѣтопись Нестора по Кенигсбергскому списку по непосредственному распоряженію Тауберта, о чемъ Шлецеръ [1]), несмотря на всю дружбу къ нему, оставилъ такія замѣчанія: „Мюллеръ за много лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлалъ предложеніе объ изданіи лѣтописей. Не должно-ли было быть ему чувствительно, что не ему первому, высказавшему это предложеніе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ профессоромъ исторіи, а Тауберту, поручено исполненіе? Поэтому онъ не принималъ здѣсь впослѣдствіи никакого участія... Таубертъ вовсе не былъ ученымъ по профессіи и притомъ занятый дѣлами, несравненно важнѣйшими, а потому это не былъ человѣкъ, отъ котораго можно было бы требовать изданія средневѣковой лѣтописи. И такъ онъ возложилъ печатаніе, корректуру и все дѣло на несвѣдущаго, впрочемъ знающаго латинь, канцеляриста при Академіи, Баркова. Таубертъ дозволялъ или, лучше сказать, приказывалъ этому издателю: 1) измѣнять или подновлять старинную ороографію; 2) выпускать цѣлыя мѣста, не имѣющія въ себѣ ничего историческаго, также проповѣди со множествомъ библей-

[1]) Въ его August Ludwig Schlözers öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben (1802), стр. 63, 65, 66, 103. Переводъ у Пекарскаго, Ист. Имп. Акад. Наукъ, I, 656—657.

скихъ изреченій (историки, однако, могли бы опредѣлять древность при собраніи разночтеній) и т. п.; 3) непонятныя мѣста дѣлать по догадкамъ ясными; старыя, вышедшія изъ употребленія слова замѣнять новыми ex ingenio, и 4) пропуски восполнять изъ другихъ сборниковъ". Это изданіе Нестора было выпущено въ свѣтъ не ранѣе 1767 года [1])... Помѣщенное здѣсь предисловіе Шлецеръ приписываетъ себѣ, между тѣмъ Шереръ и Новиковъ считали Тауберта его сочинителемъ, можетъ быть, потому, что дѣйствительно въ предисловіи хотя и упоминается о Шлецерѣ, но какъ о лицѣ, представившемъ проектъ о занятіяхъ русскою исторіей, и что въ то же время подписавшій предисловіе «издатель» прямо говоритъ, что онъ предпринялъ изданіе Нестора по приказанію президента Академіи, гр. Разумовскаго, въ 1761 году (предисловіе, стр. 31), т.-е. тогда, когда Шлецеръ не принадлежалъ Академіи и едва только пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ частный человѣкъ. Поэтому странными кажутся желчные упреки Шлецера Новикову за то, что этотъ въ своемъ Опытѣ Словаря предисловіе приписалъ Тауберту и какъ будто намѣренно умолчалъ о немъ, Шлецерѣ» [2]).

Приведенными словами Шлецера опредѣляется полная некритичность изданія 1767 года, безъ всякой нужды дополнявшаго текстъ Радзивиловской лѣтописи, особенно начиная съ 1111 года, извѣстіями изъ другихъ лѣтописей — Сильвестровой (?),

---

[1]) „Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года" въ I части „Библіотеки Россійской Исторической". (Спб. 1767).

[2]) Въ „Несторъ—Russ. Annalen" (1802) Шлецеръ категорически утверждаетъ, что предисловіе это написано имъ по просьбѣ Тауберта (II, 284). На стр. 95—96 І-й части изложена исторія изданія 1767 года.

Новгородской, Никоновской и «Собранія господина Татищева». Вставки эти не всегда отдѣлены скобками отъ основного текста. Пропуски въ текстѣ, равно какъ и явныя искаженія его, дѣлаютъ изданіе Баркова - Тауберта совершенно непригоднымъ для научныхъ цѣлей. Любопытно отмѣтить, что изданіе воспроизводитъ не оригиналъ Радзивиловской лѣтописи, которая съ 1760 года находилась уже въ Академіи, а упомянутую копію 1716 года. Это видно изъ самой копіи, содержащей рядъ карандашныхъ поправокъ и замѣтокъ, вошедшихъ въ изданіе 1767 года. Такъ, напр., напечатанное на стр. 113 курсивомъ въ статьѣ 1052 года «мѣсяца Октября въ четвертый день» читается въ копіи на нижнемъ полѣ 115 листа; слова «жити хощеши, или безсмертенъ мнишися; пріими мечь сей, вонзи преже во утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея», напечатанныя на стр. 186-й курсивомъ, въ копіи написаны карандашомъ на полѣ 200 листа при лѣтописной статьѣ 1128 года. Кромѣ того, въ копіи 1716 года отчеркнуты карандашомъ тѣ самыя мѣста, которыя опущены въ изданіи: напр., подъ 1091 годомъ отчеркнуто отъ словъ «Сеⷤ повѣмъ мало нѣчто еже збы҃ прореченіе оеѡⷣсиево» и до словъ «ѿ противника врага соблюⷣ ми твоими млт҃вами».

Подлинникомъ Радзивиловской лѣтописи занялся Шлецеръ. Онъ сообщаетъ объ этой лѣтописи свѣдѣнія въ Probe russischer Annalen (1768 г.), на стр. 15 и 181, называя ее codex Radzivilicus или Regiomontanus. Въ позднѣйшемъ трудѣ своемъ «Несторъ—Russische Annalen» (1802) онъ кладетъ въ основаніе сводного изданія древней русской лѣтописи Радзивиловскій списокъ, оговариваясь при этомъ, что пользуется спискомъ, приготовленнымъ для него съ подлинника (т. II, стр. II). Работавшіе съ 1804 года надъ изданіемъ Лаврентьевской лѣ-

тописи профессора Чеботаревъ и Черепановъ пользовались Радзивиловскою лѣтописью для подведенія изъ нея разночтеній къ издаваемому тексту (изданіе осталось неоконченнымъ и погибло въ Москвѣ въ пожарѣ 1812 года) [1]. Вѣроятно, въ связи съ этой работой стояло то обстоятельство, что подлинникъ Радзивиловской лѣтописи былъ переданъ 10 іюня 1804 года по Высочайшему повелѣнію въ пользованіе тайнаго совѣтника Муравьева. Послѣ смерти его рукопись оказалась у Оленина, о чемъ библіотекарь Шубертъ доносилъ конференціи Академіи Наукъ 12 янв. 1814 года, присовокупляя, что онъ не могъ получить ея обратно, не взирая на всѣ требованія. Въ 1815 году Оленинъ предложилъ графу Разумовскому, пожертвовавшему Академіи Наукъ 25.000 р. на изданіе древнихъ россійскихъ историческихъ рукописей, начать изданіе лѣтописей съ Кенигсбергскаго списка, «потому что первое онаго изданіе столь неисправно, что ни къ какому употребленію служить не можетъ, при чемъ въ письмѣ на имя президента Академіи онъ сообщалъ, что стараніемъ Ермолаева, хранителя рукописей Императорской Публичной Библіотеки, Кенигсбергскій списокъ приготовленъ къ печати», и выражалъ желаніе «присовокупить къ изданію нѣкоторые изъ любопытнѣйшихъ рисунковъ, относящихся къ древнимъ обычаямъ». Для этого онъ испрашивалъ 3.000 р., которые и были выданы ему Академіей. Чѣмъ кончилось предпріятіе Оленина, почему изданіе Радзивиловской лѣтописи остановилось, неизвѣстно. Въ 1818 году объ этомъ запрашивалъ конференцію новый президентъ ея С. Уваровъ; ссылаясь на то, что

---

[1]) Въ Библіотекѣ Академіи Наукъ имѣется два корректурныхъ оттиска первыхъ листовъ изданія, представляющіе одинъ отъ другого отличія.

изданіе лѣтописи Нестора поручено г. тайному совѣтнику Оленину, конференція 9 февраля отвѣчала, что «посему она никакой не имѣетъ отвѣтственности въ замедленіи скораго изданія, происходящемъ отъ многочисленныхъ занятій г. Оленина».

Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ, послѣ погибели изданія Лаврентьевской лѣтописи, предпринятаго, по его порученію, Чеботаревымъ и Черепановымъ, предложило начать вновь изданіе той же лѣтописи проф. Тимковскому. Тимковскій успѣлъ напечатать только тринадцать листовъ, которые и были выпущены въ свѣтъ въ 1824 году съ предисловіемъ Калайдовича. Къ тексту Лаврентьевской лѣтописи подведены варіанты по изданію 1767 года Радзивиловской лѣтописи, исправленному по подлиннику.

Карамзинъ пользовался Кенигсбергскимъ спискомъ, «завоеваннымъ Россіянами въ 1760 году», и дополнилъ по нему свѣдѣнія, извлеченныя изъ харатейныхъ лѣтописей, т.-е. Лаврентьевской и Троицкой. Изъ прим. 278 къ I тому видно, что въ рукахъ Карамзина находилась подлинная рукопись.

Редакторы I тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей (Спб. 1846) воспользовались Радзивиловскою лѣтописью при изданіи «древняго текста Нестора», а именно подвели изъ нея варіанты къ Лаврентьевской лѣтописи на всемъ протяженіи общаго текста обѣихъ лѣтописей (т.-е. до 1206 года); въ части отъ 1111 года, т.-е. съ того мѣста, гдѣ текстъ Лаврентьевской расходится съ текстомъ Ипатьевской, пропуски Лаврентьевскаго списка восполняются по Радзивиловскому (напр., подъ 1203, 1206 гг.).

Еще тщательнѣе подведены варіанты къ Лаврентьевской лѣтописи изъ Радзивиловской во второмъ и третьемъ изданіяхъ

лѣтописи по Лаврентьевскому списку (Спб. 1872 и 1897), приготовленныхъ А. Ѳ. Бычковымъ. Въ предисловіяхъ къ этимъ изданіямъ помѣщено обстоятельное описаніе Радзивиловскаго списка; пропуски Лаврентьевской съ самаго начала ея и до 1206 года восполнены по Радзивиловской.

Такимъ образомъ значеніе Радзивиловской лѣтописи, какъ одного изъ важнѣйшихъ памятниковъ русскаго лѣтописанія, было оцѣнено уже въ XVIII вѣкѣ. Но только теперь, благодаря фототипическому воспроизведенію Радзивиловской лѣтописи, научный интересъ къ ней найдетъ полное удовлетвореніе, такъ какъ безъ полнаго изданія ея невозможно было приступить къ ея изученію. За иллюстраціями Радзивиловской лѣтописи, представлявшимися въ XVIII в. только «смѣшными» и «любопытными», признано было съ теченіемъ времени выдающееся научное значеніе, какъ за цѣнными памятниками русскаго искусства. Детальное изученіе памятника и съ этой стороны стало теперь доступнымъ широкому кругу изслѣдователей.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О РАДЗИВИЛОВСКОЙ ИЛИ КЕНИГСБЕРГСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

Глава I.

Общія замѣчанія о составѣ лѣтописи по Радзивиловскому списку.

Радзивиловскій списокъ содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ въ редакціи, доведенной до 6618 (1110) года и оканчивающейся приписской игумена Сильвестра 6624 (1116) года (лл. 1 об. — 155), во-вторыхъ, лѣтопись событій, относящихся къ 6620 (1112) — 6714 (1206) годамъ, при чемъ со второй половины XII столѣтія преимущественное вниманіе удѣляется Суздальской Руси, Владимірскому великому княженію; послѣ 6694 (1186) года Южная Русь занимаетъ лѣтописца лишь по стольку, по скольку въ переживавшихся ею событіяхъ принималъ участіе великій князь Всеволодъ Юрьевичъ. Самымъ позднимъ извѣстіемъ, занесеннымъ въ Радзивиловскій списокъ, оказывается кончина супруги в. к. Всеволода Маріи, случившаяся 19 марта 6714 (1206) года: по словами, заключающими это извѣстіе «вложиша ю в гробъ каменъ. и положиша ю в цр̃кви с̃тыє б̃це» (конецъ л. 244 об.), не оканчивается Радзивиловскій списокъ; за ними читаются: конецъ лѣтописнаго разсказа 6711 (1203) года (б̃голюбивый и

млрдын великии кнзь всеволо̑. не помлноу зла рюрикова. что есть сотворило оу рꙋсте земли. но дап емоу ѡпѧ̑ киевъ) и изложеніе событій 6712 (1204)—6713 (1205) годовъ (лл. 244 об.—245 об.). Такимъ образомъ Радзивиловскій списокъ оканчивается извѣстіемъ 6713 (1205) г.: «той̑ зимы биш̑е ѡлговп(чи) с литвою». Сопоставленіе Радзивиловскаго списка съ Лѣтописцемъ Переяславля-Суздальскаго (изд. кн. М. Оболенскимъ, М. 1851) и съ Воскресенскою лѣтописью (Полное Собр. Русск. Лѣт., т. VII) показываетъ, что весь отрывокъ, помѣщенный въ Радзивиловскомъ спискѣ послѣ извѣстія 6714 (1206) года, долженъ читаться за слѣдующею фразой лѣтописнаго разсказа 6711 (1203) года, стоящею въ этомъ спискѣ на своемъ мѣстѣ, на л. 244: «и ты сѧ моли. и ꙗ сѧ молю абы ти да̑ киевъ ѡпѧ̑». Ясно, что перестановка отрывка, обнимающаго событія 6711—6713 годовъ, произошла вслѣдствіе путаницы листовъ оригинала Радзивиловскаго списка или одного изъ протографовъ этого списка; отрывокъ послѣ словъ «абы ти да̑ киевъ ѡпѧ̑» и до словъ «биш̑а ѡлговп с литвою» помѣщался, очевидно, на листѣ, попавшемъ не на свое мѣсто, въ конецъ рукописи.

Выше при описаніи рукописи было указано на утрату двухъ листовъ рукописи: листъ, утраченный послѣ 7-го и носившій по древней нумераціи помѣтку и̃, заключалъ въ себѣ конецъ начатаго на об. 7-го листа разсказа о дани, наложенной Козарами на Полянъ, далѣе хронологическую выкладку подъ 6360 (852) г., перечень не заполненныхъ 6361—6365 гг. и начало разсказа 6366 (858) г. Судя по Лаврентьевской лѣтописи и Суздальскому Академическому списку (о которыхъ см. ниже), утраченный листъ начинался словами «внесоша ко заре ко кнѧзю своемоу», а оканчивался словами «не могоша

стати противоу». Утраченный послѣ 240-го листъ, носившій древнюю помѣту спг, содержалъ, какъ видно изъ Лаврентьевской лѣтописи и изъ Суздальскаго Академическаго списка, разсказъ о событіяхъ 6697 (1189)—6700 (1192) гг., при чемъ 241-й листъ (по древней помѣтѣ спд) продолжаетъ разсказъ 6700 года. Перестановка листовъ, замѣчаемая въ одномъ мѣстѣ Радзивиловскаго списка, уже отмѣчена выше: по ошибкѣ переплетчика, происшедшей при томъ раньше нумераціи листовъ церковно-славянскими цифрами, лл. 237 и 238 попали не на свое мѣсто: имъ слѣдуетъ быть послѣ 243-го листа; такимъ образомъ послѣ 236-го листа должно перейти къ 239—243, а послѣ 243-го къ 237 и 238.

Происхожденіе и составъ лѣтописи по Радзивиловскому списку выясняются путемъ сравнительнаго изслѣдованія ея съ другими сходными съ нею лѣтописями. Сопоставленіе съ одною изъ такихъ лѣтописей приводитъ насъ къ возстановленію главнаго источника лѣтописи по Радзивиловскому списку. Сравненіе этого памятника съ другими лѣтописными сводами открываетъ передъ нами исторію Суздальскаго лѣтописанія. Прослѣдивъ главные моменты этого лѣтописанія и возстановивъ составъ тѣхъ древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, которые отразились, какъ въ основномъ источникѣ Радзивиловскаго списка, такъ и въ немъ самомъ, мы можемъ бросить свѣтъ на интересующую насъ литературную исторію этого списка.

Глава II.

Отношеніе Радзивиловскаго списка къ Суздальской Академической лѣтописи.

Суздальскою Академическою лѣтописью мы называемъ здѣсь ту лѣтопись, которая хранится въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи подъ № $^5/_{182}$ и была извѣстна издателямъ I т. Полн. Собр. Русск. Лѣт. подъ названіемъ Троицкой I, а редакторомъ Лѣтописи по Лаврентіевскому списку (Спб 1872 и 1897), А. Ө. Бычковымъ, была названа во второй ея части (см. ниже) Суздальскою лѣтописью по Академическому списку. Суздальская Академическая лѣтопись писана, по указанію А. Ө. Бычкова, полууставомъ въ XV вѣкѣ. Первая часть этой лѣтописи, извѣстная по варіантамъ, приведеннымъ изъ нея въ изданіяхъ Лаврентьевской лѣтописи, тожественна по составу своему съ Радзивиловскимъ спискомъ; такъ же, какъ этотъ списокъ, она оканчивается словами «Той же зимы бишася Олговичи с Литвою», словами, относящимися къ разсказу о событіяхъ 6713 (1205) года, при чемъ выше, какъ и въ Радзивиловскомъ спискѣ, излагались событія 6714 (1206) года. Вторая частьUžд.-Акад. лѣтописи слѣдуетъ непосредственно за приведенными словами и начинается съ новгородскаго извѣстія, относящагося къ 6713 (1205) году, о присылкѣ великимъ княземъ Всеволодомъ своего сына Константина въ Новгородъ; это извѣстіе, равно какъ и дальнѣйшія, до конца 6746 (1238) года, оказываются заимствованными изъ той редакціи Софійской 1-й лѣтописи, которая отразилась въ спискахъ, принадлежавшихъ Карамзину и кн. Оболенскому (см. V т. Полн. Собр. Русск. Лѣт.). Третью и послѣднюю часть Сузд.-Акад. лѣтописи составляютъ извлеченія,

сдѣланныя, какъ кажется, изъ общерусскаго лѣтописнаго свода 1423 года (полихрона) и обнимающія событія 6746 (1238)—6927 (1419) г. [1]). То обстоятельство, что въ числѣ источниковъ Сузд.-Акад. лѣтописи оказывается Софійская лѣтопись, составленная въ началѣ второй половины XV ст., заставляетъ отнести время составленія и написанія нашей лѣтописи ко второй половинѣ XV в. Тожество первой части Сузд.-Акад. лѣтописи съ Радзивиловскимъ спискомъ можетъ объясняться трояко: или такъ, что Радзивиловскій списокъ представляетъ изъ себя копію съ Сузд.-Акад., или что обратно первая часть Сузд.-Акад. списала текстъ Радзивиловскаго списка, или, наконецъ, такъ, что въ основаніе какъ Сузд.-Акад., такъ и Радзивиловскаго списка положенъ одинъ общій оригиналъ, тожественный по составу и равный по объему съ Радзивиловскимъ спискомъ, а не съ Сузд.-Академическою лѣтописью.

Предположеніе, что Радзивиловскій списокъ копія съ Сузд.-Акад., должно быть отвергнуто, въ виду тѣхъ многочисленныхъ пропусковъ, которые замѣчаются въ Сузд.-Акад., но отсутствуютъ въ Радзивиловскомъ. Составитель Радзив. списка не могъ бы восполнить этихъ пропусковъ, если бы оригиналомъ для него служила Сузд.-Акад. лѣтопись. Такъ, подъ 6635 (1127) г. видимъ въ Сузд.-Акад. обширный пропускъ, котораго нѣтъ въ Радзивиловскомъ спискѣ (ср. лл. 161—161 об.: сє̃ то мстиславоу . не оуспеѥше ничто̃—ѡни же оустрашивше̃ прѣша̃); подъ 6532 (1024) въ Сузд.-Акад. пропущенъ отрывокъ отъ словъ «И по семъ настꙋпи мстиславъ» и до словъ «а ѩкоунъ иде за море» (л. 84 об.); подъ 6453 (945) въ Сузд.-Акад. опущены слова «и присташа по̂ боричево̃ в ло̂и»

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1900 г. № 9, статью *Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ*, стр. 119 и слѣд.

послѣ словъ «ко ѡлзе в лодьи» (л. 27 об.); подъ 6559 (1051) опущено «и да боудеть на мѣстьци семъ» послѣ словъ «гн̄ оутверди мѧ в мѣстьце семъ» (л. 90 об.); подъ 6562 (1054) опущены слова «межы собою. бг̄ъ бѹдѐ в ва̑. и покорит вы протпвныа по̑ вы» (л. 93 об.); подъ 6592 (1084) опущено послѣ словъ «в се же времѧ выбегоста ростиславич̄» — «дв̑ъ и ѩрополка. и пришѐша прогнаста ѩрополка. и посла всеволо̑ сн̄а своѐ. володимера. и выгна ростиславич̄» (л. 118 об.); подъ 6599 (1091) опущено «ѡц̄емъ. снаслѣдникъ бывъ. последова оученню ѐ. и правѹ ихъ» (л. 123); подъ 6677 (1169) послѣ словъ «прави соу̑ новгоро̑ци» опущено: «зане иза̑вна свобожни сѹ̑ новгоро̑ци» (л. 210); подъ 6680 (1172) послѣ словъ «сн̄а посла» опущено: «и рѧзаньскыи кн̄зь сн̄а посла» (л. 211), и т. д.

Болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ другое возможное предположеніе, а именно, что первая часть Сузд.-Акад. лѣтописи—копія съ Радзивиловскаго списка. Редакторъ изданія Лаврентіевской лѣтописи замѣтилъ, что текстъ Сузд.-Акад. лѣтописи исправнѣе, чѣмъ текстъ Радзив. списка. Но эта бо́льшая исправность могла зависѣть отъ того, что въ распоряженіи составителя этой лѣтописи находилось, какъ мы видѣли, нѣсколько источниковъ (между прочимъ, Соф. 1-я лѣтопись и полихронъ); изъ нихъ-то и могли быть извлечены поправки и дополненія къ Радзив. списку. Такъ, напр., подъ 6562 (1054) годомъ въ Сузд.-Акад. указано, что по завѣщанію Ярослава Владиміръ (Волынскій) достался сыну его Игорю: словъ «а Игорю Володимерь» нѣтъ не только въ Радзив. (л. 93 об.), но также въ Лавр., Ипат., Переясл. и сходныхъ съ ними. Но мы находимъ ихъ въ Софійской 1-й, Львовской, Никоновской и др.; они читались также въ Троицкой (Ист. Госуд. Росс. прим. 50 ко II-му т.); отсюда можно съ большою

вѣроятностью заключить, что въ Сузд.-Акад. они вставлены изъ одного изъ дополнительныхъ ея источниковъ. Замѣтимъ однако, что вообще вставокъ въ текстъ до 1206 года сдѣлано въ Сузд.-Акад. лѣтописи такъ мало, что объяснять, какъ вставки, напр., возстановленіе извѣстій о началѣ царствованія имп. Василія подъ 6376 (868) или о кончинѣ царицы Анны подъ 6515 (1007), извѣстій, опущенныхъ въ Радзив. сп. (лл. 10 и 73), возможно лишь при томъ предположеніи, что составитель Сузд.-Акад. лѣтописи пользовался для исправленія Радзив. списка не Софійскою лѣтописью и не полихрономъ, а текстомъ, весьма близкимъ по составу къ Радзивиловскому. Такой текстъ онъ могъ найти въ Троицкой лѣтописи, доведенной до 1409 года и утраченной въ пожаръ 1812 года. Извѣстно, что Троицкая лѣтопись до второй половины XIII ст. почти тожественна съ Лаврентьевскою: это доказывается, какъ выписками, сдѣланными изъ нея Карамзинымъ, такъ и Симеоновскою лѣтописью, которая въ части отъ 1177 до 1390 почти тожественна съ Троицкою. Подтвержденіе предположенію, что составитель Сузд.-Акад. лѣтописи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его текстъ исправнѣе текста Радзивиловскаго списка, слѣдовалъ чтеніямъ другого списка, а не предполагаемаго оригинала Радзив. списка, я вижу въ томъ обстоятельствѣ, что иногда мы встрѣчаемъ у него не болѣе древнія чтенія, а чтенія подновленныя, исправленныя: такъ, подъ 6683 (1175) годомъ въ Радзив. читаемъ (л. 213): «(Я)рослав же слышевъ. ıако стоить кыєвъ безъ кн҃зѧ. поваблєнъ ростиславичи. приѣха ѡпѧть к києвꙋ»: «поваблєнъ» значитъ призванъ, подговоренъ. Это мѣсто въ такомъ же видѣ сохранилось въ Переясл. лѣтописи, а также въ Тверской, куда оно перешло изъ полихрона. Но у большинства переписчиковъ оно вызывало недоумѣніе, и они

исправляли его, измѣняя при этомъ неудачно смыслъ всего извѣстія: въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто «повабленъ ростиславичи» читается «пограбленъ Олговичи» (изд. стр. 393), въ Лаврентьевской и Сузд.-Акад. «пограбленъ ростиславичи» (изд., стр. 348, прим.). И такъ составитель Сузд.-Акад. слѣдовалъ въ этомъ мѣстѣ не предполагаемому болѣе исправному оригиналу Радзивиловскаго списка, а ошибочному чтенію, быть можетъ, той же Троицкой лѣтописи. Близость Сузд.-Акад. къ Троицкой можно указать еще на нѣсколькихъ мѣстахъ; ср. подъ 6390 (882) въ Сузд.-Акад. и Троицк.: и увѣда Олегъ, Радзив.: и оувидѣ ѡлегъ (10 об.); подъ 6406 (898) въ Сузд.-Акад. и Троицк.: по семь же преложиста псалтырь, Радзив. преложиша прт҃лъ (13); подъ 6411 (903) въ Сузд.-Акад. и Троицк.: жену отъ пьскова именемъ олгу, Радзив.: именемъ ѡленꙋ (14 об.); подъ 6415 (907) въ Сузд.-Акад. и Троицк.: со Леономъ и Александромъ, Радзив.: со ѡленоⷨ и алексаӣромъ (15 об.) и др. Въ виду этого нахожу возможнымъ возвести къ Троицкой лѣтописи и другія чтенія Сузд.-Акад. списка, болѣе исправныя, чѣмъ чтенія списка Радзивиловскаго [1]).

[1]) Сюда относятся, напр.: вставка словъ „выпустиша печенѣзи мужь свой“ подъ 6501 (993) г., опущенныхъ въ Радзив. (л. 68 об.); также—словъ „яко смерда еста моего князя“ подъ 6579 (1071) г. (Радз. л. 171); также словъ „тезу своему“ подъ 6605 (1097) г. (Радз. л. 143); исправленіе по̑цемъ подъ 6646 (1138) (Радз. л. 168 об.) въ посулцемъ; со олеговичеᵐ подъ 6603 (1095) (Радз. л. 130) въ с девгеневичемъ; подъ 6659 (1151) оу перепетоты (Радз. л. 191) въ у перепетовы; подъ 6662 (1154) епискупа демьяна киевьскаго (Радз. л. 199 об.) въ епископа Демьяна Каневьскаго; подъ 6598 (1090) прочими знамении (Радз. л. 121) въ прочими зданьи; подъ 6665 (1155) с пироговищею (Радз. л. 200 об.) въ с пирогощею; подъ 6683 (1175) петръ курковъ (Радз. л. 214 об.) въ петръ куцьковь; подъ 6604 (1096) от пустыня евртвиския (Радз. л. 134 об.) въ отъ пустыня етривьскыя; подъ 6628 (1120) мятоущеся здѣ и ѿнде. погыбоша (Радз. л. 158) въ мятущеся сде и ондѣ и погыбоша.

Въ пользу того, что Радзивиловскій списокъ былъ оригиналомъ Сузд.-Акад. лѣтописи можетъ говорить и то обстоятельство, что Сузд.-Акад. лѣтопись почти нигдѣ (ср. предыдущее примѣчаніе) не возстановляетъ болѣе или менѣе обширныхъ пропусковъ Радзивиловскаго списка,—пропусковъ, зависѣвшихъ отчасти отъ разсѣянности составителя этого списка. Ср. обширные пропуски подъ 6582 (1074) г., послѣ словъ «и се порꙋчаю игоуменоу стефанꙋ» (Радз. 109 об.); подъ 6659 (1151) послѣ словъ «идеть ти володимирко» (Радз. 193); подъ 6662—6663 (1154—1155) послѣ словъ «и сѣде на дѣдни и на ѡтнѣ столѣ» (Радз. 200); подъ 6677 (1169) послѣ словъ «дасть сн҃оу своемꙋ переꙗславль» (Радз. 206 об.); ср. еще пропускъ отдѣльныхъ словъ, напр., послѣ «и помыслиша создати столпъ до небесе» (2 об.) пропущено: «въ дни нектана и фалека. и собрашася на мѣстѣ сенаръ поли здати столпъ до небесе» (Лавр.); подъ 6390 (882) послѣ словъ «вы нѣста кн҃зѧ. ни рода кн҃жа» (11) опущено «но азъ есмь роду княжа» (Лавр.); подъ 6599 (1091) послѣ словъ «куда копати» (121) опущено «и знаменавша мѣсто гдѣ копати» (Лавр.); подъ 6601 (1093) послѣ словъ «и поставиша стаги своꙗ» (126) опущено: «и поидоша стрѣлци из валу; и половци пришедше к валови, поставиша стягы своѣ» (Лавр.) и т. п. Конечно, всѣ эти пропуски могли быть и въ общемъ для Радзив. списка и Сузд.-Акад. лѣтописи оригиналѣ и потому сами по себѣ они не могутъ доказать, что Сузд.-Акад. лѣтопись копировала именно Радзивил. списокъ. Но для такого утвержденія имѣются и болѣе рѣшительныя данныя.

Во-первыхъ, нѣкоторые изъ пропусковъ Радзивиловскаго списка стоятъ въ связи съ имѣющимися въ немъ иллюстраціями. Такъ, обширные пропуски на лл. 200 и 206 об. (см. выше) могли

произойти отъ того, что на тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ замѣчается въ Радзив. и Сузд.-Акад. перерывъ текста, имѣются въ Радзив. рисунки[1]). Слѣдовательно, всего вѣроятнѣе допустить, что эти пропуски допущены тѣмъ самымъ лицомъ, которое видѣло въ своемъ оригиналѣ рисунки, т.-е. составителемъ Радзивиловскаго списка, а не составителемъ оригинала этого списка; въ Сузд.-Акад. лѣтопись пропуски эти перешли такимъ образомъ непосредственно изъ Радзивиловскаго списка. Во-вторыхъ, наше вниманіе обращаетъ отмѣченный уже выше въ Сузд.-Акад. лѣтописи пропускъ отрывка, начинающагося словами «и по семъ настѹпи мстиславъ» и оканчивающагося словами «а ꙗкоупъ иде за море» (6532 г.); какъ видно на л. 84 об., этотъ отрывокъ приходится въ Радзив. между двумя рисунками; если допустить, что Сузд.-Акад. лѣтопись копировала Радзив. списокъ, то пропускъ указаннаго отрывка легко объяснить тѣмъ, что глазъ переписчика перенесся на второй изъ обоихъ рисунковъ съ перваго, послѣ чего онъ сталъ списывать текстъ за вторымъ рисункомъ. То же можно сказать и о другомъ обширномъ пропускѣ подъ 6635 годомъ: пропускъ начинается послѣ «поча молитиса велі̃ мстиславѹ»; въ Радзив. за этими словами (160 об.) помѣщенъ рисунокъ, далѣе слѣдуетъ опущенный въ Сузд.-Акад. отрывокъ, затѣмъ еще рисунокъ и еще опущенный въ Сузд.-Акад. отрывокъ, наконецъ, новый рисунокъ, послѣ котораго идетъ, со словъ «(и)зѧславци почаша битѝ» текстъ, не опущенный въ Сузд.-Акад.; ясно, что составитель этой лѣтописи перескочилъ черезъ два рисунка, списывая текстъ Радзивиловскаго списка. Въ-третьихъ, нѣкоторыя повторенія въ Радзив. спискѣ объ-

[1]) На л. 200 въ Радзив. рисунокъ послѣ словъ „и сѣде на дѣдни и на отнѣ столѣ"—а за рисункомъ пропускъ. Равнымъ образомъ рисунокъ находимъ на л. 206 об. послѣ словъ „споу своему переяславль"—а за рисункомъ пропускъ.

ясняются опять-таки его иллюстраціями; наличность тѣхъ же повтореній въ Сузд.-Акад. указываетъ на то, что оригиналомъ для нея послужилъ Радзив. списокъ. Такъ, подъ 6611 (1103) годомъ въ Радзив. на л. 151 об., послѣ словъ «тогоⷤ лѣⷮ биⷭ ꙗрославⷡ с моⷣрвою. и побѣⷤнъ быⷭ ꙗрославъ», видимъ рисунокъ, изображающій возвращеніе русскихъ князей съ полономъ послѣ побѣды надъ половцами (ср. выше: и придоша в роуⷭ с полоноⷨ великиⷨ); за симъ читаемъ: «(т)огоⷤ лѣта биⷭ ꙗрославъ с моⷣрвою. и побѣⷤнъ быⷭ ꙗрославⷡ маⷭ д҃», послѣ чего другой рисунокъ, изображающій пораженіе Ярослава. Очевидно, составитель Радзив. списка, замѣтивъ, что, послѣ извѣстія о пораженіи Ярослава, попалъ неподходящій рисунокъ, рѣшилъ поправить ошибку, повторивъ это извѣстіе и помѣстивъ за нимъ рисунокъ подходящій. Подъ 6685 (1177) въ Радзив. на л. 222 читаемъ: «(т)огоⷤ лѣта привѣⷣша ростовци боꙗре мстислава ростиславича. из новагорода. рекꙋчи емꙋ пойди кн҃же к наⷨ»; тѣ же слова ошибочно, что̀ видно изъ Лавр., повторены на л. 222 об.; причину такого повторенія легко усмотрѣть въ томъ обстоятельствѣ, что этимъ словамъ и въ первомъ, и во второмъ мѣстѣ предшествуютъ картинки: на первомъ мѣстѣ видимъ изображеніе погребенія Михаила Юрьевича, на второмъ чудесное явленіе иконы Божіей Матери. Ясно, что составитель Радзив. списка перенесъ свое вниманіе съ этого второго рисунка на первый и сталъ списывать за нимъ текстъ, слѣдовавшій въ подлинникѣ за первымъ рисункомъ. Тѣ же повторенія находимъ въ Сузд.-Акад. лѣтописи и подъ 6611, и подъ 6685 годомъ: нельзя не вывести отсюда, что оригиналомъ служилъ для нея при этомъ Радзив. списокъ. Въ-четвертыхъ, одна изъ перестановокъ въ текстѣ Радзив. списка можетъ быть объяснена только зависимостью, въ которой находился соста-

витель означеннаго списка отъ иллюстрацій его подлинника. А именно, подъ 6605 (1097) г., послѣ словъ «бѣ бо посла̑ к лꙋцкоу» (л. 144 об.), судя по Лаврентьевской, замѣчается перестановка въ текстѣ: отрывокъ, гдѣ разсказывается о казни черезъ повѣшеніе Лазаря и Василя (сн҃мъ пошѐшю к лꙋцкꙋ. тꙋра̑ бежа києвꙋ — и идоша ѿ гра̑), помѣщенъ послѣ отрывка, гдѣ содержатся благочестивыя разсужденія по поводу этого событія (се второе ѿмщение сотвори. єго же не баше лѣпо творити — и воза̑сть месть враго̑ и ненавидѧщи̑ є̑). За первымъ отрывкомъ читаются слова «се же второє мщениє сотворивше», а слѣдующія за ними въ Лавр. лѣтописи, послѣ второго отрывка, слова «сымъ же отъ града отшедшимъ» измѣнены въ «и ѿидоша ѿ гра̑». Перестановкѣ въ текстѣ соотвѣтствуетъ перестановка рисунковъ: рисунокъ, изображающій взятіе Всеволожа, сожженнаго при этомъ Ростиславичами, помѣщенъ не на своемъ мѣстѣ, а именно на л. 145, тогда какъ ему слѣдовало бы быть на л. 144 об. Сожженіе города и избіеніе неповинныхъ людей были актомъ мщенія со стороны Василька: вотъ почему вслѣдъ за рисункомъ, изображающимъ взятіе Всеволожа, составитель Радзивиловскаго списка помѣстилъ разсужденія, относящіяся ко второму акту мщенія Василька. Изображеніе казни Лазаря и Василя онъ расчитывалъ, повидимому, помѣстить внизу 145 л., послѣ отрывка, гдѣ о ней разсказывается, но оказалось необходимымъ дать мѣсто еще другому рисунку, а именно изображенію переговоровъ гражданъ Владимира съ Давыдомъ и приближенія Ростиславичей ко Владимиру; вслѣдствіе этого казнь Лазаря и Василя изображена только на концѣ л. 145 об. Ту же перестановку текста находимъ въ Сузд.-Акад. лѣтописи: ясно, что сюда она попала изъ ея источника—Радзивиловскаго списка.

Такимъ образомъ, мы утверждаемся въ нашемъ предположеніи о томъ, что Радзивиловскій списокъ послужилъ оригиналомъ для Сузд.-Акад. лѣтописи, которая исправила, а мѣстами и дополнила его по Троицкой лѣтописи или по другому сходному съ этою лѣтописью памятнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ выводу, что Радзивиловскій списокъ представляетъ изъ себя копію съ иллюстрированнаго уже оригинала, такъ какъ указанные выше пропуски, повторенія и перестановки понятны только при допущеніи, что составитель Радзив. списка имѣлъ передъ глазами не только текстъ, но и рисунки, которые ему пришлось скопировать. Оригиналъ Радзив. списка не былъ вполнѣ исправенъ: въ немъ недоставало, напр., нѣсколькихъ листовъ (ср. указанные выше пропуски подъ 6582 и 6659 гг.), а въ концѣ его листы были перепутаны, вслѣдствіе чего событія 6714 излагались раньше событій 6711—6713 гг. Многія чтенія этого оригинала были испорчены и въ такомъ видѣ перешли въ Радзив. списокъ: такъ, подъ 6367 (859) г. уже въ оригиналѣ Радзив. списка читалось, что Козаре дань «имахоу по бѣле и дѣвеци ѿ дыма» (ср. Радз. 8, дѣвеци вмѣсто вѣверици, какъ въ Лавр.); это видно изъ того, что на слѣдующемъ за этимъ рисункѣ изображено, какъ данникъ представляетъ повелителю бѣличью шкурку и нѣсколько дѣвицъ.

Въ виду невозможности возвести Радзивиловскій списокъ и Сузд.-Акад. лѣтопись къ одну общему оригиналу и выяснившейся, напротивъ, необходимости признать самый Радзивиловскій списокъ оригиналомъ Сузд.-Акад. лѣтописи, мы будемъ называть этотъ списокъ Радзивиловскою лѣтописью, желая этимъ оттѣнить его значеніе и отдѣльность отъ другихъ лѣтописей.

Глава III.

Отношеніе Радзивиловской лѣтописи къ другимъ лѣтописнымъ сводамъ.

Ближайшее изученіе Радзивиловской лѣтописи открываетъ ея тѣсную связь со слѣдующими лѣтописными сводами: Переяславскою, Лаврентьевскою, Ипатьевскою, Тверскою и Львовскою лѣтописями [1]).

1. Переяславская (Переяславля Суздальскаго) лѣтопись дошла до насъ не вся, а только въ части отъ 6646 (1138) года, въ сборникѣ Моск. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ XV в., который мы будемъ здѣсь называть Архивскимъ хронографомъ. Эта часть Переяславской лѣтописи соединена въ указанномъ хронографѣ съ началомъ какой-то другой лѣтописи: изъ послѣдней попали въ хронографъ—Повѣсть временныхъ лѣтъ и два извѣстія, помѣщенныя за этою Повѣстью, одно, относящееся къ 6645 (1137) г., а другое—къ 6651 (1143) г. Между вторымъ изъ этихъ извѣстій и разсказомъ о 6646 (1138) и слѣд. годахъ,—разсказомъ, восходящимъ къ Переяславской лѣтописи, находятся двѣ выписки изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, изъ которыхъ одна—о небесномъ знаменіи —относится къ 6610 (1102) г., а вторая — объ ангельскомъ видѣніи — къ 6618 (1110) г. (ср. въ Ипат. лѣт. подъ 6619 г.). Лѣтопись, изъ которой заимствованы въ Архивскій хронографъ Повѣсть временныхъ

[1]) Оставляю въ сторонѣ Троицкую лѣтопись, извѣстную по выпискамъ, сообщеннымъ въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Государства Россійскаго Карамзина. Эти выписки, равно и данныя, представляемыя Лаврентьевскою и т.-н. Симеоновскою (Академіи Наукъ) лѣтописями для возстановленія Троицкой, могли бы при сравненіи съ Радзивиловской лѣтописью прибавить нѣсколько чертъ для характеристики послѣдней, но существенныя черты ея выясняются и изъ сравненія съ перечисленными сводами.

лѣтъ и извѣстія 1137 и 1143 гг. (ср. эти извѣстія въ Ипат. лѣт.), носила названіе «Лѣтописецъ Рускихъ Црѣи» и по многимъ даннымъ принадлежала югозападной Руси: во-первыхъ, мы находимъ здѣсь полемическіе отрывки противъ Латынянъ, болѣе умѣстные на Югозападѣ, чѣмъ, напр., въ Суздальской Руси (ср. въ началѣ лѣтописи, стр. 5, вверху и въ серединѣ, по изданію кн. Оболенскаго); во-вторыхъ, составитель обнаружилъ знакомство съ литовскими племенами; такъ, онъ назвалъ Литву — искониыми данниками и конокормцами, а имя «Неромы» отожествилъ съ «Жемонтью» (стр. 4); въ-третьихъ, составитель отожествляетъ понятія о княженіи съ понятіемъ о царствованіи, что замѣчается въ Галицко-волынской лѣтописи, называющей Романа самодержцемъ и царемъ (напр., Ипат., стр. 479, 536)[1]): ср., кромѣ заглавія лѣтописи, подъ 862 г.: «поищемъ собѣ кназа и поставимъ на собою црьтвовати»; подъ 882: «и сѣдѣ Ѡлегъ кнажа и црьтвоуа въ Кіевѣ»; подъ 852 г.: «нача црьтвовати (вм. прозыватиса) Рускаа землѧ»; въ-четвертыхъ, между этою лѣтописью и югозападомъ устанавливается внѣшняя связь, какъ черезъ посредство Архивскаго хронографа, памятника югозападнаго происхожденія (ср. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ, стр. 358 и сл.), такъ и черезъ посредство изданнаго С. А. Бѣлокуровымъ Никифоровскаго (теперь Академическаго) сборника, содержащаго отрывокъ изъ этой лѣтописи въ соединеніи съ западнорусскою лѣтописью. Въ видѣ предположенія рѣшаюсь указать на возможность того, что «Лѣтописецъ русскихъ царей» во второй своей

---

[1]) На стр. 536 читаемъ въ разсказѣ, относящемся къ Даніилу Романовичу: „его же отецъ бѣ царь въ Руской земли"... Очевидно, идея о царѣ-самодержцѣ возникла на югѣ древней Руси и уже отсюда перенесена на сѣверовостокъ.

части былъ тожественъ съ тою Галицко-волынскою лѣтописью, которая вошла въ составъ Ипатьевскаго и сходныхъ съ нимъ списковъ [1]). За выборками изъ Лѣтописца русскихъ царей въ Архив. хроногр. помѣщена, какъ указано, значительная часть Переяславской лѣтописи, обнимающая разсказъ о событіяхъ 1138—1214 гг. Что этотъ разсказъ восходитъ именно къ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, доказано издателемъ лѣтописныхъ частей Архивскаго хронографа, кн. Оболенскимъ (въ 1851-мъ году), при чемъ имъ же установлено, что эта лѣтопись составлена между 1214 и 1219 гг. Это избавляетъ меня отъ необходимости обсуждать эти вопросы. Дошедшая до насъ часть Переяславской лѣтописи оказывается почти тожественною съ соотвѣтствующею частью Радзивиловскаго списка, начинающеюся съ разсказа о 1138-мъ годѣ и оканчивающеюся словами и «положиша ю оу цр҇кви ст҇ыѧ б҇ца», въ разсказѣ 1206-го года. Тожество Радзивиловскаго списка съ Переяславскою лѣтописью нарушается, правда, многочисленными пропусками и сокращеніями, допущенными составителемъ Радзивиловскаго списка, но оно особенно ярко обнаруживается при сопоставленіи текста Радзивиловскаго списка и Переяславской лѣтописи съ Лаврентьевскою. Такъ, можно указать нѣсколько общихъ Радзив. и Переясл. лѣтописямъ пропусковъ сравнительно съ Лаврентьевскою: подъ 6701 (1193) ни въ Радзив., ни въ Переясл. нѣтъ благочестивыхъ размышленій по поводу Владимирскаго пожара (ср. Лавр.), при чемъ конецъ извѣстія объ этомъ пожарѣ переданъ, сравнительно съ Лаврентьевскою, сокращенно: «а кнѧжь дворъ

---

[1]) На отдѣльность первой части лѣтописи по Архивск. сб. отъ второй видимъ указаніе и въ правописаніи обѣихъ частей: въ первой употребленіе большого юса весьма обычно, во второй (при бѣгломъ чтеніи) я нашелъ его только въ трехъ словахъ, на стр. 57.

изоташа б҃гомъ и с҃тою б҃цею»; подъ 6702 (1194) въ Радзив. и Переясл. опущены извѣстія объ обновленіи церквей св. Богородицы во Владимирѣ и Суздалѣ (ср. Лавр.); подъ 6703 (1195) въ Радзив. и Переясл. опущено извѣстіе объ обновленіи Городца Вострьскаго (ср. Лавр.); подъ 6709 (1201) въ Радзив. и Переясл., въ извѣстіи о вокняженіи Ярослава Всеволодича въ Переяславлѣ Русскомъ, послѣ словъ «поидоша съ радостию», опущено: «великою, хваляще Бога, и святую Богородицю и святаго Михаила, давшаго имъ князя, его же желаша»; подъ 6674 (1166) въ Радзив. и Переясл. опущено извѣстіе о походѣ Мстислава за Волокъ (Лавр.); подъ 6676 (1168) въ Радзив. и Переясл. опущено послѣ словъ «се же з҃еhася за грехи» (Радзив. л. 206): «ихъ, паче же за митрополичю неправду» (Лавр., 336), и др. Равнымъ образомъ находимъ много дополненій и редакціонныхъ поправокъ, отличающихъ Радзив. и Переясл. отъ текста Лаврентьевской: подъ 6646 (1138) читаемъ въ Радзив. и Переясл. о кончинѣ князя Глѣба Ольговича, чего нѣтъ въ Лавр.; подъ 6705 (1197) въ Радзив. и Переясл. находимъ извѣстіе объ изгнаніи новгородцами Ярослава, свояка Всеволожа, и о приглашеніи ими черниговскаго Ярославича; подъ 6713 (1205) Радзив. и Переясл. сообщаютъ о примиреніи Ольговичей со Всеволодомъ и Романомъ; подъ 6714 (1206) Радзив. и Переясл. содержатъ разсказъ о постриженіи Маріи, жены Всеволода, передъ кончиною, описанною въ Лавр.; подъ 6711 — 6713 и въ Радзив., и въ Переясл. (въ послѣдней при этомъ въ должномъ порядкѣ) изложено нѣсколько южнорусскихъ и суздальскихъ извѣстій, опущенныхъ въ Лавр. Изъ болѣе мелкихъ редакціонныхъ особенностей Радзив. и Переясл., отличающихъ ихъ отъ Лавр., отмѣтимъ: подъ 6652 «а межи има рѣка бѣлька» (Радзив. л.

174), гдѣ въ Лавр. «а межи ими рѣка мѣлка»; подъ 6654 «берендѣевъ» (Радзив. л. 175 об.), въ Лавр. «перепьлѣевъ» (въ Воскр. Перлѣевъ, а въ Ипат. Черпии Клобуци, стр. 230): подъ 6655 (1147) «до воротъ мт҃ере своеа» (Радзив. л. 179), въ Лавр. ошибочно «до воротъ монастыря»; подъ 6683 (1175) вставку имени Ефрема Моизича въ перечень убійцъ Андрея Боголюбскаго (Радзив. л. 214 об.); подъ 6684 (1176) «бывшю емꙋ на москвѣ» (Радзив. л. 221), въ Лавр. «бывшю ему на Мерьской»; подъ тѣмъ же годомъ систематическую вставку имени Всеволода тамъ, гдѣ Лавр. говоритъ только о его братѣ Михаилѣ Юрьевичѣ; подъ 6685 (1177) замѣну словами «и поустиша ею из земли» (Радзив. л. 226) начала разсказа объ ослѣпленіи Ростиславичей (самый разсказъ опущенъ, какъ увидимъ, и въ Лавр.); подъ 6693 (1185) «апрѣ҃ ӣі» (Радзив. л. 230) вмѣсто «априля въ 18 день», какъ въ Лавр., и т. д.

Приведенныя здѣсь данныя убѣждаютъ насъ въ той особенной близости, которая существуетъ между текстомъ Радзивиловской и Переяславской лѣтописей. Близость эта наводитъ на мысль, не списана ли Радзивиловская съ Переяславской лѣтописи, конечно, не въ той редакціи ея, которую мы знаемъ изъ Архивскаго хронографа, а въ редакціи болѣе первоначальной. Въ пользу такого предположенія говоритъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что при сравненіи съ Переяславскою оказывается, что текстъ Радзивиловской лѣтописи утратилъ свой конецъ: дѣйствительно, ясно, что редакція Переяславской лѣтописи, гдѣ за извѣстіемъ о погребеніи в. кн. Маріи слѣдуетъ похвала ей, древнѣе редакціи Радзив. лѣтописи, оканчивающейся словами «и положиша ю в цр҃кви ст҃ые бц҃е»; слѣдовательно, ничто не препятствуетъ допустить, что протографъ Радзив. лѣтописи оканчивался 1214 г. Во-вторыхъ, нельзя

*

не отмѣтить, что различія между Радзив. и Переясл. сводятся почти исключительно къ пропускамъ, сдѣланнымъ составителемъ Радзив. лѣтописи сравнительно съ текстомъ Переяславской [1]): слѣдовательно, весь текстъ Радзивиловской лѣтописи можетъ восходить къ Переяславской. Въ-третьихъ, въ Радзив. лѣтописи можно отмѣтить двѣ вставки, явно обличающія ея переяславскій оригиналъ, вставки, имѣющіяся и въ Переяславской лѣтописи и притомъ, какъ увидимъ ниже, однородныя съ другими вставками, сдѣланными въ Переяславлѣ Суздальскомъ около 1214 года: подъ 6665 (1157) г. въ Радзив. (л. 202) и Переясл. читаемъ, что Андрей Боголюбскій «и цр҃квь кончалъ юже бѣ заложи҃ преⷤ ѡц҃ь єго. ст҃аго сп҃са каменꙋ. в переꙗславли новѣⷨ»; въ Лавр. (и Ипат.) слова «в переꙗславли новѣмь» опущены; подъ 6685 (1177) г. въ Радзив. (л. 222 об.) и Переясл. Всеволодъ Юрьевичъ, обращаясь къ племяннику Мстиславу, говоритъ: «а мене бы҃ бг҃ъ приве҃ с братоⷨ. и володимирци и переꙗславци а соуⷤдаль нама боуⷣ ѡбщь», въ Лавр. (стр. 361) слова «и переꙗславци» опущены.

Въ виду всѣхъ этихъ особенностей Радзивиловской лѣтописи, я считалъ бы доказаннымъ происхожденіе ея отъ Переяславской, если бы не замѣтилъ, что во многихъ чтеніяхъ

---

[1]) Въ очень немногихъ случаяхъ текстъ Радзив. полнѣе текста Переясл. лѣтописи: подъ 1147 въ Переясл. опущенъ отрывокъ, начинающійся словами „и Лазаря целоваⷧ и кияны всѣ“ и кончающійся „кнзь вабит ны к чернигову“ (Радзив. л. 178, Лавр. изд. 300); подъ 1187 въ Переясл. опущены благочестивыя размышленія по поводу повальной болѣзни во Владимирѣ (Радзив. л. 240, Лавр. 385); подъ 1188 въ Переяславской послѣ сообщенія о грозѣ во Владимирѣ разсужденія не тѣ, что въ Радзив., и короче ихъ (Радзив. л. 240 об., Лавр. 386). Всѣ эти сокращенія въ текстѣ Переясл. лѣтописи могли быть сдѣланы при внесеніи его въ Архивскій хронографъ.

и притомъ преимущественно тамъ, гдѣ Радзив. сокращаетъ текстъ Переяславской, она, т.-е. Радзивиловская лѣтопись, совпадаетъ съ Лаврентьевскою и вмѣстѣ съ нею отличается отъ Переяславской.

2. Близость Лаврентьевской лѣтописи къ Радзивиловской явствуетъ изъ изданій Лаврентьевской лѣтописи, приготовленныхъ Археографическою коммиссіею. Съ первыхъ словъ Повѣсти временныхъ лѣтъ и по 1206-й годъ текстъ Лаврентьевской лѣтописи сопровождается въ этихъ изданіяхъ варіантами изъ Радзивиловской и сходной съ нею Суздальской-Академической лѣтописей. Недостающій въ Лавр., вслѣдствіе утраты листовъ въ рукописи, текстъ возстановляется въ этихъ изданіяхъ по Радзивиловской лѣтописи; испорченныя мѣста, пропуски исправляются большею частью по ней же. Лишь очень немного мѣстъ Лавр. лѣтописи не могутъ быть снабжены варіантами изъ Радзивиловской: нѣкоторыя изъ нихъ явились вслѣдствіе утраты листовъ въ Радзивиловской (причемъ, однако, текстъ ихъ сохранился въ Сузд.-Акад.) или еще въ главномъ источникѣ Радзивиловской лѣтописи (см. выше). Только начиная съ 1193 года, въ Лавр. попадаются извѣстія и отрывки съ благочестивыми разсужденіями, которыхъ нѣтъ ни въ Радзивил., ни въ Переясл.[1]): мы отмѣтили выше такія мѣста подъ 1193, 1194, 1195, 1201 г. Подъ 1206 видимъ уже значительное различіе между Лавр. и Радзив.: въ послѣдней нѣтъ пространнаго описанія отъѣзда Константина Всеволодича въ Новгородъ и пріѣзда его туда на княжескій столъ; слѣдующее затѣмъ сообщеніе о смерти в. кн. Маріи,

[1]) Кромѣ того, въ Радзив. нѣтъ Поученія Владимира Мономаха подъ 1096 годомъ.

изложено въ Лавр. иначе, чѣмъ въ Радзив., а послѣ этого сообщенія въ Лаврентьевской читаются извѣстія, которыхъ нѣтъ совсѣмъ въ Радзивиловской. Но редакціонныя отличія между Лавр. и Радзив. весьма значительны, начиная съ первыхъ строкъ Повѣсти вр. лѣтъ. Мы обратимъ ниже вниманіе на нѣкоторыя изъ такихъ отличій, а здѣсь остановимся на нѣсколькихъ мѣстахъ, свидѣтельствующихъ о совпаденіи чтеній Радзивиловской и Лаврентьевской, въ противоположность при этомъ Переяславской лѣтописи. Подъ 6704 (1196) годомъ въ Радзив. и Лавр. нѣтъ извѣстій Переясл. лѣтописи о женитьбѣ Константина Всеволодича и о постригахъ Владимира Всеволодича; подъ 6706 (1198) г. въ нихъ нѣтъ извѣстія объ изгнаніи новгородцами черниговскаго Ярославича и о принятіи ими вновь Ярослава, свояка Всеволожа; подъ тѣмъ же годомъ въ нихъ опущено сообщеніе о постригахъ Гавріила (Святослава) Всеволодича; подъ 6683—6685 опущено нѣсколько вставокъ, сдѣланныхъ переяславскимъ лѣтописцемъ: ср. подъ 6683 (1175), послѣ словъ «ко дрѹжине к переꙗславлю» (Радзив. л. 217 об.), вставку «а переꙗславцемъ не хотѧщимъ его, но хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ»; подъ 6684 (1174) вставку «и переꙗславци» послѣ имени Владимирцевъ въ фразѣ «новиӥ людьє и мизѣинї. володимирьстии» (Радзив. л. 22 об.) и др. (см. ниже); равнымъ образомъ подъ 1175, въ похвалѣ Андрею Боголюбскому, лѣтописецъ въ Радзив. и Лавр. проситъ его молиться «помиловати кн҃зѧ нашего. и г҃на всеволо҃» (Радзив. 216 об.), между тѣмъ какъ Переяславскій лѣтописецъ упоминаетъ о Ярославѣ (Всеволодичѣ, князѣ Переяславскомъ съ 1212 года); подъ тѣмъ же годомъ въ Лавр. и Радзив. (л. 218 об.) ошибочно указано, что Ярополкъ Ростиславичъ вѣи-

чался 3 января, во вторникъ на мясопустной недѣлѣ, въ Переясл. правильно «мц̃а севрала въ г̃ днь»; подъ 6693 (1185) въ Лавр. и Радзив. (230) лѣтописецъ, обращаясь съ похвалой къ епископу Лукѣ, говоритъ въ настоящемъ времени: «не имаши бо гра̃ здѣ. но боущаго взыскаєши» и ниже «молися за порученоє тобѣ стадо», въ Переясл.—лѣтописецъ говоритъ о Лукѣ въ прошедшемъ времени (Лука умеръ въ 1189): «не имяше бо града сдѣ, но боудоущаго искааше» и ниже «молися за стадо, иже бѣ пороучено тобѣ въ мирѣ семъ», и т. д.

Необходимость согласовать сдѣланный нами выше выводъ о происхожденіи Радзив. лѣтописи отъ Переяславской съ отмѣченными здѣсь совпаденіями ея съ Лаврентьевскою и отличіями отъ Переяславской приводитъ насъ къ предположенію, что составитель Радзивиловской лѣтописи согласовалъ въ своемъ трудѣ текстъ Переяславской лѣтописи съ текстомъ Лаврентьевской. Съ 1206 года Лаврентьевская рѣзко расходится отъ Переяславской: это могло быть причиной или же одною изъ причинъ (ср. ниже), почему составитель Радзивиловской лѣтописи не продолжилъ своего труда за 1206 годъ.

3. Съ Ипатьевскою лѣтописью Радзивиловская сближается не только потому, что въ суздальскихъ лѣтописяхъ, къ каковымъ принадлежитъ и Радзивиловская, имѣются отрывки изъ южно-русскихъ лѣтописей, отразившихся въ Ипатьевской, и не только потому, что въ числѣ источниковъ Ипатьевской оказывается суздальская лѣтопись: тѣ же отрывки и та же суздальская лѣтопись читаются и въ Лаврентьевской, а между тѣмъ, между Ипатьевскою и Лаврентьевскою нѣтъ той близости, какая замѣчается между Ипатьевскою и Радзивиловскою. Близость эта отразилась преимущественно на Повѣсти временныхъ

лѣтъ, но отчасти также на суздальскихъ извѣстіяхъ, попавшихъ въ Ипатьевскую. Можно привести много примѣровъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ Ипатьевская разнится съ Лаврентьевскою и сходствуетъ съ Радзивиловскою. Укажу на нѣкоторые. Въ разсказѣ объ Андреѣ Первозванномъ въ Радзив. (л. 4) и Ипат. «пережгоуть и велми», ниже «ѡбольются мытелью», въ Лавр. «пережьгуть е рамяно», ниже «облѣются квасомъ успияномь»; въ разсказѣ о Кіѣ въ Радзив. (л. 4 об.) и Ипат., послѣ словъ «приходившю ему ко царю» (Лавр.), вставлено: «не свѣмы. но токмо ѡ сё вѣмы»; въ разсказѣ о разселеніи славянъ въ Радзив. (л. 5) и Ипат., послѣ словъ «наслѣдиша землю словѣньску» (Лавр.), вставлено: «прогнавши волохы. иже бѣша пре. приали землю словеньскꙋ»; ниже въ Радзив. (л. 6) и Ипат. «а оулꙋчи. тиверци седахоу по боу. и понепроу», между тѣмъ какъ въ Лавр.: «а Оулучи Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру»; подъ 6370 (862) годомъ въ Радзив. (л. 8 об.) и Ипат. «и приидоша к словено первое. и сроубиша горо ладогоу. и сѣде в ладозѣ старен рюрикъ», въ Лавр. вмѣсто всего этого: «и придоша старѣишии рюрикъ»; ниже въ Радзив. (л. 9) и Ипат.: «и приа всю власть рюрикъ ѡдинъ. и пришё ко илмерю. и сроуби горокъ на волхово. и прозва новъгоро. и сѣде тоу кнжа. раздаа волости. моужемъ свои. и городы роубити», въ Лавр. вмѣсто всего этого: «и прия власть рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады»; подъ 6374 (866) въ Радзив. (10) и Ипат.: «ѡ (отъ) таковыа беды избыти», въ Лавр. «отъ таковыя бѣды избѣгнути»; подъ 6442 (934) въ Радзив. (л. 21) и Ипат. извѣстіе о нападеніи Угровъ на Царьградъ, опущенное въ Лавр.; подъ 6463 (955) въ Радзив. (л. 31 об.) и Ипат.: «и бѣ тогда црь костантинъ снъ леѡновъ»,

въ Лавр. «бѣ тогда царь нмянемь цѣмьскнп»; подъ 6493 (985) въ Радзив. (л. 48) и Ипат.: «ѡлиже камень начнеть плавати. а хмель грѧзиꙋти», въ Лавр... «а хмель почнеть тонути»; подъ 6494 (986) въ Радзив. (л. 48 об.) и Ипат., послѣ «придоша» въ фразѣ «потомъ же придоша нѣмьци», вставлено «ѿ рима;» ниже въ рѣчи философа въ Радзив. (л. 51) и Ипат. «и всѧкого скарѣа», въ Лавр. «и всякоя нечистоты»; далѣе въ Радзив. (л. 56) и Ипат. «въ вифлеѡме июдѣистемь», въ Лавр. «въ вифлеовомѣ жидовьстѣмь»; подъ 6504 (996), въ Радзив. (л. 70 об.) и Ипат. «и мѐ в бочкаѣ», въ Лавр. «медъ въ бчелкахъ»; подъ 6523 (1015) въ Радзив. (л. 73 об.) и Ипат. «в коврѣ ѡпрѧтавши», въ Лавр. «обертѣвше в коверъ»; ниже, въ похвалѣ Борису и Глѣбу, въ Радзив. (л. 78) и Ипат.: «раꙋитасѧ лоуча свѣтозарнаꙗ. ꙗвистасѧ», въ Лавр. «радуитася, лукаваго змия поправша, свѣтозарна явистася»; еще ниже въ Радзив. (л. 78 об.) и Ипат. «раꙋисѧ светозарное слн҃це црк҃ви стѧжавши. въсхо҇ всегда просвещаєть. въ страдании ваю. въ славꙋ мꙋченикомъ», въ Лавр. опущено; подъ 6526 (1018) въ Радзив. (л. 81 об.) «а ѿ боꙗръ по. п҃. гривѐ», въ Лавр. «а отъ бояръ по 18 гривенъ»; подъ 6527 (1019) въ Радзив. (л. 83) и Ипат. «сеи же ст҃ополкъ. новыи ламѐ», въ Лавр. «се же святополкъ, новый авимелехъ»; подъ 6551 (1043) въ Радзив. (89) и Ипат., послѣ словъ «и вдасть Казимиръ за вѣно людий 8 сотъ» (Лавр.), приб.: «єже бо полонилъ болеславъ. победи҃ ꙗрослава»; подъ 6569 (1061) въ Радзив. (94 об.) и Ипат. половецкій князь названъ «сокалъ», въ Лавр. «Искалъ»; подъ 6574 (1066) въ Радзив. (л. 96 об.) и Ипат. «и дѣти взѧша на щитъ», въ Лавр. (1067) «и дѣти вдаша на щиты»; подъ 6575 (1067) въ Радзив. (л. 98) и Ипат. (гдѣ 1068 г.), послѣ слова «желѣзная» въ фразѣ «и шия желѣзная твоя» (Лавр. подъ 1068),

прибавлено «выдъ»; подъ 6576 (1068) въ Радзив. (л. 98 об.) и Ипат. «ѡво ли слапою плѡ ꙋзнобляя», въ Лавр. «ово ли мразомь плоды узнабляя»; подъ 6580 (1072) въ Радзив. (106) и Ипат. вставлено имя епископа Михаила Гургевскаго, опущенное въ Лавр.; подъ 6586 (1078) въ Радзив. (л. 118) и Ипат.: «давъ намъ крстъ свои на помощь . и на прогнание бесомъ», въ Лавр. «...на прогнанье ненависти бѣсовьское»; подъ 6598 (1090) въ Радзив. (л. 121) и Ипат. опущены слова «и градъ бѣ заложилъ каменъ, отъ церкве святаго мученика Ѳеодора» (Лавр.), а вмѣсто нихъ читаемъ «и оукраси горо переꙗславьскии . здании црквнымп . и прочими знамении» (Ип. зданьи); подъ 6599 (1091) въ Радзив. (л. 121 об.) и Ипат., послѣ словъ «и въ вторникъ, вечеръ» (Лавр.), прибавлено «в соуморо»; ниже (Радзив. л. 122) въ обѣихъ вставлено имя Марина Гургевскаго, опущенное въ Лавр.; подъ 6600 (1092) въ Радзив. (л. 124 об.) «ꙗко глхоу продающе крты . ꙗко продахомъ кртъ... з. тысѧщь», въ Ипат. «яко же глаголаху продающимъ хрестъ», въ Хлѣбн. и Погод. «якоже глаголаху продающе кресты яко продахомъ крестъ...», между тѣмъ какъ въ Лавр. правильно «якоже глаголаху продающе корсты, яко продахомъ корсты...»; подъ 6604 (1096) въ Радзив. (л. 133 об.) и Ипат. «и зажгоша по пескꙋ ѡколо гра», въ Лавр. «зажгоша болонье около града»; ниже въ Радзив. (л. 134 об.) и Ипат.: «аще либо сꙋть ѿ пꙋстынѧ», вмѣсто правильнаго «ищьли бо суть отъ пустыня» (Лавр.); ниже въ Радзив. (л. 134 об.) и Ипат. «и оубиша изѧслава сна всеволожа», вм. правильнаго «и убиша Изяслава, сына Володимеря, внука Всеволожа» (Лавр.).

Какъ же объяснить эту близость Ипатьевской къ Радзивиловской лѣтописи какъ въ части, соотвѣтствующей Повѣсти временныхъ лѣтъ, такъ и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ содержатся суздаль-

скія извѣстія? Думаю, что она должна быть поставлена въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что суздальская лѣтопись была однимъ изъ главныхъ источниковъ Ипатьевской: въ этой суздальской лѣтописи Повѣсть временныхъ лѣтъ читалась въ редакціи, болѣе сходной съ Радзивиловскою, чѣмъ съ Лаврентьевскою лѣтописью. Но, конечно, этотъ источникъ Ипатьевской нельзя отожествить ни съ Радзивиловскою, ни съ Переяславскою лѣтописью (Повѣсть вр. лѣтъ въ редакціи этой послѣдней лѣтописи не дошла до насъ): суздальскія извѣстія, попадающіяся въ Ипатьевской, начиная съ пятидесятыхъ годовъ XII столѣтія, показываютъ, что суздальская лѣтопись, которою руководствовался составитель Ипатьевской, соединяла въ себѣ особенности Радзивиловской и Лаврентьевской лѣтописей, отличаясь при этомъ еще и другими особенностями. Въ этомъ легко убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

А) *Редакція суздальскихъ извѣстій Ипатьевской лѣтописи совпадаетъ съ Лаврентьевскою.* Подъ 6666 (1158) въ Ипатьевской, равно какъ въ Лаврентьевской (1157), не указано числа, когда ростовцы и суждальцы посадили у себя Андрея Юрьевича, въ Радзив. (1157 г., л. 202) указано «ію҃ д҃», въ Переясл. «мц҃а іюнѧ въ д҃»; ниже, подъ тѣмъ же годомъ, въ Ипатьевской и Лаврентьевской не названъ городъ, гдѣ Андрей окончилъ каменную церковь св. Спаса, начатую его отцомъ, въ Радзив. (л. 202) и Переясл. «въ перєіаславли новѣ»; подъ 6667 (1159) въ Ипатьевской, равно какъ въ Лаврентьевской, сказано, что Борисъ Юрьевичъ похороненъ на Нерли, «идеже бѣ становище святою мученику Бориса и Глѣба», въ Радзив. (л. 202 об.) и Переясл. «идѣже бѧше становище . ст҃го бориса»; подъ 6680 (1172) въ Ипатьевской, равно какъ въ Лаврентьевской (подъ 1169), читаемъ ошибочно: «а къ другимъ

половцемъ к руськымъ посла», между тѣмъ въ Радзив. (л. 207) и Переясл. правильно «а дрѹгии половцѣ корсѹньскии посла»; подъ 6681 (1173) въ Ипатьевской, равно какъ въ Лаврентьевской (подъ 1172), читаемъ: «слышавше же бо наши се, прославиша Бога», между тѣмъ въ Радзивиловской (л. 211 об.) и Переясл. «слышавше же рѣша се чю стыꙗ бца»; подъ 6683 (1175) въ Ипатьевской, какъ и въ Лаврентьевской, въ числѣ убійцъ Андрея Боголюбскаго не названъ Ефремъ Моизичъ, упомянутый въ Радзив. (л. 214 об.) и Переясл.; ниже въ Ипат. и въ Лавр., послѣ «всяка душа властемь (властелемъ) повинуется», читаются слова «власти бо отъ Бога учинены суть»; въ Радзивиловской (л. 215 об.) и Переяславской эти слова опущены; подъ 6700 (1192) въ Ипатьевской, какъ и въ Лаврентьевской (1194 г.), сообщается объ обновленіи церквей во Владимирѣ и Суздалѣ; въ Радзив. (ср. лл. 243 об. и 241) и Переясл. этихъ извѣстій нѣтъ; и нѣк. др.

Б) *Редакція суздальскихъ извѣстій Ипатьевской лѣтописи совпадаетъ съ Радзивиловскою.* Напр. подъ 6683 (1175) въ Ипат. и Радзив. (л. 218) «но не хотѧще покорити ростовцѣ. и сѹждалцѣ и мѹромцѣ», въ Лавр. «но не хотяше покоритися ростовцемъ»; подъ 6684 (1176) въ Ипат., какъ и въ Радзив., къ имени Михаила Юрьевича приписывается имя Всеволода, его брата, ср. «Михальку же доспѣвающю с братомъ Всеволодомъ», «поможе Богъ Михальку и брату его Всеволоду», «потом же Михалко и Всеволодъ поѣхаста въ Володимиръ»; между тѣмъ, въ Лаврентьевской подобной вставки имени Всеволода нѣтъ («Михалку доспѣвающю», «поможе Богъ Михалку», «Михалко же... поѣха въ Володимерь»); подъ 6685 (1177) въ Ипат., какъ и въ Радзив. (л. 225 об.), «бы мѧтѣ в гра», ниже «инѣ держиши вороги свои», въ Лавр. «бысть

мятежь великъ в градѣ», ниже «а ты держишь ворогы своѣ»; подъ 6691 (1183) въ Ипатьевской, какъ и въ Радзив. (1185 г., л. 230), большой пожаръ во Владимирѣ относится къ 13 апрѣлю, между тѣмъ въ Лавр. къ 18 апрѣлю; и нѣк. др.

В) *Редакція нѣкоторыхъ суздальскихъ извѣстій Ипатьевской лѣтописи не совпадаетъ ни съ Радзивиловскою, ни съ Лаврентьевскою лѣтописями.* Напр., подъ 6681 (1173) въ Ипатьевской содержатся такія подробности въ разсказѣ о походѣ Мстислава Андреевича, сына Боголюбскаго, на Новгородъ, какихъ нѣтъ ни въ Радзив. (1170 г., л. 209 об.), ни въ Лавр.: ср. указаніе на то, что со Мстиславомъ былъ Андреевъ воевода Борисъ Жирославичъ, а также сообщеніе о морѣ людскомъ и конскомъ въ войскахъ суздальскихъ; подъ 6667 (1159), при указаніи мѣста погребенія Бориса Юрьевича, къ словамъ «на Нерли» прибавлено въ Ипатьевской «на Кидекши», чего нѣтъ ни въ Радзив. (л. 202 об.), ни въ Лавр.; подъ 6682 (1174) къ извѣстію о погребеніи Мстислава Андреевича въ Ипатьевской прибавлено «и плакашася по нѣмъ отець его и вся Суждальская земля»: этихъ словъ нѣтъ ни въ Радзив. (1172 г., л. 212), ни въ Лавр.; ниже подъ тѣмъ же годомъ въ Ипатьевской къ извѣстію о погребеніи Святослава Юрьевича въ церкви святой Богородицы въ Суздалѣ прибавлено: «вь епискупьи»; ни въ Радзив. (213), ни въ Лавр. этой прибавки нѣтъ; подъ 6888 (1180) г. въ Ипатьевской читаемъ: «того же лѣта, до Дмитрова дни, родися у великого князя Всеволода четвертая дчи, и нарѣкоша имя во святѣмь крещении Полагья, а княже Сбыслава; и крести ю тетка Олга»; подъ 6695 (1187) къ извѣстію о кончинѣ Бориса Всеволодича (Лавр. подъ 1188, Радзив. л. 240 об.) въ Ипатьевской прибавлено: «и положенъ бысть в церкви святоѣ Богородицѣ сборноѣ, подлѣ Изя-

слава Глѣбовича»; ниже, съ бо̀льшими подробностями, чѣмъ въ Лавр. (1189 г.) и Сузд.-Акад. (въ Радзив. здѣсь недостаетъ листа), разсказывается въ Ипатьевской о рожденіи у в. кн. Всеволода сына Георгія 26 ноября, причемъ имя ему дано будто бы епископомъ Лукой (который умеръ 10 ноября этого года); извѣстіе заканчивается словами: «и бысть радость великому князю и его княгинѣ и бояромъ и всѣмъ людемъ»; подъ 6700 (1192) въ Ипатьевской читаемъ болѣе обстоятельное извѣстіе о рожденіи у Всеволода сына Владимира, чѣмъ въ Лавр. (1194) и Радзив. (л. 241); подъ 6705 (1197) къ извѣстію о рожденіи Іоанна Всеволодича (Лавр. подъ 1198, въ Радзив. опущено) въ Ипатьевской прибавлено: «и бысть радость велика въ градѣ Володимери о роженьи его»; и др.

Мы можемъ подвести теперь итогъ предыдущему изслѣдованію объ отношеніи Радзивиловской къ Ипатьевской: близость обѣихъ этихъ лѣтописей зависитъ отъ того, что однимъ изъ источниковъ Ипатьевской была суздальская лѣтопись. Эта лѣтопись соединяла въ себѣ особенности двухъ извѣстныхъ намъ суздальскихъ же лѣтописей, а именно тѣхъ, которыя лежатъ въ основаніи Радзивиловской и Лаврентьевской. Такимъ образомъ мы подходимъ къ изслѣдованію состава того памятника, который былъ связующимъ звеномъ между Радзивиловской и Лаврентьевской, съ одной стороны, Ипатьевской, съ другой: это изслѣдованіе мы продолжимъ ниже, въ слѣдующихъ главахъ.

4. Радзивиловская лѣтопись оказывается также въ ближайшей связи съ лѣтописями такъ называемыми Тверскою (см. XV т. Полн. Собр. Русск. Лѣт.) и Львовскою (Лѣтописецъ Русскій, изд. Н. Львовымъ, Спб. 1792). Сравнительное изу-

ченіе обѣихъ этихъ лѣтописей не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что обѣ онѣ пользовались однимъ общимъ источникомъ при изложеніи какъ южнорусскихъ, такъ и суздальскихъ событій. Доказательства представлены въ III главѣ изслѣдованія «Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ» («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1900 г., № 11). Это изслѣдованіе привело къ предположенію, что общимъ источникамъ Тверской и Львовской былъ тотъ общерусскій лѣтописный сводъ, который въ 1423 году составленъ во Владимирѣ по распоряженію митрополита Фотія. Въ виду этого, я позволю себѣ говорить въ настоящемъ отдѣлѣ о ближайшей связи Радзивиловской лѣтописи съ означеннымъ сводомъ 1423 года, носившимъ названіе Владимирскаго полихрона. Связь эта, по свидѣтельству Тверской и Львовской, обнаруживается уже въ Повѣсти вр. лѣтъ и продолжается на всемъ протяженіи Радзивиловскаго списка, т.-е. до 1206 года. Такъ, напр., въ началѣ Повѣсти читаемъ въ полихронѣ (Льв. I, 10; Тверск. XV, 22), что Угры наслѣдиша землю Словенскую, «согнаша Волохи»; ср. «прогнавши волохы» въ Радзив. (л. 5), въ Лавр. этихъ словъ нѣтъ; подъ 6496 (988) въ полихронѣ сообщалось, что Владимиръ крестился въ Корсунской церкви св. Богородицы (Льв. I, 117), ср. то же въ Радзив. (л. 62 об.), между тѣмъ какъ въ Лавр. церковь св. Василія; подъ 6684 (1176) въ полихронѣ говорилось, что послы Глѣба рязанскаго встрѣтили Михаила и Всеволода Юрьевичей на Москвѣ (Тверск. XV, 259); то же въ Радзив. (л. 221), между тѣмъ въ Лаврентьевской «и бывшю ему на Мерьской»; подъ 6683 (1175) въ полихронѣ читалось «поваблены Ростиславичи» (Тверск. XV, 250), какъ и въ Радзив. (л. 213), между тѣмъ въ Лавр. «пограблены Ростиславичи»; подъ 6684 (1176) въ полихронѣ

были тѣ же вставки имени Всеволода при имени его брата Михаила, какъ въ Радзив. (ср. выше), напр., «послаша къ Чернигову по Михалка и Всеволода», «Михалко же съ Всеволодомъ изнарядивше полкь», «поможе Богъ Михалку и Всеволоду», «изыдоша граждане съ кресты противу Михалку и Всеволоду», «сего же Михалка и Всеволода избра Богъ» и т. д. (ср. Льв. и Тверск.); въ Лавр., какъ указано уже выше, вставокъ имени Всеволода нѣтъ; подъ 6696 (1188) гроза, убившая во Владимирѣ двухъ человѣкъ, отнесена была въ полихронѣ на 7-е февраля (Льв. и Тверск.); то же въ Радзив. (л. 240 об.), между тѣмъ въ Лавр. она значится подъ 17-мъ февраля; подъ 6693 (1185) пожаръ владимирскій отнесенъ въ полихронѣ къ 13-му апрѣля (Льв. и Тверск.); то же въ Радзив. (л. 230), между тѣмъ въ Лавр.—къ 18-му апрѣля; подъ 6704 (1196) въ полихронѣ сообщалось (ср. Льв. и Тверск.), что новгородцы, выгнавъ отъ себя Ярослава, свояка Всеволодова, посадили у себя Ярослава-жъ (вм. Ярославича) черниговскаго; то же въ Радзив. (подъ 1197, л. 242 об.), между тѣмъ какъ въ Лавр. это извѣстіе опущено; подъ 6714 (1206) въ полихронѣ (ср. Льв. и Тверск.) подробно разсказывалось о постриженіи великой княгини Маріи; то же читаемъ въ Радзив. (л. 244 — 244 об.), между тѣмъ какъ въ Лавр. извѣстіе о постриженіи Маріи опущено; и нѣк. др. Особенно ясно выражена близость Радзивиловской лѣтописи къ полихрону (Льв. и Тверск.) въ изложеніи событій 6711—6713 (1203 — 1205) гг. Какъ мы видѣли, часть событій 6711 года, весь 6712 и часть событій 6713 г. попали въ Радзивиловской лѣтописи за извѣстіе 6714 года о смерти и погребеніи в. кн. Маріи; вслѣдствіе этого, за первою частью разсказа о событіяхъ 6711 (1203) года слѣдуютъ послѣдния

извѣстія 6713 (1205) г. и притомъ безъ обозначенія, что они къ этому году относятся; на л. 244, за сообщеніемъ о примиреніи, состоявшемся между Рюрикомъ и Романомъ (1203), слѣдуютъ извѣстія 1205 г. о кончинѣ Владимира Юрьевича Муромскаго и княжны Елены Всеволодовны, а также о примиреніи Ольговичей со Всеволодомъ и Романомъ. Въ полихронѣ, какъ это легко видѣть изъ Львовской и Тверской, замѣчалась подобная же путаница въ событіяхъ 1203 — 1205 годовъ; такъ, въ Львовской (I, 355), вслѣдъ за сообщеніемъ о примиреніи Рюрика съ Романомъ и объ уступкѣ Всеволодомъ Кіева Рюрику (1203 г.), читаемъ извѣстія 1205 г. о кончинѣ Владимира Юрьевича 18 декабря (это число извѣстно и изъ Переяславской) и княжны Елены Всеволодовны; въ Тверской оба послѣднія извѣстія 1205 года также изложены подъ 1203-мъ. Причина, почему въ Радзивиловской перепутаны событія 1203 — 1205 гг., ясна: въ протографѣ ея списка произошла путаница листовъ, вслѣдствіе чего событія 1203—1205 гг., вмѣсто того, чтобы стоять между 6711 и 6714 годами, попали за послѣднее извѣстіе этого 6714 года. Ясно также, что этой же причиной, такою же путаницей листовъ лѣтописнаго источника, можетъ быть объяснена путаница событій 1203—1205 гг. въ полихронѣ. Отсюда мы подходимъ къ выводу, что однимъ изъ источниковъ полихрона былъ протографъ Радзивиловскаго списка. Но этотъ выводъ, при дальнѣйшей его провѣркѣ оказывается неточнымъ, хотя и вѣрнымъ по существу. Во-первыхъ, легко обнаружить связь между полихрономъ и Переяславскою лѣтописью, т.-е. главнымъ источникомъ Радзивиловской лѣтописи, связь, ведущую насъ къ заключенію, что полихронъ пользовался не протографомъ Радзивиловскаго списка, а основнымъ источникомъ

Радзивиловской лѣтописи — лѣтописью Переяславскою. Такъ, въ полихронѣ подъ 1177 годомъ, послѣ описанія битвы на Юрьевскомъ полѣ, читалось: «Владимирцы же и Переяславцы поведоша колодникы» (ср. Льв. I, 316 и Тверск. XV, 261); ср. въ Переясл. лѣтописи «а Володимирци, и Переяславци, и дружина поведоша колодникы», между тѣмъ какъ въ Радзив. (л. 223) и Лавр. имя Переяславцевъ опущено: «а володимирьци. и дрѹжина поведоша колодники»; подъ 1196 годомъ въ полихронѣ сообщалось о женитьбѣ Константина Всеволодича 15 октября на Мстиславнѣ Романовича (Льв. I, 343): то же въ Переясл., а въ Лавр. и Радзив. это извѣстіе опущено; подъ 1206 въ полихронѣ день смерти в. кн. Маріи опредѣленъ ближе словами на «память святою мученику Хрисаноа и Даріи» (Тверск. XV, 302): то же въ Переясл., между тѣмъ въ Радзивиловской такого опредѣленія нѣтъ; смерть Владимира Юрьевича Муромскаго въ полихронѣ (Тверск. XV, 293 и Льв. I, 355) опредѣлена 18-мъ декабря: то же въ Переясл., а въ Радзивиловской это число опущено; подъ 1198 въ полихронѣ (Льв. I, 349, Тверск. XV, 287) сообщалось о рожденіи у Всеволода сына Іоанна: то же въ Переясл. и Лавр., между тѣмъ въ Радзивиловской этого извѣстія нѣтъ; подъ 1201 въ полихронѣ (Льв. I, 351, Тверск. XV, 290) сообщалось о смерти жены князя Ярослава Владимировича, невѣстки Всеволода Юрьевича: то же въ Переясл. и Лавр., между тѣмъ въ Радзив. этого извѣстія нѣтъ, и др. Во-вторыхъ, сдѣланный нами выводъ о томъ, что полихронъ пользовался, какъ источникомъ, протографомъ Радзивиловскаго списка, если даже, въ виду указанныхъ выше соображеній, измѣнить его въ томъ смыслѣ, что источникомъ полихрона былъ тотъ самый экземпляръ Переяславской лѣтописи, который положенъ въ осно-

ваніе Радзивиловской,—этотъ выводъ необходимо согласовать съ тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ Лаврентьевской лѣтописи, памятникѣ старшемъ, чѣмъ полихронъ, замѣтна путаница событій 1203—1205 гг., а именно здѣсь такъ же, какъ въ полихронѣ и въ Радзивиловской, подъ 1203 годомъ читается извѣстіе 1205-го года о кончинѣ княжны Елены Всеволодовны. Путаницу событій 1203—1205 годовъ въ Радзивиловской и полихронѣ можно объяснить тѣмъ, что она замѣчалась (въ связи съ путаницею послѣднихъ листовъ рукописи) въ Переяславской лѣтописи, общемъ источникѣ полихрона и Радзивиловской. Но какъ же объяснить эту путаницу въ Лаврентьевской? Въ-третьихъ, оказывается, что и въ Новгородской 1-й лѣтописи, Синодальный списокъ которой восходитъ къ первой половинѣ XIV столѣтія, подъ 1203 годомъ сообщается извѣстіе 1205-го (ср. его въ Переясл. и Радзив.): «въ то же лѣто побѣдиша Ольговиця Литву, избиша ихъ 7 сотъ и 1.000». Все это заставляетъ насъ предполагать, что путаница событій 1203 — 1205 гг. возникла не при составленіи полихрона 1423 года, а перенесена въ него изъ того памятника, который отразился и въ Лаврентьевской, и въ Новгородской 1-й. Слѣдовательно, Переяславская лѣтопись, въ томъ самомъ экземплярѣ, который лежитъ въ основаніи Радзивиловской, была источникомъ не для полихрона, а для старшаго по времени памятника, отразившагося какъ въ полихронѣ, такъ и въ Лаврентьевской и Новгородской 1-й лѣтописяхъ.

Предыдущее изслѣдованіе сдѣлало вѣроятными слѣдующія положенія: 1) Въ основаніе Радзивиловской лѣтописи положена Переяславская въ такомъ экземплярѣ ея, гдѣ, вслѣдствіе неисправности въ послѣднихъ листахъ рукописи, были пе-

репутаны событія 1203—1205 гг. и гдѣ, быть можетъ, былъ утраченъ конецъ рукописи (вслѣдствіе той же ея неисправности), конецъ, содержавшій разсказъ о событіяхъ 1206—1214 гг. 2) Дополнительнымъ источникомъ Радзивиловской лѣтописи, источникомъ, по которому отчасти сокращенъ, отчасти же исправленъ основной ея источникъ, была Лаврентьевская лѣтопись. 3) Переяславская лѣтопись въ части послѣ 1138 года сохранилась въ Архивскомъ хронографѣ, въ части же до этого года она возстанавливается при сравнительномъ изученіи Радзивиловской лѣтописи съ Ипатьевскою, а отчасти и съ полихрономъ (Львовской и Тверской лѣтописями). 4) Въ основаніе Ипатьевской лѣтописи положенъ сводъ, соединявшій особенности нѣсколькихъ суздальскихъ лѣтописей, между прочимъ, и Переяславской. 5) Въ основаніе полихрона, а также Лаврентьевской и Новгородской 1-й лѣтописей положенъ сводъ, соединявшій особенности нѣсколькихъ суздальскихъ лѣтописей и, между прочимъ, той самой редакціи Переяславской лѣтописи, которая легла въ основаніе Радзивиловской.

Наша дальнѣйшая задача не можетъ ограничиться провѣркой двухъ первыхъ выводовъ: чтобы получить возможность дать оцѣнку литературнаго и историческаго значенія Радзивиловской лѣтописи, мы должны глубже вникнуть въ составъ основныхъ ея источниковъ, Переяславской и Лаврентьевской лѣтописей. Но анализъ ихъ приведетъ насъ къ возстановленію исторіи суздальскаго лѣтописанія, замкнувшейся появленіемъ перваго *общерусскаго* лѣтописнаго свода во Владимирѣ.

Глава IV.

Три источника Лаврентьевской лѣтописи.

Предыдущее изслѣдованіе доказало, во-первыхъ, близость Лаврентьевской къ Радзивиловской на протяженіи отъ начала ея до 1206 года; во-вторыхъ, зависимость Лаврентьевской отъ того лѣтописнаго свода, который легъ въ основаніе и полихрона, и Новгородской 1-й. Но этотъ лѣтописный сводъ въ свою очередь основывался на Переяславской—источникѣ Радзивиловской лѣтописи и перенесъ изъ нея, напр., такую характерную особенность, какъ путаницу событій 1203—1205 гг. Слѣдовательно, всѣ тѣ мѣста, которыя въ Лавр. тожественны съ Радзив., могли бы быть смѣло возведены къ означенному лѣтописному своду, если бы предыдущія соображенія не убѣдили насъ въ томъ, что этотъ сводъ соединялъ въ себѣ особенности нѣсколькихъ суздальскихъ лѣтописей: въ числѣ такихъ лѣтописей могъ быть и другой источникъ Лаврентьевской и изъ него могли попасть въ занимающій насъ лѣтописный сводъ тѣ самыя особенности, которыя отличаютъ Лаврентьевскую отъ Радзивиловской. Мы видѣли, что одинъ изъ источниковъ Ипатьевской лѣтописи соединялъ особенности, попавшія въ Лаврентьевскую, съ особенностями Радзивиловской лѣтописи.

Остановимся на этомъ источникѣ Ипатьевской лѣтописи. Въ концѣ предыдущей главы мы замѣтили, что изученіе Лаврентьевской, Новгородской 1-й и полихрона ведетъ къ возстановленію свода, соединявшаго въ себѣ особенности нѣсколькихъ суздальскихъ лѣтописей и, между прочимъ, Переяславской. Но, какъ замѣчено тамъ же, изученіе Ипатьевской ведетъ насъ къ возстановленію подобнаго же суздальскаго

свода, соединявшаго особенности Переяславской лѣтописи съ особенностями другихъ суздальскихъ лѣтописей. Не естественно ли соединить оба вывода, сказавъ, что сравнительное изученіе упомянутыхъ выше лѣтописей приводитъ къ возстановленію того лѣтописнаго свода, который отразился на Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской 1-й и на полихронѣ? Правильность такого вывода подтверждается тѣмъ, что, во-первыхъ, и Ипатьевская, и прочіе памятники свидѣтельствуютъ о существованіи такого лѣтописнаго свода, гдѣ перевѣсъ получили особенности Переяславской лѣтописи (ср. близость Повѣсти вр. лѣтъ въ Ипатьевской къ Радзивиловской, отпрыску Переяславской лѣтописи, и путаницу событій 1203—1205 гг. въ Лаврентьевской, полихронѣ и той же Радзивиловской); во-вторыхъ, правильность сдѣланнаго обобщенія укрѣпляется и тѣмъ, что Ипатьевская обыкновенно совпадаетъ съ полихрономъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ редакція ея суздальскихъ извѣстій отступаетъ отъ Лаврентьевской — и это замѣчается не только тамъ, гдѣ она представляетъ чтенія, сходныя съ Переяславскою (= Радзивиловскою) лѣтописью, но и тамъ, гдѣ ея чтенія отличаются отъ этой лѣтописи: ср. подъ 1159 въ Ипатьевской и въ полихронѣ (Львовская, I, 270) прибавку «въ Кидекши» послѣ словъ «на Нерли» (рѣчка, при которой погребенъ Борисъ Юрьевичъ), прибавку, которой нѣтъ ни въ Переяславской, ни въ Радзивиловской, ни въ Лаврентьевской лѣтописяхъ; подъ 1175 въ Ипатьевской и въ полихронѣ (Тверская, XV, 251) въ разсказѣ объ убіеніи Боголюбскаго упоминается о паробкѣ, кощеѣ Андреевомъ (Прокопьѣ), котораго князь окликнулъ, услышавъ шумъ; о немъ умалчиваютъ Переясл., Радзив. и Лавр.; подъ 1171 въ Ипатьевской и въ полихронѣ (1169 г., Львовская, I, 291),

послѣ разсказа о взятіи и разграбленіи Кіева союзными войсками, посланными Андреемъ Боголюбскимъ, читается «си же вся сдѣяшася (се же все бысть) грѣхъ ради нашихъ», между тѣмъ какъ въ Лавр.: «се же здѣяся за грѣхы ихъ», а въ Переясл. и Радзив.: «се же сдѣяса за грѣхы» (Радзив. подъ 1168, л. 206), и нѣк. др.

Въ виду этого я принимаю существованіе общаго источника для Ипатьевской и полихрона; тотъ же источникъ, какъ указано выше въ концѣ III главы, отразился и въ Лаврентьевской. Можемъ ли мы опредѣлить болѣе точно его составъ и происхожденіе? Думаю, что можемъ, основываясь при этомъ преимущественно на Лаврентьевской лѣтописи, которая по цѣлому ряду соображеній стоитъ къ этому своду ближе, чѣмъ сложная по составу своему Ипатьевская и поздній по происхожденію своему полихронъ 1423 года.

Лаврентьевская лѣтопись указываетъ, во-первыхъ, на объемъ интересующаго насъ свода; онъ былъ доведенъ до начала XIV в., ср. 1305 годъ, которымъ оканчивается Лаврентьевская. Во-вторыхъ, анализъ извѣстій, записанныхъ въ Лавр., хотя бы въ части послѣ 1250 года, показываетъ, что составитель лежащаго въ основаніи Лавр. лѣтописи свода задался цѣлью собрать въ одно цѣлое лѣтописныя записи Владиміра, Новгорода, Твери, Рязани, Чернигова, Смоленска и другихъ русскихъ городовъ, т.-е. дать общерусскій по характеру своему лѣтописный сводъ [1]). Слѣдовательно, его трудъ былъ однороденъ съ тѣмъ, который въ 1423 году возникъ во Владимірѣ по распоряженію митрополита Фотія: это была первая по-

[1]) Анализъ Лавр. лѣтописи съ этой стороны см. у Тихомирова въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXXV, отд. 2.

пытка составить общерусскій лѣтописный сводъ; попытка эта принадлежала, конечно, какъ и въ 1423 году, митрополиту, а именно всего вѣроятнѣе митрополиту Петру, доведшему общерусскую лѣтопись до 1305 года, т.-е. до года кончины своего предшественника митр. Максима. Нашъ выводъ подтверждается слѣдующими соображеніями: мы видѣли, во-первыхъ, что изслѣдуемый сводъ легъ въ основаніе полихрона, т.-е. общерусскаго свода 1423 года; составителю полихрона естественнѣе всего было основаться на однородномъ съ нимъ сводѣ; отсюда заключаемъ, что сводъ начала XIV в. былъ такимъ же полихрономъ, такою же общерусскою компиляціей. Во-вторыхъ, этотъ сводъ начала XIV в. былъ положенъ въ основаніе (какъ это видно изъ Повѣсти вр. лѣтъ) того южнорусскаго лѣтописнаго сборника, доведеннаго до 1290 года [1]), который извѣстенъ въ спискахъ Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ, Погодинскомъ и др. и который для краткости мы называли Ипатьевскою лѣтописью: уже это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ общерусскомъ характерѣ и объ общерусскомъ значеніи означеннаго свода, такъ какъ врядъ ли житель юго-западной Руси отнесся бы съ такимъ вниманіемъ къ какому-нибудь списку той или другой суздальской лѣтописи. Въ-третьихъ, сравненіе Новгородской 1-й лѣтописи съ Лаврентьевскою доказываетъ, что въ изслѣдуемомъ сводѣ начала XIV в. содержался рядъ общерусскихъ по характеру своему извѣстій и въ разсказѣ о первой половинѣ XIII ст.: такъ, изъ него заимствовано въ Новгородскую 1-ю сказаніе о Калкской битвѣ въ редакціи, тожественной съ Лаврентьевскою лѣтописью (тожество

---

[1]) По указанію Грушевскаго (Хронольогія подій Галицько-волинської лїтописи) послѣднее извѣстіе Ипат. лѣтописи относится къ 1290 году.

до словъ «идеже зоветься валъ Половьчьскы»); изъ него же попалъ въ Синодальный списокъ разсказъ объ убіеніи Глѣбомъ рязанскимъ своихъ братьевъ (1218 г., ср. тотъ же разсказъ въ Лавр. подъ 1217); ср. еще слѣдующія суздальскія извѣстія, общія Новгородской 1-й съ Лаврентьевскою лѣтописью: подъ 1205 о кончинѣ в. кн. Маріи, жены Всеволода, подъ 1209 и 1210 о походѣ Всеволода на Рязань, подъ 1231 о походѣ Ярослава Всеволодича на черниговскую волость, подъ 1236 о взятіи татарами Болгарской земли. Пользованіе владимірскимъ сводомъ начала XIV в. со стороны составителя Новгородской 1-й лѣтописи также указываетъ на общерусское значеніе этого свода.

И такъ, однимъ изъ источниковъ Лаврентьевской былъ общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV вѣка. Къ нему должны быть возведены всѣ тѣ мѣста, гдѣ Лаврентьевская, отличаясь отъ Переяславской и Радзивиловской, совпадаетъ съ Ипатьевской (перечень такихъ мѣстъ см. выше въ отд. 3-мъ III главы); къ нему могутъ быть возведены и тѣ мѣста, гдѣ Лаврентьевская, отличаясь отъ Переяславской и Радзивиловской, совпадаетъ съ текстомъ лѣтописей, происшедшихъ отъ полихрона—говорю могутъ быть потому, что бо̀льшая часть этихъ лѣтописей подверглась новому вліянію самой Лаврентьевской черезъ посредство московской лѣтописи (ср. Троицкую лѣтопись начала XV в., основывавшуюся главнымъ образомъ на Лаврентьевской); къ этому же источнику Лаврентьевской лѣтописи могутъ быть возведены тѣ мѣста ея, гдѣ она представляетъ чтенія, сходныя съ Переяславской и Радзивиловской, такъ какъ мы видѣли, что сводъ начала XIV в. основывался, между прочимъ, на Переяславской—говорю могутъ быть потому, что сходство съ названными лѣтописями пред-

ставлялъ и другой источникъ Лаврентьевской, къ изслѣдованію котораго мы и переходимъ.

Можно указать на рядъ мѣстъ, гдѣ Лаврентьевская представляетъ чтенія, отличныя отъ Ипатьевской, полихрона и Переяславской (Радзивиловской) лѣтописи. Такія мѣста были приведены выше въ разныхъ отдѣлахъ III главы. Укажу здѣсь на нѣкоторыя изъ нихъ. Подъ 1176 годомъ въ общерусской компиляціи начала XIV в., какъ о томъ согласно свидѣтельствуютъ и Ипатьевская лѣтопись, и полихронъ (Льв., Тверск., отчасти и Новгор. 4-я), при имени князя Михаила Юрьевича было систематически вставлено имя его брата Всеволода: въ Лаврентьевской такихъ вставокъ нѣтъ, при чемъ, конечно, нельзя и думать о томъ, чтобы имя Всеволода было опущено переписчикомъ; ср. такія мѣста какъ «а любо головы своѣ положимъ за святую Богородицю и за Михалка» (Лавр.), гдѣ въ Переясл. «любо головъı своѧ складемъ за ню (вин. дв.) и за ст҃ую Бц҃ю», а въ Радзив. (л. 220 об.) «а любо главы своа за ст҃оую бц҃ю. и за тые кн҃зи сложи҃»; или «Михалко же уладися с нимъ и ѣха опять Володимерю» (Лавр.), гдѣ въ Переясл. «Михалкожъ и Ввеволодъ оуладистасѧ с нимъ», а въ Радзив. (л. 221 об.). «михаꙗко же и всеволо҃. оуладистасѧ с нимъ. и възвратистасѧ к володимирю». Подъ 955 въ общерусской компиляціи, по свидѣтельству Ипатьевской (ср. также Радзивиловскую), императоръ, при которомъ крестилась Ольга, былъ названъ Константиномъ сыномъ Леоновымъ; въ Лавр. онъ названъ «Цѣмьскии», при чемъ Лавр. сходится въ этомъ съ тою древнѣйшею редакціей лѣтописи, которая сохранилась въ Новгородской 1-й по Коммиссіонному и сходнымъ съ нимъ спискамъ. Подъ 988 въ общерусской компиляціи нач. XIV в., по свидѣтельству полихрона

(Львовская лѣт., ср. также Радзивиловскую), церковь, гдѣ крестился Владимиръ въ Корсунѣ, названа св. Богородицею; въ Лавр. она названа церковью св. Василія, причемъ Лавр. сходится и въ этомъ съ древнѣйшею редакціей лѣтописи, гдѣ находимъ св. Василиска (Коммисс. сп. Новгор. 1-й). Отличія Лавр. отъ общерусской компиляціи особенно замѣтны въ разсказѣ о первой половинѣ XIII ст.: такъ, въ этой компиляціи, по свидѣтельству полихрона (ср. Льв., Тверск. и Воскресенскую лѣтописи), подъ 1212 годомъ подробно сообщалось о распрѣ Всеволодичей; въ Лавр. о ней сказано лишь въ нѣсколькихъ словахъ и несомнѣнно умышленно умолчано подъ 1211 о размолвкѣ ростовскаго князя Константина Всеволодича съ его отцомъ. Подъ 1237 — 1238 разсказъ о нашествіи Батыя въ Лавр. значительно отличается отъ разсказа о томъ же событіи въ Новгородской 1-й, куда онъ попалъ, конечно, изъ общерусской компиляціи начала XIV в. Подъ 1263 годомъ въ Лавр. сообщается о рожденіи у Глѣба Васильевича Бѣлозерскаго, внука Константина Ростовскаго, сына Демьяна; въ полихронѣ, по свидѣтельству Сузд.-Акад. лѣтописи, сынъ Глѣба былъ названъ Михаиломъ, и др.

Подобныя отличія Лаврентьевской отъ общерусскаго свода начала XIV в., начинающіяся съ Повѣсти вр. лѣтъ и оканчивающіяся только въ разсказѣ о событіяхъ второй половины XIII в., даютъ основаніе предположить, что почти на всемъ своемъ протяженіи Лаврентьевская руководствовалось еще другимъ, отличнымъ отъ общерусскаго, сводомъ. Вопросъ о характерѣ и происхожденіи этого другого источника Лаврентьевской лѣтописи разрѣшается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ преобладали ростовскія извѣстія или, точнѣе, тѣ извѣстія, которыя имѣли отношеніе къ ростовскому князю Кон-

стантину Всеволодичу, его семейству и потомству. Сравнивая Переяславскую лѣтопись съ Лаврентьевскою, видимъ, что до 1206 года различія между ними незначительны: правда, въ Лавр. послѣ 1193 года имѣется нѣсколько лишнихъ противъ Переяславской лѣтописи извѣстій, но всѣ они, по свидѣтельству Ипатьевской лѣтописи и полихрона, находились въ общерусской компиляціи начала XIV в. и уже оттуда попали въ Лавр. (ср. подъ 1194 извѣстіе объ обновленіи церквей во Владимирѣ и Суздалѣ въ Ипат., подъ 1195 объ обновленіи Всеволодомъ Городца на Острѣ въ Льв.). Тѣмъ поразительнѣе различіе, замѣчаемое между Лавр. и Переясл. подъ 1206 г. и притомъ передъ общимъ въ обѣихъ лѣтописяхъ извѣстіемъ о кончинѣ великой княгини Маріи. Переяславская, а за нею и Радзивиловская, въ двухъ-трехъ строкахъ сообщаютъ объ отправленіи Всеволодомъ сына Константина въ Новгородъ на княженіе 1-го марта. Лаврентьевская заключаетъ это краткое извѣстіе словами: «и бысть радость велика того дни в градѣ Володимерѣ» и затѣмъ въ довольно напыщенномъ и длинномъ разсказѣ, обильно успащенномъ текстами изъ священнаго писанія и благочестивыми разсужденіями, повѣствуетъ о томъ, какъ отецъ проводилъ любимаго сына съ напутствіями, а братья, мужи и весь народъ съ жалостными и радостными слезами; далѣе сообщается о прибытіи Константина въ Новгородъ 20 марта въ день недѣльный и объ утвержденіи его тамъ «въ своемь честнѣмь княженьи». Съ этого мѣста Лаврентьевская постоянно возвращается къ Константину Всеволодичу и всякій разъ для того, чтобы сказать о немъ что-либо похвальное и лестное. Подъ тѣмъ же годомъ (повтореннымъ въ Лавр. еще разъ) въ ней разсказывается о возвращеніи Константина во Владимиръ 28 февраля (1207 январскаго и сентябрьскаго, по

1206 мартовскаго года), при чемъ отецъ его, вставъ, обнялъ его и цѣловалъ съ любовью и великою радостью, «яко же Іяковъ патріархъ Іосифа Прекраснаго видѣвъ». Подъ 1207 г. Лаврентьевская сообщаетъ объ освященіи Константиномъ церкви св. Михаила на своемъ дворѣ во Владимірѣ: Константинъ называется блаженнымъ, сравнивается съ Соломономъ и восхваляется устами народа, бывшаго на освященіи церкви и на учрежденномъ затѣмъ пирѣ по случаю этого событія; ниже говорится о томъ, что Всеволодъ отправилъ въ Новгородъ другого сына Святослава, оставивъ у себя Константина и давъ ему Ростовъ и еще пять другихъ городовъ. Подъ 1209 читаемъ о рожденіи у Константина (благочестиваго и христолюбиваго) сына Василія: «и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ». Подъ 1210—о рожденіи у него другого сына Всеволода-Іоанна 18 іюня. Подъ 1211 — о пожарѣ въ Ростовѣ 15-го мая, при чемъ христолюбиваго благовѣрнаго князя Константина не случилось въ городѣ: онъ былъ у отца во Владимірѣ; но, услышавъ о бѣдѣ, сотворшейся «на градѣ его», онъ поспѣшилъ въ Ростовъ и утѣшилъ граждан его. Подъ 1212 сообщается о постригахъ сыновей Константина, Василька и Всеволода: «и бысть радость велика в градѣ Ростовѣ». Подъ 1213 христолюбивый князь Константинъ закладываетъ церковь св. Богородицы въ Ростовѣ на мѣстѣ павшей (въ 1204 г.) церкви. Подъ 1214 и 1215 читаемъ о построеніи благочестивымъ, христолюбивымъ Константиномъ каменныхъ церквей въ Ростовѣ и Ярославлѣ. Съ 1216 года Константинъ именуется уже великимъ княземъ: но лѣтописецъ не распространяется насчетъ распри между нимъ и его братьями, приведшей къ Липицкой битвѣ 21 апрѣля 1217 мартовскаго года: окаянный дьяволъ, говоритъ онъ подъ 1217 годомъ, «въздвиже

нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи, Костянтиномъ, и Юргемь, и Ярославомъ, и бишася у Юрьева и одолѣ Костянтинъ; но паки Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я ввеликую любовь, и сѣде Костянтинъ в Володимери на столѣ, а Юрги Суждали». Подъ 1218 разсказывается о закладкѣ великимъ княземъ Константиномъ каменной церкви на торговищѣ во Владимирѣ, о пріемѣ, сдѣланномъ имъ прибывшему во Владимиръ Полотскому епископу, объ освященіи ростовской церкви св. Бориса и Глѣба, объ отправленіи Константиномъ сыновей на княженіе—Василія въ Ростовъ, а Всеволода въ Ярославль и о поученіи, имъ преподанномъ; слѣдующее извѣстіе о кончинѣ Константина сопровождается весьма обширной похвалой этому князю и сообщеніемъ о постриженіи вдовы его надъ гробомъ мужа. И послѣ смерти Константиновой обнаруживается симпатія къ нему въ записяхъ, внесенныхъ въ Лаврентьевскую лѣтопись: подъ 1221 читаемъ о пожарѣ въ Ярославлѣ: «мало не весь погорѣ, и церквий изгорѣ 17; дворъ же княжь, силою креста честна(го) и молитвою д о б р а г о Костянтина, избы огня»; подъ 1224 упоминается объ освященіи церкви св. Спаса въ Ярославлѣ, «юже бѣ заложилъ б л а г о в ѣ р н ы й князь Костянтинъ»; подъ 1227 сообщается о пожарѣ во Владимирѣ: «и церквий згорѣ 27, и дворъ б л а ж е н а г о Костянтина, и церкви згорѣ ту сущия святаго Михаила, юже бѣ украсилъ х р и с т о л ю б и в ы й князь Костянтинъ». Нельзя не отмѣтить, что лѣтописецъ первой четверти XIII столѣтія вовсе не такъ щедръ на эпитеты, подобные тѣмъ, которыми онъ сопровождаетъ имя Константина: до 1227 г. включительно, лишь въ одномъ извѣстіи (1225 г.) благовѣрнымъ и христолюбивымъ названъ князь Ярославъ Всеволодичъ, причемъ харак-

теръ записи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что она была сдѣлана лицомъ, близкимъ къ Ярославу; Георгій Всеволодичъ именуется лишь великимъ княземъ (ср. 1220 г. и слѣд.); только подъ 1227 онъ названъ благороднымъ княземъ; благороднымъ же названъ подъ тѣмъ же годомъ Василько Константиновичъ, ср. наименованіе дѣтей Константиновыхъ благородными и подъ 1218 годомъ. Такимъ образомъ съ 1201 по 1227 годъ въ Лаврентьевской лѣтописи ясно обнаруживается лѣтописецъ, пристрастный къ князю ростовскому Константину. Но ростовскія записи продолжаются и дальше: съ 1230 года чувствуется рука новаго лѣтописца въ ростовскихъ извѣстіяхъ Лавр. лѣтописи. Подъ этимъ годомъ сообщается, что благовѣрные князья Василько, Всеволодъ и Владимиръ послали къ Георгію Всеволодичу съ просьбой отпустить игумена Кирилла на епископство въ Ростовъ; Кирилла ввели съ великою честью въ соборную церковь св. Богородицы: «и исполнися писаное въ псалмѣ 83-емь,—прибавляетъ лѣтописецъ,—блажені живущіи в дому твоемь, в вѣкъ вѣкомъ въсхвалять тя». Подъ 1231 содержится обстоятельное описаніе посвященія епископа ростовскаго Кирилла въ Кіевѣ: названы епископы и игумены, присутствовавшіе при этомъ обрядѣ, перечислены князья, съѣхавшіеся въ то время въ Кіевъ; далѣе разсказывается о прибытіи Кирилла въ Ростовъ; похвала не сходитъ съ устъ лѣтописца, который заявляетъ, что Кириллъ, настольникъ и намѣстникъ св. Леонтія и священныхъ епископовъ Исаіи и Нестора, не отсталъ ни въ чемъ отъ прежнихъ епископовъ, «вслѣдуя правомъ ихъ и ученью»; затѣмъ подробно излагаются заботы Кирилла о благолѣпіи ростовскаго соборнаго храма и сообщается объ освященіи этой церкви. «Се 1-е дѣло створи Богъ изрядно Кириломъ священымъ епи-

скономъ, еже нѣсть было в Ростовѣ у прежебывшихъ епископѣхъ» —такъ заключается разсказъ лѣтописца, не вспомнившаго при этомъ, подобно своему предшественнику, о князѣ Константинѣ, не сказавшаго, что освященная церковь была заложена тѣмъ христолюбивымъ княземъ. Передъ самымъ извѣстіемъ объ освященіи церкви лѣтописецъ говоритъ о себѣ: «любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, с страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣсцѣ нѣкоемъ и во [приб. не] входнѣ на писанья собе вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля [вмѣсто: сего первыя словесы дѣтели] написати». Не имѣемъ ли мы передъ собой похвальное слово епископу Кириллу, включенное въ Ростовскую лѣтопись?

Подробный анализъ ростовскихъ извѣстій Лаврентьевской лѣтописи завелъ бы насъ слишкомъ далеко: мы ограничиваемся сдѣланными уже указаніями. Изъ нихъ ясно, что Лаврентій, если онъ былъ составителемъ связанной съ его именемъ лѣтописи, включилъ въ свой сводъ рядъ заимствованій изъ Ростовской лѣтописи. Эта лѣтопись въ части до 1227 года была составлена лицомъ, близкимъ къ Константину: въ видѣ предположенія, позволяю себѣ высказать догадку, что это былъ Кириллъ, епископъ ростовскій, поставленный въ 1216 году изъ чернецовъ св. Димитрія, сложившій съ себя санъ въ 1229 и скончавшійся въ 1230 году въ суздальскомъ монастырѣ св. Димитрія. Такое предположеніе основывается, во-первыхъ, на свидѣтельствѣ лѣтописи, что Кириллъ былъ богатъ, между прочимъ, книгами (ср. подъ 1229) —это указываетъ на его книжность, ученость; во-вторыхъ, на томъ, что окончаніе лѣтописи, связанной съ именемъ Константина, замѣчается подъ 1227 годомъ, т.-е. около того времени, какъ Кириллъ, вслѣд-

ствіе приключившейся ему болѣзни, оставилъ свой санъ (ср. Лавр. подъ 1229); въ-третьихъ, на словахъ, сказанныхъ лѣтописцемъ въ разсказѣ 1227 года о посвященіи владимирскаго епископа Митрофана митрополитомъ въ сослуженіи съ четырьмя епископами, прибывшими во Владимиръ: «приключися и мнѣ грѣшному ту быти и видѣти дивна и преславна»; Кириллъ ростовскій былъ, конечно, на посвященіи Митрофана и могъ упомянуть объ этомъ въ приведенныхъ словахъ. Впослѣдствіи лѣтопись, начатая епископомъ Кирилломъ I, могла быть продолжена и дополнена, при чемъ подъ 1230—1231 гг. въ нее было включено похвальное слово епископу Кириллу II, подъ 1238 сказаніе о татарскомъ нашествіи съ подробною повѣстью о мученической кончинѣ ростовскаго князя Василька Константиновича и похвалой этому князю, подъ 1263 разсказъ о Изосимѣ преступникѣ, убитомъ въ Ярославлѣ, и т. д. Въ такомъ-то видѣ познакомился съ этою лѣтописью и составитель лѣтописи Лаврентьевской. Ее-то онъ и положилъ въ основаніе своего труда, дополнивъ и отчасти, быть можетъ, исправивъ по общерусскому лѣтописному своду начала XIV вѣка. Я сказалъ—положилъ въ основаніе своего труда. Дѣйствительно, какъ мы отчасти уже видѣли, въ основаніи Лавр. лѣтописи, по крайней мѣрѣ, въ части, содержащей событія первой половины XIII столѣтія, лежитъ именно Ростовская лѣтопись, а не общерусскій сводъ начала XIV в.: тревожныя событія 1211—1216 гг. изложены здѣсь не съ точки зрѣнія владимирскаго князя Георгія или переяславскаго Ярослава, а съ точки зрѣнія ростовскаго Константина. Отсюда заключаемъ, что и при изложеніи предшествующихъ отдѣловъ лѣтописи,—отдѣловъ, содержащихъ разсказъ о событіяхъ XII в. и Повѣсть вр. лѣтъ, въ основаніи Лаврентьевской лежитъ не обще-

русскій сводъ начала XIV вѣка, а та же Ростовская лѣтопись. Такое заключеніе вполнѣ согласуется съ отмѣченными выше отличіями между общерусскимъ сводомъ нач. XIV в. (свидѣтельства Ипатьевской и полихрона) и Лавр. лѣтописью въ лѣтописномъ разсказѣ указанныхъ отдѣловъ. Слѣдовательно, Ростовская лѣтопись, бывшая основнымъ источникомъ Лаврентьевской, начиналась не съ 1206 года (ср. выше), а съ Повѣсти вр. лѣтъ, при чемъ въ общемъ она сходствовала съ текстомъ Переяславской (Радзивиловской) лѣтописи, отличаясь отъ нея, напр., въ разсказѣ о событіяхъ второй половины XII ст., нѣкоторыми особенностями редакціоннаго характера. И такъ Повѣсть вр. лѣтъ и разсказъ о событіяхъ XII в. восходятъ въ Лаврентьевской къ Ростовской лѣтописи, хотя и дополненной или исправленной по общерусской компиляціи нач. XIV в.; между тѣмъ тѣ же лѣтописные отдѣлы въ Ипатьевской и въ полихронѣ восходятъ къ названной компиляціи; въ послѣдней же они были изложены ближе къ Переяславской лѣтописи, чѣмъ къ Ростовской.

Но, кромѣ этихъ двухъ источниковъ, составитель Лавр. лѣтописи пользовался несомнѣнно еще третьимъ: это была та самая лѣтопись, которая лежитъ въ основаніи Радзивиловской, т.-е. Переяславская. Доказательства мы представимъ ниже, въ 7 отдѣлѣ VI главы. Изъ нея заимствована бо̀льшая часть извѣстій въ части отъ 1185 до 1206 г.

Предыдущее изслѣдованіе доказало, что въ распоряженіи монаха Лаврентія находилось два главныхъ лѣтописныхъ источника: Ростовская лѣтопись въ редакціи второй половины XIII ст. и общерусская компиляція начала XIV в. Сообщенныя выше соображенія позволятъ намъ разобрать ниже, что̀ именно въ текстѣ Лаврентьевской восходитъ къ каждому изъ этихъ двухъ

главныхъ ея источниковъ. Благодаря полученной возможности возстановить въ общихъ чертахъ составъ Ростовской лѣтописи, мы переходимъ теперь къ установленію главныхъ моментовъ суздальскаго лѣтописанія.

Глава V.

Древнѣйшія Суздальскія лѣтописи.

Пока мы говорили о двухъ такихъ лѣтописяхъ Переяславской и Ростовской. Обѣ онѣ представляютъ данныя для поучительныхъ сближеній. Въ основаніи той и другой лежитъ общій лѣтописный источникъ, занятый въ частяхъ, современныхъ его составителю, разсказомъ о событіяхъ владимірскихъ: съ 1157 года, съ котораго въ Лаврентьевской и Переяславской (Радзивиловской) выписки изъ южно-русскихъ лѣтописей становятся рѣже, суздальскія событія излагаются не ростовцемъ или переяславцемъ, а владимірцемъ, въ чемъ легко убѣдиться при бѣгломъ даже взглядѣ на соотвѣтствующіе лѣтописные извѣстія и разсказы; слѣдовательно, въ основаніе Ростовской и Переяславской лѣтописей положена лѣтопись Владимірская. Позже въ началѣ XIII в. начинаются ростовскія и переяславскія записи, но при этомъ обнаруживается, что лѣтописцы заняты не столько мѣстными, областными интересами, сколько личностью и дѣяніями князей—одинъ ростовскаго Константина, другой—переяславскаго Ярослава. И это стоитъ въ связи съ положеннымъ во главу ихъ лѣтописныхъ трудовъ основаніемъ; распаденію великокняжеской семьи Всеволода соотвѣтствовало распаденіе суздальской области на удѣлы, распаденіе Владимірскаго лѣтописанія на Ростовское

и Переяславское. Но подобно тому, какъ Владимирскій удѣлъ продолжалъ свое отдѣльное существованіе и послѣ выдѣленія изъ него Ростовскаго и Переяславскаго, Владимирская лѣтопись не должна была прекратиться и послѣ выдѣленія изъ нея Ростовской и Переяславской: ее продолжали при дворѣ Юрія Всеволодича, подобно тому какъ продолжали при дворахъ двухъ другихъ Всеволодичей —Константина и Ярослава. И такъ, мы теоретически приходимъ къ необходимости предполагать одновременное существованіе трехъ лѣтописей въ Суздальской области первой четверти XIII столѣтія—Владимирской, Ростовской и Переяславской. Мы напали на слѣды двухъ послѣднихъ: не трудно обнаружить слѣды первой. Они сохранились въ общерусской компиляціи начала XIV в., составленной во Владимирѣ при дворѣ митрополита. Выше было указано, что Ипатьевская лѣтопись, въ которой отразилась названная компиляція, имѣетъ такія владимирскія извѣстія, какихъ нѣтъ ни въ Лаврентьевской (Ростовской), ни въ Переяславской лѣтописяхъ; такія же извѣстія оказываются въ полихронѣ [1]). Въ нихъ сказывается владимирскій лѣтописецъ и такимъ образомъ мы получаемъ подтвержденіе высказанному предположенію о существованіи въ XIII ст. особой отъ Ростовской и Переяславской—Владимирской лѣтописи.

Переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ ближайшихъ отношеній, въ которыхъ находились между собою лѣтописи Влади-

---

[1]) Ср. подъ 1176 точное указаніе на день и мѣсто побѣды Михаила и Всеволода надъ Ростиславичами: „си же бысть побѣда на Дубровици у Яхробола, въ недѣлный день, іюня 15“ (Тверск. и Льв.). Подъ 1211 здѣсь говорилось о размолвкѣ Константина съ отцомъ (Воскр., Льв., Тверск.). Подъ 1212 подробно сообщалось о распрѣ Всеволодичей (Воскр., Льв., Тверск.). Подъ 1213 разсказывалось о небесномъ знаменіи 25-го марта, сообщалось о битвѣ при Идшѣ или Ишнѣ (Воскр., Льв., Тверск.) и т. д.

мирская (Ипатьевская и полихронъ), Ростовская (Лаврентьевская) и Переяславская (Переяславская и Радзивиловская). Всѣ онѣ, какъ мы видѣли, покоятся на одномъ общемъ основаніи, каковымъ былъ древнѣйшій сводъ Владимирской лѣтописи. Возникаетъ вопросъ, до какого года доходилъ этотъ сводъ, это общее ихъ основаніе? Такой вопросъ нельзя рѣшить при помощи одного сравнительнаго изученія Лаврентьевской и Переяславской и опредѣленія общихъ между ними статей: мы знаемъ, что Лаврентьевская руководствовалась не одною Ростовскою; она дополняла ее изъ общерусской компиляціи, слѣдовавшей въ свою очередь не только Владимирской, но и Переяславской лѣтописямъ; кое что она заимствовала сама изъ этой самой Переяславской лѣтописи. Но если къ сравнительному изслѣдованію Лаврентьевской и Переяславской присоединимъ нѣкоторыя соображенія, вытекающія изъ изученія внутренняго состава обѣихъ лѣтописей, мы легко откроемъ тотъ вѣрный путь, который можетъ привести къ разрѣшенію поставленнаго вопроса. Отмѣтимъ два мѣста въ разсказѣ, относящемся къ послѣдней четверти XII ст., которыя правдоподобно признать за окончанія древнѣйшихъ Владимирскихъ сводовъ. Первое мѣсто находимъ подъ 6693 (1185) г.; здѣсь разсказъ о поставленіи епископа Луки и похвала ему въ Переяславской оканчиваются словомъ аминь: «иже помипающе въздержаніе твое прославлѧють Бг҃а, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь»; въ Лавр. и Радзив. (л. 230) этого аминя нѣтъ («иже взирающе на въздержанье твое, прославляють Бога нынѣ и присно и в бесконечныя вѣкы»); но слѣдующее затѣмъ извѣстіе о большомъ владимирскомъ пожарѣ, сопровождаемое длинными благочестивыми разсужденіями, замыкается и въ Переяславской и въ Лаврентьевской словомъ

аминь («ѿ тебе бо, вл҃кѡ, и пр҇тыѧ твоеѧ м҃тре всѧко данїе бл҃го и дари съвыше посылаются, нн҃ѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь»); въ Радзивиловской (л. 231) и это аминь опущено. Наличность этихъ двухъ «аминей» въ разсказѣ 1185 года наводитъ на мысль, что именно въ этомъ разсказѣ слѣдуетъ искать окончанія одной изъ древнѣйшихъ редакцій Владимирскаго свода. Но приведенныхъ указаній, конечно, недостаточно для признанія такой мысли доказанной: подтвержденіе ея находимъ при сопоставленіи нѣкоторыхъ мѣстъ въ разсказѣ до 1185 года и послѣ него. До 1185 года, включительно, Всеволодъ Юрьевичъ ни разу не названъ великимъ княземъ ни въ Лавр., ни въ Переясл., ни въ Радзив.; послѣ этого года, начиная съ 1186-го, имя его обыкновенно сопровождается титуломъ великаго князя [1]), замѣняемымъ иногда эпитетами благовѣрный, христолюбивый (до 1186 Всеволодъ названъ всего лишь одинъ разъ благовѣрнымъ, подъ 1177 г., Лавр. 363). Извѣстіе о поставленіи епископа Луки, читаемое подъ 1185, написано, какъ видно изъ редакціи его въ Лавр., Радзив. и полихронѣ (Льв.), при жизни этого епископа [2]); онъ скончался въ 1189 году; слѣдовательно, вся предшествующая

---

[1]) Ср. подъ 1177 князь Всеволодъ, князь же Всеволодъ; подъ 1178 Всеволоду Юрьевичю, князь же Всеволодъ; подъ 1181 князь Всеволодъ; подъ 1181 Всеволода Юрьевича, Всеволодъ, князь Всеволодъ; подъ 1182 князь же Всеволодъ; подъ 1183 князь же Всеволодъ; подъ 1184 Всеволодъ, князю Всеволоду; подъ 1185 князю Всеволоду. — Подъ 1186 у великаго князя Всеволода, к великому князю Всеволоду Юргеевичу, Всеволодъ великый князь Гюргевичь, ко Всеволоду великому Юрьевичу; подъ 1187 у Всеволода князя великаго, великый князь Всеволодъ Юргевичь, и т. д.

[2]) Ср. Лавр.: иже пасеть словесныя овця нелицемѣрно; не имаши бо града сде, но будущаго взискаеши; молися за поручениое тобѣ стадо, и т. д.

упомянутому извѣстію часть написана до 1189 года и могла оканчиваться разсказомъ о событіяхъ 1185 года. И такъ мы видимъ нѣсколько основаній для предположенія, что одна изъ древнѣйшихъ редакцій владимирскаго лѣтописнаго свода оканчивалась на 1185 году, а именно сообщеніемъ о пожарѣ во Владимирѣ и обширными благочестивыми разсужденіями по этому случаю.

Окончаніе свода можно видѣть еще въ другомъ мѣстѣ Лаврентьевской и Переяславской лѣтописей. Переяславская лѣтопись весьма полно передавала текстъ владимирскаго лѣтописнаго свода, лежащаго въ ея основаніи: это видно изъ сопоставленія дошедшаго до насъ списка съ нея, а также Радзивиловской лѣтописи съ Лаврентьевскою. До 1193 года нельзя указать почти ни одного извѣстія Лаврентьевской, которое было бы пропущено въ Переяславской: исключеніе составляетъ, какъ мы видѣли, только извѣстіе 1166 года о походѣ Мстислава за Волокъ; равнымъ образомъ до 1193 года нельзя указать ни одного сокращенія противъ текста Лаврентьевской. Между тѣмъ подъ 1193 годомъ Переяславская (а за ней и Радзивиловская, л. 241) опускаетъ благочестивыя разсужденія, помѣщенныя въ Лавр. по поводу пожара во Владимирѣ 23 іюля; въ самомъ этомъ извѣстіи она допускаетъ важное сокращеніе; фразу «а княжь дворъ Богомь и святою Богородицею изотяша» она не сопровождаетъ словами, читающимися въ Лавр. и находившимися, по свидѣтельству полихрона (Льв.), въ общерусскомъ лѣтописномъ сводѣ начала XIV в.: «дѣда его и отца его молитвою святою избавленъ бысть отъ пожара»; подъ 1194 годомъ въ Переясл. (а за ней и въ Радзивиловской, л. 241) опущены два извѣстія о знаменательныхъ событіяхъ церковной жизни того времени—объ обновле-

ніи церквей св. Богородицы во Владимирѣ и Суздалѣ блаженнымъ епископомъ Іоанномъ (ср. Лавр., куда эти извѣстія попали, по свидѣтельству Ипатьевской, изъ общерусскаго свода начала XIV в.); подъ 1195 въ Переясл. нѣтъ извѣстія объ обновленіи Всеволодомъ Городца на Острѣ (ср. Лавр., куда это извѣстіе, по свидѣтельству полихрона—Льв. лѣт., попало изъ общерусскаго свода начала XIV в.). Наличность пропусковъ подъ 1193—1195 гг., при отсутствіи ихъ до 1193 года, въ текстѣ Переяславской лѣтописи не можетъ быть объяснена простою случайностью: она наводитъ на мысль, что въ основаніе Переяславской положенъ владимирскій сводъ, доходившій до 1192 года и дополненный впослѣдствіи по другой, позднѣйшей редакціи этого свода, при чемъ дополненія были произведены не особенно тщательно; благочестивыя разсужденія подъ 1193 годомъ, находящіяся въ Лавр., подтверждаютъ такое предположеніе; они оканчиваются тою же фразой, что разсужденія по поводу владимирскаго пожара 1185 года («отъ тобе бо, о владыко... аминь», см. выше), и принадлежатъ, вѣроятно, составителю новой редакціи владимирскаго свода.

Предыдущія соображенія наводятъ насъ на мысль о существованіи двухъ древнихъ владимирскихъ лѣтописныхъ сводовъ: одинъ изъ нихъ доходилъ до 1185 года, другой до 1192 года. Второй изъ этихъ двухъ сводовъ лежитъ въ основаніи Переяславской лѣтописи; первый, какъ это естественно предположить, въ виду бо̀льшей древности редакціи Ростовской лѣтописи, легъ въ основаніе этой Ростовской лѣтописи. Сознаю вполнѣ, что эта гипотеза пока не обоснована, но она облегчитъ намъ дальнѣйшее изслѣдованіе, которое, быть можетъ, подтвердитъ ее новыми соображеніями.

И такъ, Ростовская лѣтопись, составленная въ концѣ первой четверти XIII ст., положила въ свое основаніе Владимірскій сводъ въ редакціи 1185 года; мнѣ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы она заполнила заимствованіями изъ другой лѣтописи или изъ болѣе ей современной редакціи владимірскаго свода промежутокъ отъ 1186 по 1206 годъ (съ этого года начинаются въ Лавр. записи, связанныя съ именемъ князя Константина): иначе въ Лаврентьевскую неминуемо попали бы извѣстія 1196 года (женитьба Константина, ср. Переясл.) или 1204 года (паденіе ростовской соборной церкви, ср. полихронъ). Къ этому-то своду 1185 года присоединены лѣтописныя статьи, касающіяся дѣятельности Константина Всеволодича а также послѣдующихъ событій ростовскихъ (см. выше). Эта Ростовская лѣтопись положена въ основаніе Лаврентьевской, по дополнена въ ней и отчасти исправлена по общерусскому лѣтописному своду начала XIV столѣтія. И такъ, въ Лаврентьевской въ части до 1185 года, до слова «аминь», заключающаго благочестивыя разсужденія по поводу пожара 18 апрѣля отразился Владимірскій лѣтописный сводъ въ редакціи 1185 года. Такое заключеніе подтверждается, какъ мы видѣли, похвалой епископу Лукѣ, написанною при его жизни; ему не противорѣчитъ и молитвенное обращеніе къ Андрею Боголюбскому подъ 1175 годомъ («молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же присного брата... съ княгинею и благородными дѣтми»): подъ дѣтьми могли разумѣться не одни сыновья Всеволодовы (старшій Константинъ родился въ 1186 году), но и его дочери (подъ 1179 въ Ипат. отмѣчено рожденіе четвертой дочери Всеволода Пелагеи - Сбыславы). Переяславская лѣтопись положила въ основаніе Владимірскій сводъ въ редакціи, доведенной до 1192 года, и до-

полнила его по позднѣйшей редакціи того же свода до 1214; съ 1212-го она заключаетъ записи, веденныя въ Переяславлѣ, лицомъ близкимъ къ князю Ярославу Всеволодичу. И такъ, въ Переяславской лѣтописи и возникшей изъ нея Радзивиловской въ части до 1192 года отразилась та позднѣйшая (вторая) редакція Владимирскаго свода, которая дополнила его разсказомъ о событіяхъ 1186—1192 гг.

Эта позднѣйшая редакція владимирскаго свода отличалась отъ редакціи 1185 года приблизительно такъ же, какъ Переяславская (Радзивиловская) отличается отъ Лаврентьевской. Характерными при этомъ представляются: 1) рядъ подновленныхъ, исправленныхъ чтеній въ Повѣсти вр. лѣтъ (напр. подъ 988 г. церковь св. Богородицы вм. церкви св. Василія и т. д., см. выше), 2) нѣсколько редакціонныхъ поправокъ въ суздальскихъ извѣстіяхъ XII в. Но не всѣ поправки второго рода, находящіяся въ Переяславской, восходятъ къ своду 1192 года, а только тѣ, которыя не носятъ мѣстнаго переяславскаго характера: послѣднія поправки внесены при обработкѣ свода 1192 года въ Переяславлѣ. Къ болѣе древнимъ редакціоннымъ поправкамъ, восходящимъ къ своду 1192 г., относятся, напр., вставки имени Всеволода въ разсказѣ о событіяхъ 1176—1177 гг.; тѣ же вставки, по свидѣтельству Ипатьевской, находились и въ общерусскомъ сводѣ начала XIV в., а слѣдовательно и во Владимирской лѣтописи (ср. выше). Вставка имени Всеволода однородна, какъ мнѣ кажется, съ тою отмѣченною выше особенностью редакціи 1192, которая состоитъ въ присоединеніи къ имени князя Всеволода эпитета великій, а также христолюбивый, благовѣрный: все это обличаетъ въ редакторѣ лицо, расположенное къ Всеволоду, лицо, цѣнившее его политическое значеніе.

И такъ, происхожденіе редакціонныхъ поправокъ второго рода, т.-е. поправокъ въ извѣстіяхъ владимирскихъ, объясняется тѣми внутренними соображеніями, которыми руководствовался редакторъ 1192 года. Что до поправокъ перваго рода, т.-е. исправленій въ текстѣ Повѣсти вр. лѣтъ, то онѣ предполагаютъ пользованіе, со стороны редактора 1192 года, особымъ спискомъ Повѣсти вр. лѣтъ, отличнымъ отъ того, который вошелъ въ составъ редакціи 1185 года. Редакція 1192 года отличалась отъ редакціи 1185 еще и тѣмъ, что заполнила лѣтописный разсказъ 1185—1192 годовъ: эти дополненія читаются и въ Переяславской (Радзивиловской), и въ Лаврентьевской, куда они попали, согласно предыдущему, не изъ Ростовской лѣтописи.

Что же мы находимъ въ этомъ дополнительномъ лѣтописномъ разсказѣ? Во-первыхъ, рядъ владимирскихъ извѣстій, напр., о небесномъ знаменіи 1 мая 1186 г., о рожденіи у Всеволода сыновей Константина, Бориса, Георгія, Θедора, объ отдачѣ въ замужество княжонъ Всеславы и Верхуславы, о кончинѣ Бориса Всеволодича и племянника Всеволодова Владимира Глѣбовича, о постригахъ Георгія Всеволодича, о нѣкоторыхъ церковныхъ и политическихъ событіяхъ въ Владимирскомъ княженіи и т. д.—всѣ эти извѣстія были извѣстны редактору, какъ современнику и лицу, близкому къ в. князю Всеволоду. Во-вторыхъ, мы находимъ здѣсь двѣ обширныя повѣсти о южнорусскихъ событіяхъ 1185 и 1186 гг., въ которыхъ, Всеволодъ не принималъ никакого участія, а именно о знаменитомъ походѣ Святослава Всеволодича, в. князя кіевскаго, и прочихъ южныхъ князей противъ половцевъ, окончившемся полнымъ успѣхомъ, и о несчастномъ походѣ Игоря Святославича. Разсказы объ обоихъ походахъ составлены, конечно,

на югѣ; владимірскому сводчику 1192 года они стали извѣстны уже въ готовомъ видѣ: это ясно, между прочимъ, изъ того, что въ первомъ изъ этихъ разсказовъ обнаруживается составитель—переяславецъ, житель Переяславля южнаго или Русскаго [1]); того же переяславца легко замѣтить и въ разсказѣ объ Игоревомъ походѣ: Игоревы союзники сошлись у Переяславля; уже это обстоятельство послужило основаніемъ для переяславцевъ интересоваться исходомъ похода [2]); но, кромѣ того, пораженіе Игоря вызвало нападеніе на Переяславль торжествующихъ половцевъ; мужественный отпоръ, оказанный имъ Владиміромъ Глѣбовичемъ, вошелъ въ переяславскую версію о полку Игоревѣ. Отсюда слѣдуетъ, что владимірскому сводчику 1192 года была доступна Переяславская (южнаго Переяславля) лѣтопись: ею онъ дополнилъ сводъ 1185 года, помѣстивъ непосредственно за его окончаніемъ переяславскій разсказъ о походѣ Святослава Всеволодича (ср. Радзив., л. 231), а подъ слѣдующимъ годомъ разсказъ о полку Игоревѣ.

Естественно возникаетъ вопросъ, ограничился ли сводчикъ 1192 года этими двумя заимствованіями изъ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи, или воспользовался ею и для переработки и дополненія всего свода 1185 года. Не трудно обнаружить вставку изъ Переяславскаго свода, попавшую при томъ въ сводъ 1192 года, подъ 1171 годомъ въ

---

[1]) Главное вниманіе удѣлено переяславскому князю Владиміру Глѣбовичу; разсказывая о его побѣдѣ, авторъ говоритъ: „наши же (т.-е. очевидно, переяславцы) погнаша сѣкуще а҃“. Ср. разсказъ о томъ же событіи въ Ипат. подъ 1183 г., гдѣ Владиміръ Глѣбовичъ играетъ роль второстепенную.

[2]) Въ войскѣ Игоревомъ находились, конечно, и переяславцы въ качествѣ добровольцевъ; поэтому читаемъ: „наши же видѣвше ихъ“, „и побѣжени быша наши“, „а о нашихъ не бысть кто и вѣсть принеса“.

Лавр., Переясл., Радзив. (л. 210—211). Мы читаемъ здѣсь о нападеніи половцевъ на Кіевскую сторону; Кіевскій князь Глѣбъ послалъ противъ нихъ брата своего Михалка «съ братомъ своимъ Всеволодомъ». Михалко настигъ половцевъ съ воеводою Володиславомъ и отрядомъ торковъ и берендѣевъ за Бугомъ; при этомъ «наши Божьею помощью инѣхъ избиша, а другыя извязаша». Узнавъ отъ плѣнныхъ, что за ними идетъ большой половецкій полкъ, Владиміръ, по совѣту воеводы Володислава, велѣлъ ихъ перебить. При послѣдовавшей затѣмъ встрѣчѣ съ половцами, «поможе Богъ Михалку со Всеволодомъ на поганыя», и наши князья, освободивъ русскихъ плѣнныхъ, вернулись въ Кіевъ. Отмѣчу прежде всего, что тотъ же разсказъ о томъ же событіи, но въ нѣсколько иной редакціи, читается въ Лавр., Переясл., Радзив. (л. 208—209 об.) выше, подъ 1169 годомъ. Глѣбъ, узнавъ о нападеніи половцевъ, посылаетъ противъ нихъ брата своего Михалка и съ нимъ сотню переяславцевъ и тысячу берендѣевъ. «Михалко же послушанье створи братне» (ср. подъ 1171: Михалко же, послушливъ сый) и пошелъ за половцами; настигнувъ сторожевой полкъ половецкій, онъ избилъ однихъ, полонилъ другихъ. Но узнавъ отъ полоненныхъ, что за ними идетъ большой полкъ (ср. здѣсь, какъ и подъ 1171: «много ли вашихъ назади»?), «наши... избіша я всѣ, не упустивше ни мужа». При этомъ сообщается, что воеводой у Михалка былъ Володиславъ, Яновъ братъ. Далѣе подробно описывается битва съ большимъ половецкимъ полкомъ; побѣдивъ его, Михалко съ переяславцами и берендѣями вернулся въ Кіевъ, освободивъ полоненныхъ половцами христіанъ. Сравнивая оба разсказа, разсказы подъ 1169 и 1171 гг., мы не можемъ усомниться въ томъ, что они внесены во Владимірскій сводъ

въ разное время, разными редакторами; второй разсказъ отличается отъ перваго вставкою имени Всеволода (поможе Богъ Михалку со Всеволодомъ, и др.), вставкой, вполнѣ однородною съ тѣми, которыя мы отмѣтили для свода 1192 года въ разсказѣ о 1176 — 1177 годахъ. Слѣдовательно, второго разсказа не было въ сводѣ 1185 года, не знавшемъ, по свидѣтельству Ростовской (Лаврентьевской) лѣтописи, подобной тенденціозной поправки къ древнему тексту; сводъ 1185 года содержалъ только первый изъ этихъ разсказовъ, разсказъ 1169 года, а если въ Лаврентьевской мы находимъ и второй, то онъ попалъ въ нее не изъ Ростовской лѣтописи (слѣдовательно, не изъ свода 1185 года), а изъ общерусскаго свода начала XIV в. (Ипатьевская свидѣтельствуетъ о томъ, что въ этомъ сводѣ читался и этотъ второй разсказъ, ср. стр. 383 — 384 изданія). На то, что второй разсказъ, разсказъ 1171 года, внесенъ въ сводъ 1192 года указываютъ, во-первыхъ, присутствіе его въ Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи, во-вторыхъ, вставка имени Всеволода при имени Михалка Юрьевича, въ-третьихъ, переяславское (южнаго Переяславля) происхожденіе этого разсказа [1]),—а мы видѣли, что сводчикъ 1192 года вставилъ имя Всеволода въ разсказъ 1176 года и пользовался Переяславскою (южнаго Переяславля) лѣтописью подъ 1185 и 1186 годомъ.

Въ виду полученнаго результата, т.-е. указанія на то, что сводчикъ 1192 года дѣлалъ въ сводъ 1185 года вставки изъ

---

[1]) Михалко совершилъ свой походъ съ переяславцами (ср. первый разсказъ); ихъ храбрость восхваляется (ср. въ первомъ разсказѣ: Переяславци же дерзи суще); Михаиловы войска, состоявшія изъ переяславцевъ и берендѣевъ, называются „нашими“ („наши же думаша; наши же... крѣпляхуся“).

Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи, мы отвѣчаемъ на поставленный выше вопросъ утвердительно и полагаемъ, что сводчикъ 1192 года воспользовался Переяславскою (южнаго Переяславля) лѣтописью для переработки и дополненія Владимирскаго свода 1185 года. Слѣдовательно, всѣ тѣ отличія свода 1192 года отъ свода 1185 года, которыя не могутъ быть объяснены внутренними соображеніями редактора 1192 года, естественно возводить къ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи. Эта лѣтопись была такимъ же лѣтописнымъ сводомъ, какъ Владимирская лѣтопись 1185 года; въ основаніи свода лежала Повѣсть вр. лѣтъ въ иной редакціи, чѣмъ въ сводѣ 1185 года: отсюда и заимствованы въ сводъ 1192 года редакціонныя поправки, часть которыхъ отмѣчена выше. Таковы: сообщеніе о прибытіи Рюрика въ Ладогу и о построеніи имъ Новгорода, замѣна имени Ивана Цимисхія именемъ Константина сына Леонова, замѣна церкви св. Василія церковью св. Богородицы, вставка именъ Юрьевскихъ (Поросскихъ) епископовъ Михаила и Марина въ лѣтописныя статьи 1072 и 1091 годовъ, и т. д.

Итакъ мы приходимъ къ заключенію о существованіи особой «Переяславской» (южнаго Переяславля) редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ; она значительно отличалась отъ другихъ редакцій, напримѣръ, Кіевской, каковою была, вѣроятно, та редакція Повѣсти вр. лѣтъ, которая лежала въ основаніи Владимирскаго свода 1185 года (отразившагося, черезъ посредство Ростовской лѣтописи, въ Лаврентьевской). Эту «Переяславскую» редакцію ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ тою, которая читается въ Архивскомъ сборникѣ XV в. передъ лѣтописнымъ разсказомъ, заимствованнымъ изъ Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи: какъ отмѣчено выше, редакція Архивскаго

сборника восходитъ едва ли не къ Галицко-волынской лѣтописи, хотя, можетъ быть, она и подверглась вліянію той редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, которую составитель Архивскаго сборника зналъ изъ Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи.

Главное отличіе Кіевской и Переяславской (южнаго Переяславля) редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ, какъ это видно изъ сопоставленія Ростовской (Лаврентьевской) лѣтописи съ Владимирской (ср. общерусскую компиляцію начала XIV в., откуда Ипатьевская, а позже полихронъ), находилось въ концѣ Повѣсти: Кіевская редакція оканчивалась извѣстіемъ 1110 года и записью Сильвестра 1116 года, Переяславская же редакція продолжала разсказъ и за 1110, годъ по крайней мѣрѣ до 1114 года включительно, но, быть можетъ, и дальше. Вотъ почему въ Лаврентьевской Повѣсть вр. лѣтъ заканчивается записью Сильвестра, помѣщенною за лѣтописнымъ разсказомъ о 1110 годѣ, а въ Ипатьевской конецъ Повѣсти приходится гораздо ниже, едва ли не за 1117 годомъ, за которымъ записи на нѣкоторое время становятся короче. Но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что составитель Лаврентьевской пользовался не одною Ростовскою лѣтописью, а также общерусскимъ сводомъ начала XIV в. Поэтому ошибочно было бы заключить, что въ Ростовской, а слѣдовательно во Владимирской 1185 года, а слѣдовательно и въ Кіевской, Повѣсть временныхъ лѣтъ оканчивалась такъ же именно, какъ въ Лаврентьевской, т.-е, разсужденіемъ объ ангелахъ, вызваннымъ сообщеніемъ о знаменіи въ Печерскомъ монастырѣ 11 февраля 1110 года. Въ Лаврентьевской приведено только начало этихъ разсужденій; продолженіе ихъ оказывается въ Ипатьевской, при чемъ ничто, рѣшительно ничто, не доказываетъ, чтобы начало раз-

сужденій до словъ «и пакы: ангелъ твой буди съ тобою» принадлежало одному лицу, а продолженіе ихъ, со словъ «якоже пророкъ Давидъ глаголеть» — другому. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что Кіевская редакція Повѣсти вр. лѣтъ оканчивалась сообщеніемъ о явленіи огненнаго столпа въ Печерскомъ монастырѣ, при чемъ за словами «и потомъ ступи на верхъ акы ко встоку лиць, и потомъ невидимъ бысть» слѣдовала запись Сильвестра. Составитель Лаврентьевской началъ списывать за приведенными словами разсужденія, читавшіяся въ общерусскомъ сводѣ начала XIV, но замѣтивъ ихъ длинноту, ограничился началомъ названныхъ разсужденій, послѣ чего обратился опять къ Ростовской лѣтописи и списалъ изъ нея Сильвестрову запись. Радзивиловская, какъ увидимъ, послѣдовала Лаврентьевской, какъ болѣе краткой въ этомъ мѣстѣ, чѣмъ основной ея источникъ — лѣтопись Переяславская (Переяславля Суздальскаго).

Такимъ образомъ всѣ разсужденія, читающіяся подъ 1110 годомъ въ Ипатьевской, принадлежатъ второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, редакціи Переяславской (южнаго Переяславля). Начитанный редакторъ пожелалъ связать окончаніе Сильвестровской редакціи Повѣсти врем. лѣтъ съ послѣдующимъ лѣтописнымъ разсказомъ, которому предстояло заняться знаменитымъ походомъ русскихъ князей противъ половцевъ въ 1111 году. Онъ рѣшился при этомъ подражать и самымъ пріемамъ Сильвестрова описанія. Подъ 1102 годомъ Сильвестръ разсказалъ о небесныхъ знаменьяхъ 5 и 7 февраля: 5-го было лунное затменіе, 7-го — солнечное: «знаменья бо бывають ово же на добро, ово же на зло, яко и си знаменья быша на добро. На предидущее лѣто вложи Богъ мысль добру в Русьскии князи, умыслиша дерзнути на Половцѣ, поити в землю ихъ, еже и

бысть; яко же скажемъ въ пришедшее лѣто». Такъ разсуждалъ Сильвестръ. Подъ 1103 годомъ читаемъ: «Вложи Богъ въ серьдце Русьскимъ княземъ мысль благу, Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобьскѣ»; далѣе идетъ описаніе Долобскаго съѣзда, на которомъ Владиміръ, не соглашаясь съ возраженіями дружины Святополка, указывалъ на неумѣстность ея опасеній разорить смердовъ и погубить ихъ посѣвъ; затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ русскихъ князей въ глубь Половецкой земли.

Передъ послѣдующимъ редакторомъ извѣстіе о чудесномъ знаменіи 10 февраля. Подражая Сильвестру, онъ распространяется о знаменіяхъ вообще, о явленіяхъ ангеловъ; подражая Сильвестру, онъ спѣшитъ связать знаменіе 10 февраля съ походомъ русскихъ князей на половцевъ, имѣвшимъ мѣсто въ слѣдующемъ (мартовскомъ) году. «Тако и се явленье, которое показываше, ему же быти хотяше, еже бо и бысть: на второе лѣто не сий ли ангелъ вожь бысть на иноплеменникы и супостаты». Подражая Сильвестру, редакторъ новаго извода Повѣсти вр. лѣтъ начинаетъ слѣдующій 1111 годъ словами: «Вложи Богъ Володимеру въ сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну», далѣе слѣдуетъ описаніе съѣзда въ Долобскѣ, въ общемъ тожественное съ описаніемъ этого же съѣзда подъ 1103-мъ; затѣмъ уже начинается самостоятельное описаніе похода русскихъ князей въ Половецкую землю.

И такъ, повторю еще разъ, въ Сильвестровской редакціи Повѣсти вр. лѣтъ не было разсужденій о явленіяхъ ангеловъ подъ 1110 годомъ. Въ Лаврентьевскую они попали не изъ Ростовской лѣтописи, а изъ общерусскаго лѣтописнаго свода начала XIV в., куда они занесены изъ владимирской лѣтописи

позднѣйшей редакціи, при чемъ они восходятъ къ Переяславской (южнаго Переяславля) редакціи Повѣсти. Отсюда слѣдуетъ, что и другія мѣста Повѣсти вр. лѣтъ въ Лаврентьевской лѣтописи могутъ быть вставками въ Сильвестровскую редакцію изъ редакціи Переяславской черезъ посредство общерусскаго свода начала XIV в. И дѣйствительно, не трудно указать на подобныя вставки, изъ которыхъ одна бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на личность составителя второй (Переяславской) редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Подъ 1096 годомъ въ Лаврентьевской, а судя по Радзивиловской (л. 143 об.), и въ утраченной Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи, читаемъ извѣстный разсказъ Гюряты Роговича: «Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣть, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице...»; онъ оканчивается словами «но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали», словами, явно обличающими, что мы имѣемъ дѣло со вставкой. Но кому принадлежитъ эта вставка? Сильвестру или второму редактору Повѣсти? Давно уже отмѣчена связь между этимъ мѣстомъ и разсказомъ лѣтописца подъ 1114 годомъ (Ипатьевская), какъ онъ посѣтилъ Ладогу въ тотъ годъ, когда она была заложена каменіемъ на приспѣ, Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ, т.-е. въ 1114 году. Самые пріемы обоихъ разсказовъ тожественны, какъ сходны и темы ихъ — повѣствованіе о дальнихъ странахъ полунощныхъ, населенныхъ Югрой и Самоядью. Я считаю совершенно необходимымъ отожествить авторовъ сообщенія о разсказѣ Гюряты Новгородца и сообщенія о разсказѣ Павла посадника Ладожскаго и всѣхъ Ладожанъ. Авторъ — южанинъ слышалъ оба эти разсказа во время своего пребыванія на новгородскомъ сѣверѣ: это было около

1114 года, за четыре года до того, какъ онъ внесъ запись о первомъ разсказѣ въ Повѣсть вр. лѣтъ («яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ»). Слѣдовательно, авторъ разсказа о Гюрятѣ Новгородцѣ не могъ быть Сильвестромъ, работавшимъ въ 1116 году, но онъ тожественъ со вторымъ редакторомъ Повѣсти, дополнившимъ ее, какъ мы видѣли, до 1118 года. Его пребываніе въ Новгородѣ и Ладогѣ, его знакомство съ тамошними легендами сказались и въ другомъ еще мѣстѣ свода: онъ замѣнилъ Сильвестровъ разсказъ о прибытіи Рюрика въ Новгородъ,—разсказъ, восходящій, по свидѣтельству Новгородской 1-й лѣтописи, къ Начальному Кіевскому лѣтописному своду, сообщеніемъ о прибытіи Рюрика въ Ладогу и о послѣдующемъ построеніи Новгорода (ср. выше).

И такъ, мы извлекли изъ вставки подъ 1096 годомъ еще одно указаніе на время составленія второй редакціи Повѣсти вр. лѣтъ: это 1118 годъ. Замѣчательно, что въ этомъ именно году, а по счету Ипатьевской въ 1117, скончался Переяславскій епископъ Лазарь сентября 6-го или 16-го; на его мѣсто, 1 января, переведенъ Сильвестръ, игуменъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ. Слѣдовательно, въ 1118 году въ Переяславль прибылъ составитель первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ; съ нимъ вмѣстѣ могъ прибыть туда и его трудъ, подвергшійся новой редакціи со стороны кого-нибудь изъ мѣстныхъ духовныхъ лицъ. Съ тѣхъ поръ лѣтопись велась въ Переяславлѣ безпрерывно (ср., напр., подъ 1126 въ Ипат., 1125 въ Лавр. несомнѣнно переяславское извѣстіе о побѣдѣ Ярополка надъ половцами, подъ 1141 о смерти Андрея Владимировича и т. д.). Она повліяла на кіевскіе и владимирскіе лѣтописные своды.

Впрочемъ, мы сильно отвлеклись отъ начатаго нами изслѣдованія о древнѣйшихъ суздальскихъ лѣтописяхъ. Мы отыски-

вали общее основаніе, на которомъ заложены были эти лѣтописи: мы нашли его—это Владимирскій лѣтописный сводъ 1185 года. Ростовская лѣтопись восходитъ къ нему непосредственно; другая—Переяславская предполагаетъ существованіе свода, составленнаго около 1192 года. Этотъ послѣдній сводъ легъ въ основаніе дальнѣйшаго лѣтописанія владимирскаго. Мы можемъ говорить на основаніи Переяславской лѣтописи о такой редакціи Владимирской, которая доходила до 1214 года, т.-е. до первыхъ лѣтъ княженія Георгія Всеволодича: въ начало ея былъ положенъ сводъ 1192 года. На основаніи общерусскаго лѣтописнаго свода начала XIV в., а также полихрона, мы можемъ говорить о владимирскомъ лѣтописаніи въ первой и второй половинѣ XIII ст.; новыя записи владимирскія примыкали къ старому основанію, каковымъ былъ сводъ, составленный около 1192 года. Такимъ путемъ чтенія этого свода проникли и въ общерусскую компиляцію начала XIV в., а изъ нея въ полихронъ 1423 года.

Глава VI.

Итоги предыдущаго изслѣдованія.

Мы можемъ теперь дать общій очеркъ развитія лѣтописанія въ Суздальской Руси, начавшагося въ стольномъ городѣ Владимирѣ, перешедшаго затѣмъ въ удѣльные города и собравшагося въ началѣ XIV в. въ одно цѣлое по инціативѣ митрополита, предвѣстника великорусскаго государственнаго единства. Этотъ очеркъ мы доведемъ до времени составленія Радзивиловской лѣтописи.

Лѣтопись Владимира Суздальскаго началась во времена

Андрея Боголюбскаго. Пребываніе этого вліятельнаго во всей Руси князя во Владимірѣ, постройка имъ обширныхъ и богатыхъ храмовъ, привлекшихъ во Владиміръ многочисленное духовенство, напряженная борьба, измѣнившая старый укладъ Ростовской земли — все это не могло не содѣйствовать развитію политическаго самосознанія въ жителяхъ города Владиміра, въ новыхъ «мѣзиныхъ» людяхъ володимирскихъ. Естественнымъ послѣдствіемъ было возникновеніе лѣтописанія, ведшагося сначала, повидимому, при церкви св. Богородицы Золотоверхой, заложенной въ 1158 году.

1. Первая попытка составить во Владимірѣ лѣтописный сводъ восходитъ къ 1185 или 1186 году. Въ основаніе свода положена Кіевская лѣтопись, въ редакціи, доходившей, какъ кажется, до 1175 года. Это можно заключить изъ того, что послѣднимъ южнорусскимъ извѣстіемъ въ Лаврентьевской и Переяславской (Радзивиловской) лѣтописяхъ оказывается сообщеніе о разграбленіи Кіева Ярославомъ Изяславичемъ и о распрѣ Святослава Всеволодича черниговскаго съ Ольгомъ Святославичемъ (ср. Радзив., л. 213—213 об.). За этими извѣстіями лѣтопись, вплоть до новыхъ заимствованій изъ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи (ср. выше), занята исключительно мѣстными суздальскими событіями [1]). Кіевская лѣтопись представляла изъ себя, какъ можно думать, обширную

[1]) Подъ 1180 читаемъ о кончинѣ Мстислава Ростиславича, внука Мстиславля, въ Новгородѣ: это событіе могло быть извѣстно суздальцу по его послѣдствіямъ, такъ какъ вскорѣ затѣмъ началась у Всеволода распря съ черниговскимъ Святославомъ изъ-за Новгорода, преданнаго врагамъ его — Ростиславичамъ, внукамъ Юріевымъ. Замѣчу, что извѣстіе 1168 о взятіи Кіева по нѣкоторымъ признакамъ кіевскаго происхожденія; суздалецъ врядъ ли назвалъ бы Всеволода Юрьевича — Димитріемъ Юріевичемъ (Димитрій — крестное имя Всеволода).

компиляцію, пользовавшуюся нѣсколькими другими южными лѣтописями—Переяславскою, Черниговскою, быть можетъ, и Волынскою; въ началѣ помѣщена была Повѣсть вр. лѣтъ въ Сильвестровской редакціи. Суздальскіе матеріалы, бывшіе въ распоряженіи сводчика, восходили ко временамъ Юрія Владиміровича, къ первой половинѣ XII ст., и состояли: а) изъ записей, ведшихся въ Суздалѣ, б) изъ записей владимірскихъ. Такъ, суздальскую запись видимъ подъ 1152 годомъ (Радзив., л. 194 об.—195 об.): «том же лѣ҃. поиде гоурги со сн҃ъми своими. с ростовци. со соу҆ꙃдальци, и с резаньскими кн҃зи в роу҃с.... а васи҃лко иде ко оц҃ю к сꙋждалю». Другую запись находимъ подъ 1154 (Радзив., л. 197—197 об.): «том же лѣте поиде гоурги с ростовци. и с соу҆ꙃдьлци. и со всѣми детми в роу҃с... аса҃м воротисѧ ѿпѧ҃т к соуждалю», и т. д. Владимірскія записи начинались съ 1158 г. (ср. Радзив., л. 202). Сводчикъ 1185 года довольно объективно отнесся къ своему матеріалу: такъ, подъ 1175 г. онъ сохранилъ замѣчаніе лѣтописца о томъ, что Владимірцы посадили у себя на столъ «съ радостью» Ярополка Ростиславича и что они бились раньше противъ Ростиславичей только потому, что не хотѣли покориться ростовцамъ. Это мѣсто записано до 1176 года, т.-е. до водворенія во Владимірѣ Михаила Юрьевича, до изгнанія Ростиславичей, ограбившихъ церковь св. Богородицы владимірской. Уже въ 1176 году лѣтописецъ не счелъ бы нужнымъ оправдывать своихъ согражданъ за то, что они не хотѣлии ускать къ себѣ Ярополка и крѣпко стояли за Юрьевича. Но подъ 1177 годомъ сводчикъ 1185 года не рѣшился повторить разсказа современника объ ослѣпленіи Всеволодомъ (или съ его разрѣшенія) Ростиславичей, попавшихъ вмѣстѣ съ рязанскими князьями во владимірскій порубъ; въ скоромъ времени на Руси

сложилась легенда о чудесномъ исцѣленіи Ростиславичей въ церкви свв. Бориса и Глѣба на Смядынѣ (эта легенда занесена въ Новгородскую лѣтопись); это обстоятельство да и самая чудовищность злодѣянія смутили сводчика 1185 года, работавшаго уже тогда, когда событія, приведшія распрю Всеволода съ племянниками къ тяжелой развязкѣ, потеряли свою остроту. Не находя оправданія этому злодѣянію, опасаясь, быть можетъ, и гнѣва великаго князя, сводчикъ, списывая разсказъ 1177 года, остановился на словахъ «князю же Всеволоду печалну бывшю, не могшю удержати людий, множьства ихъ ради клича», и не кончивъ начатой фразы, перешелъ къ описанію событій слѣдующаго 1178 года. Владимирскій сводъ 1185 года можно возстановить, во-первыхъ, по Лаврентьевской лѣтописи, въ основаніе которой легла Ростовская, включившая въ свой составъ означенный сводъ; во-вторыхъ, по своду 1192 года (см. ниже), отразившемуся въ другихъ суздальскихъ лѣтописяхъ.

2. Вторая редакція Владимирскаго свода составлена около 1192 года. Составитель ея задался цѣлью дополнить сводъ 1185 года и исправить его. Внесенныя имъ исправленія и дополненія распадаются на такія, которыя онъ могъ сдѣлать, въ качествѣ жителя Владимира и современника, не прибѣгая къ другимъ источникамъ, и на такія, которыя онъ извлекъ изъ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи, ставшей ему доступной въ современной редакціи, доведенной до конца восьмидесятыхъ годовъ XII ст. Къ первымъ относятся: дополненіе свода 1185 года разсказомъ о событіяхъ 1185—1192 годовъ, при чемъ, въ противоположность сводчику 1185 года, новый редакторъ называетъ Всеволода Юрьевича великимъ княземъ; исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ свода 1185 года, касавшихся со-

бытій, въ которыхъ былъ замѣшанъ Всеволодъ Юрьевичъ. Такъ, подъ 1176 годомъ онъ вставляетъ систематически имя Всеволода тамъ, гдѣ сводчикъ 1185 года, слѣдуя современной записи, говорилъ только о Михаилѣ Юрьевичѣ (примѣры см. выше). Подъ 1177 годомъ онъ еще старательнѣе, чѣмъ сводчикъ 1185 года, стираетъ память объ ослѣпленіи Ростиславичей, для чего выпускаетъ слова «хочемъ слѣпити я» и замѣняетъ все послѣдующее фразой: «и пустиша ею из земли». Къ дополненіямъ и исправленіямъ, заимствованнымъ изъ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи, относятся, напр., вставка подъ 1171 годомъ разсказа о побѣдѣ Михаила Юрьевича надъ половцами въ бытность его на югѣ, въ Кіевѣ: но, слѣдуя указанному пріему, сводчикъ 1192 года раздѣлилъ честь этой побѣды между Михаиломъ и братомъ его Всеволодомъ, имя котораго онъ вставилъ въ разсказъ Переяславскаго (южнаго Переяславля) лѣтописца. Подъ тѣмъ же годомъ къ словамъ «иде князь Всеволодъ на Глѣба к Рязаню, с Ростовци и с Суждальци» (редакціи 1185, ср. Лавр.), второй редакторъ прибавилъ «и съ володимирьци» (Переясл. и Радз., л. 224). Быть можетъ, къ такимъ же вставкамъ относится въ сводѣ 1192 г. еще кое-что изъ сообщеній о южно-русскихъ событіяхъ первой половины XII ст. (напр., разсказъ о побѣдѣ Ярополка подъ 1126 г., о смерти Андрея подъ 1141, если только эти событія попали въ Лаврентьевскую изъ общерусскаго свода начала XIV в., а не изъ Ростовской лѣтописи), но во всякомъ случаѣ къ Переяславской лѣтописи восходятъ разсказы о южно-русскихъ событіяхъ 1185 и 1186 годовъ, быть можетъ, также сообщеніе 1188 года о смерти переяславскаго князя и героя Владимира Глѣбовича. На основаніи Переяславской же (южнаго Переяславля) лѣтописи подверглась переработкѣ По-

вѣсть вр. лѣтъ свода 1185 года: въ Повѣсть внесены многія исправленныя чтенія, въ нее сдѣланы также и вставки, напр., не только событій 1111—1117 годовъ, но и разсказа о бесѣдѣ съ Гюрятой Роговичемъ подъ 1096 годомъ.—Владимирскій сводъ 1192 года можно возстановить, во-первыхъ, по Переяславской (Радзивиловской) лѣтописи, въ основаніе которой положенъ сводъ 1192 года; во-вторыхъ, по общерусскому своду начала XIV в., куда попала Владимирская лѣтопись XIII в., положившая сводъ 1192 года въ свое основаніе.

3. Третій Владимирскій сводъ, о которомъ мы можемъ говорить, доходилъ, предположительно, до 1216 года, т.-е. до года Липицкой битвы, Юрьевской рати (21 апр. 1216). Я заключаю это изъ того, что подъ 1192 годомъ въ этой третьей редакціи Владимирскаго свода читалась слѣдующая вставка: «бысть на небеси знаменіе страшно, учинися небо аки кроваво, до Юрьевскія рати за 24 лѣта» (ср. полихронъ, гдѣ, впрочемъ, вмѣсто 24 ошибкой стояло 14, см. Льв. и Тверск.). Съ другой стороны, именно эта редакція Владимирскаго свода легла въ основаніе Переяславской (Суздальскаго Переяславля) лѣтописи; Переяславская же лѣтопись, какъ увидимъ, содержала извлеченія изъ Владимирскаго свода, доходившія до 1214 года. Быть можетъ, только до этого года и доходили лѣтописныя извѣстія третьей редакціи Владимирскаго свода. Новый редакторъ довольно рабски передалъ свой оригиналъ, т.-е. сводъ 1192 года и сопровождавшія его извѣстія 1193—1214 годовъ, хотя, быть можетъ, и дополнилъ его кое-какими вставками. Таковыми слѣдуетъ признать подробности о кончинѣ Андрея Боголюбскаго, дополнительныя свѣдѣнія о событіяхъ семейной жизни великаго князя Всеволода и нѣк. др. Ему же принадлежатъ, повидимому, такія вставки, какъ отмѣчен-

ныя выше при обозрѣніи Ипатьевской лѣтописи (гл. III, отд. 3): «и бысть радость велика въ градѣ Володимери» (1197 г.), «и плакася по немъ братъ Андрѣй» (1166 г.), «и плакася по немъ князь Андрѣй отець и братъ его Мьстиславъ» (1164 г.) и т. п. Онъ же, наконецъ, подражая пріемамъ сводчика 1192 года, вставилъ кое-гдѣ имя Всеволода Юрьевича: такъ, во вставкѣ изъ Переяславской (южнаго Переяславля) лѣтописи о побѣдѣ Михалка надъ половцами, новый редакторъ еще два раза повторилъ рядомъ имена Михалка и Всеволода, вставивъ послѣ слова «посла» — «по брата своя по Михалька и по Всеволода»: «Михалко же и Всеволодъ въскорѣ пріѣхаста къ нему», а ниже — замѣнивъ слова «Михалко же послушливъ сы» словами «Михалько же и Всеволодя послушлива сы» (ср. Ипат., изд., стр. 383); то же видимъ ниже подъ 1175 годомъ, гдѣ, въ фразѣ «и сущю ту Михалку Гюргевичю с нима у Святослава князя Черниговѣ, и рекоста Мстиславъ и Ярополкъ», вставлено имя Всеволода (Ипат., 404: «сущу ту Михалку и Всеволоду Юрьевичема»). Третья редакція Владимирскаго свода лежитъ въ основаніи дальнѣйшаго владимирскаго лѣтописанія и отразилась такимъ образомъ въ общерусскомъ лѣтописномъ сводѣ начала XIV в.

4. Вскорѣ послѣ составленія третьей редакціи Владимирскаго свода, повидимому, въ томъ же 1216 году (ср. окончаніе Переясл. лѣтописи словами «се же бы҃ лѣто високостное», каковымъ былъ 6724, т.-е. 1216 годъ), составлена лѣтопись Переяславля Суздальскаго. Въ основаніе ея положена вторая редакція Владимирскаго свода, редакція 1192 года, но она дополнена въ части 1193—1214 гг. болѣе или менѣе обстоятельными извлеченіями изъ третьей редакціи этого свода. Вотъ почему и въ этой части Переяславская лѣтопись оказывается

мѣстами, въ особенности же до начала переяславскихъ записей (1213 г.), тожественною съ общерусскимъ лѣтописнымъ сводомъ, который можетъ быть возстановленъ и по Лаврентьевской, и по полихрону. Ср. почти полное тожество Переясл. съ Лавр. подъ 1197—1202 годами, или тожество Переясл. съ полихрономъ (Тверск., Льв.) подъ 1206 г.; въ концѣ 1206 г. въ Переясл. два краткихъ извѣстія вмѣсто двухъ длинныхъ Лаврентьевской; напротивъ, длинное извѣстіе о походѣ рязанскихъ князей вмѣсто краткаго извѣстія Лаврентьевской; подъ 1210 читаемъ то же, что въ Лавр. подъ 1208, о побѣдѣ Юрія Всеволодича надъ рязанскими князьями; подъ 1211 то же, что въ Лавр. подъ 1210, а именно о рожденіи Всеволода Константиновича; подъ 1212 то же, что въ Лавр. подъ 1211, о женитьбѣ Георгія Всеволодича; ниже то же, что въ Лавр. подъ 1209, о походѣ сыновей Всеволода противъ новгородцевъ, схватившихъ своего князя Святослава Всеволодича; подъ 1213 то же, что въ Лавр. подъ 1212, объ освобожденіи Юріемъ изъ заточенія князей Рязанскихъ; подъ 1214 и въ Переясл., и въ Лавр. о поставленіи епископовъ Симона владимирскаго и Пахомія ростовскаго; ниже въ Переясл. то же, что въ Лавр. подъ 1213, о закладкѣ въ Ростовѣ соборной церкви св. Богородицы.—Какъ замѣчено, съ 1213 года начинаются переяславскія записи: ср. сообщеніе о вокняженіи Ярослава Всеволодича въ Переяславлѣ, «идѣже родисѧ», а также нѣкоторыя подробности о распрѣ Всеволодичей; подъ 1214 о женитьбѣ Ярослава на Ростиславѣ, дочери Мстислава Мстиславича, о военныхъ подвигахъ котораго сообщено непосредственно передъ этимъ; быть можетъ, составителю Переяславской лѣтописи принадлежатъ и кое-какія подробности о рязанскихъ событіяхъ подъ 1208—1209 гг., такъ какъ въ

нихъ принималъ близкое участіе Ярославъ Всеволодичъ, сидѣвшій одно время въ Рязани.—Въ часть до 1192 года составитель Переяславской лѣтописи внесъ нѣсколько дополненій и редакціонныхъ измѣненій. Такъ, подъ 1157 годомъ, послѣ извѣстія о вокняженіи Андрея въ Суздалѣ и Ростовѣ, онъ прибавилъ: «тѣмъ же и по смерти отца своего велику память сътвори, церкви украси, монастыри постави и церковь скончя, юже бѣ заложилъ прежде отець его, святаго Спаса каменую въ Переяславли в новѣмъ». Подъ 1175 годомъ, въ концѣ молитвеннаго обращенія къ Андрею Боголюбскому, гдѣ сводчикъ 1185 года (а за нимъ и 1192 г.) просилъ его о молитвахъ за князя Всеволода Юрьевича (см. выше), составитель Переяславской лѣтописи вспомнилъ о Ярославѣ Всеволодичѣ: «молися помиловати кн҃зѧ нашего и г҃на Ꙗрослава своего же присного и бл҃городнаго с҃нвца и даи же емоу на противныѧ, и многа лѣта съ кнѧгинею, и прижитїе дѣтїи бл҃городнъıхъ и мирноу дръжаву его и ц҃рьство нб҃ное въ бесконечныѧ вѣкы, аминь». Изъ этихъ словъ кн. Оболенскій, издатель Лѣтописца Переяславля Суздальскаго, сдѣлалъ совершенно правильное заключеніе о томъ, что Переяславская лѣтопись составлена до 1219 года, т.-е. до рожденія у Ярослава перваго сына Ѳедора, и послѣ 1214, т.-е. послѣ его брака съ Ростиславой Мстиславною. Подъ 1175—1177, гдѣ излагались событія, приведшія на владимирское княженіе Всеволода Юрьевича, находимъ нѣсколько вставокъ, обнаруживающихъ явную мѣстную тенденцію Переяславскаго лѣтописца. Такъ, онъ нашелъ нужнымъ коментировать слова «Ꙗрополкъ же поеха ѡтаи брата Михалка къ дроужинѣ къ Перeѧславлю» слѣдующею вставкою: «а Перeѧславцемъ не хотащимъ его, но хотѣша Михалка съ братомъ его Всеволодомъ». Ниже онъ захотѣлъ объяснить

извѣстіе о походѣ Ярополка съ Переяславскою дружиной противъ Михалка, затворившагося во Владимирѣ: «Переꙗславци же—замѣчаетъ лѣтописецъ—не ѿ срца идꙗхуть, но приноуженіемъ Ростовскъımъ». Приведенное выше мѣсто, гдѣ современникъ, записавшій первые эпизоды борьбы Юрьевичей съ Ростиславичами, оправдываетъ владимирцевъ въ томъ, что они пошли противъ Ростиславичей, ихъ нежеланіемъ покориться ростовцамъ, не осталось незамѣченнымъ и Переяславскимъ лѣтописцемъ. Онъ пожелалъ распространить это оправданіе и на переяславцевъ, не замѣтивъ, что становится при этомъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ выше онъ прямо говорилъ о нерасположеніи переяславцевъ къ Ростиславичамъ. «А съ Переꙗславци имꙗхоуть Володимирци едино срце». Подъ 1176 годомъ онъ три раза приписываетъ имя переяславцевъ ко владимирцамъ: «Володимирци же съ Переꙗславци оукрѣпившесꙗ» (Лавр. и Радзив. л. 219: «Володимерци же укрѣпившеся) и ниже «новпе же людіе и мѣзиніи Володимирци и Переꙗславци вразоумѣвшесꙗ» (Лавр. и Радзив., л. 220 об.: «новии же людье мѣзинии Володимерьстии»); въ третьемъ мѣстѣ имя переяславцевъ замѣнило слова «прославлени Богомъ»: «Се бо Володимерци съ Переꙗславци всеи земли ихъ за правду Бгови имъ помогающю» (Лавр. и Радзив., л. 223: «се бо Володимирци прославлени Богомь по всей земли за ихъ правду, Богови имъ помагающю»). Подъ 1177 переяславцы вставлены еще два раза: «а мене съ братомъ—говоритъ Всеволодъ Юрьевичъ—Бгъ былъ привелъ, и Володимирци и Переꙗславци» (Лавр.: «а мене былъ с братомъ Богъ привелъ и Володимерци», въ Радзив., л. 222 об., какъ въ Переясл.); ниже «а Володимирци, и Переꙗславци и дроужина поведоша колодникы» (Лавр. и Радзив., л. 223 «а Володимерци и дру-

жина поведоша колодники»).—Переяславская лѣтопись составляла, вѣроятно, собственность князя Ярослава Всеволодича: этимъ объясняется ея широкое распространеніе, а также то значеніе, которое придалъ ей составитель общерусскаго свода начала XIV вѣка, работавшій во Владимирѣ при внукахъ Ярослава. Одинъ экземпляръ лѣтописи попалъ съ княземъ, вѣроятно, въ Новгородъ (Ярославъ садится тамъ въ 1226 году), а оттуда въ Литву и южную Русь: ср. Архивскій сборникъ, гдѣ довольно полно передается вторая половина лѣтописи съ 1138 по 1214 годъ. Другой экземпляръ остался въ Суздальской области. Здѣсь онъ подвергся въ скоромъ времени утратѣ окончанія (листовъ, обнимавшихъ событія 1206—1214 гг.), а при переплетѣ—перестановкѣ двухъ листовъ, содержавшихъ событія 1203—1205 гг. и попавшихъ въ самый конецъ рукописи. Въ такомъ видѣ Переяславская лѣтопись стала извѣстна составителю общерусскаго свода начала XIV в.; въ такомъ же видѣ ее узналъ составитель Радзивиловской.

5. Около того же времени, когда составлялась третья редакція Владимирской лѣтописи, а подъ вліяніемъ ея и Переяславская, явилась и въ Ростовѣ попытка составить лѣтопись, благопріятную мѣстному князю Константину, обособившему свой удѣлъ и съ 1214 года добившемуся раздѣленія Ростовско-Суздальской епархіи на двѣ епископіи— Ростовскую и Владимирско-Суздальскую. Въ 1216 году епископомъ Ростовскимъ сталъ Кириллъ, чернецъ монастыря суздальскаго св. Димитрія, и составленіе лѣтописи было, повидимому, возложено на него. Въ основаніе положенъ Владимирскій сводъ 1185 года; причина этого могла заключаться въ охлажденіи отношеній между Ростовомъ и Владимиромъ, не дозволявшемъ обратиться туда за болѣе современною редакціей Владимирской лѣтописи. Часть

отъ 1186 до 1206 оставалась незаполненною, а съ 1206 года Ростовская лѣтопись содержала событія или исключительно мѣстнаго ростовскаго характера, или связанныя съ дѣятельностью князя Константина. Лѣтопись была продолжена и по смерти Константина и доведена до 1227—1228 гг., т.-е. до болѣзни епископа Кирилла, принудившей его сложить съ себя санъ. Затѣмъ она подверглась новымъ продолженіямъ, доходившимъ до второй половины XIII ст. Въ такомъ видѣ Ростовская лѣтопись стала извѣстна въ 1377 году монаху Лаврентію; въ составленной имъ лѣтописи Ростовская отразилась довольно полно, хотя и подверглась вставкамъ и дополненіямъ.

6. Въ началѣ XIV столѣтія митрополитъ Петръ задумалъ составить общерусскій лѣтописный сводъ, куда были бы внесены событія всея русскія митрополія; при этомъ рѣшено довести этотъ сводъ до 1305 года, года кончины Петрова предшественника Максима, перваго митрополита, титуловавшаго себя митрополитомъ «всея Руси». Въ числѣ главныхъ источниковъ общерусской компиляціи были лѣтописи суздальскія, а именно прежде всего Владимирская, а потомъ Переяславская, какъ тѣсно связанная съ именемъ родоначальника господствовавшей отрасли русскаго княжескаго дома—Ярослава Всеволодича. Можно даже думать, что эта Переяславская лѣтопись была мѣстами положена въ основаніе общерусскаго свода, хотя ее и свѣрили довольно тщательно съ Владимирскою. Обнаружившаяся при этомъ мѣстная переяславская тенденція послужила основаніемъ для нѣсколькихъ редакціонныхъ поправокъ. Такъ, подъ 1157 годомъ оставлено извѣстіе объ окончаніи Андреемъ Боголюбскимъ каменнаго храма св. Спаса, заложеннаго в. кн. Юріемъ, но слова «въ Переяславли новѣмь» выпущены. Подъ

1175 годомъ имя Ярослава Всеволодича въ молитвенномъ обращеніи къ Андрею Боголюбскому замѣнено болѣе общимъ понятіемъ «братья» (ср. Ипат. «молися помиловати братью свою»). Подъ тѣмъ же годомъ и подъ слѣдующими двумя выпущены вставки имени Переяславцевъ, приведенныя выше, но двѣ изъ этихъ вставокъ, а именно подъ 1177 годомъ, остались и въ общерусскомъ сводѣ, а изъ него перешли и въ полихронъ (ср. Льв. и Тверск.). Прямая зависимость этого свода начала XIV в. отъ Переяславской лѣтописи сказалась, между прочимъ, подъ 1203—1205 годами: событія этихъ годовъ были перепутаны, подъ 1203 читались событія 1205-го (см. выше). Но, какъ указано, составитель общерусской компиляціи пользовался и Владимірскою лѣтописью: въ части до 1206 года, т.-е. до окончанія Переяславской, она была второстепеннымъ источникомъ, начиная же съ этого года она стала для нея главнымъ основаніемъ. Въ часть до 1206 года изъ нея внесенъ въ общерусскую компиляцію рядъ редакціонныхъ вставокъ и поправокъ, иногда довольно неудачныхъ; напр., подъ 1189 годомъ прибавлено, что Всеволодъ велѣлъ дать епископу Лукѣ имя Георгія родившемуся у него 26 ноября сыну (ср. Ипат.), между тѣмъ Лука скончался 10 ноября того же года. Впрочемъ, вѣроятнѣе думать, что эта вставка сдѣлана уже въ XIV в. самимъ составителемъ общерусской компиляціи. Несомнѣнно ему же принадлежитъ ошибочное упоминаніе въ трехъ мѣстахъ, будто пять главъ Владимірскаго собора сооружены Андреемъ Боголюбскимъ [1]): на самомъ дѣлѣ Андрей по-

[1]) Ср. подъ 1158 (Ипат., стр. 337): „свершн же церковь 5 верховъ, и все верхы золотомъ украси, и створи в нѣй епископью“ (этихъ словъ нѣтъ ни въ Лавр., ни въ Переясл.); подъ 1175 (Ипат. 395) въ похвалѣ Андрею Боголюбскому: „и доспѣ церковь камену сборъную святыя Бого-

строилъ храмъ съ однимъ лишь верхомъ, а остальные четыре приставлены Всеволодомъ въ 1194 году. Замѣчательно, что составитель полихрона счелъ нужнымъ въ двухъ мѣстахъ подчеркнуть это обстоятельство, очевидно, желая исправить ошибку предшествовавшаго ему общерусскаго свода: ср. подъ 1158 «заложи церковь... камену, объ единомъ връсѣ» и подъ 1212, въ извѣстіи о кончинѣ Всеволода Юрьевича: «въ церкви пречистыя Богородица въ Володимери, юже созда братъ его Андрѣй, преже объ единомъ връсѣ, потомъ же онъ пристави 4 връхы и такоже позлати ихъ» (Соф. 1-я, Новгор. 4-я, Воскр., Льв.). То обстоятельство, что общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV в. составленъ при Владимирской митрополіи, объясняетъ намъ, почему въ немъ расширена, сравнительно съ болѣе древними суздальскими лѣтописями, похвала Андрею, основателю соборнаго храма во Владимирѣ, при чемъ описанію храма и восхваленію его благолѣпія удѣленъ былъ значительный по объему отрывокъ (ср. Ипат. 395—396); кромѣ того, самое убіеніе Андрея разсказано подробнѣе, благодаря, повидимому, пользованію современною записью (попа Кузмища?) объ этомъ событіи. Какъ указано выше, общерусскій лѣтописный сводъ начала XIV в. легъ въ основаніе Ипатьевской лѣтописи съ одной стороны, полихрона 1423 года—съ другой; кромѣ того, изъ него сдѣланы заимствованія въ Новгородскую 1-ю лѣто-

---

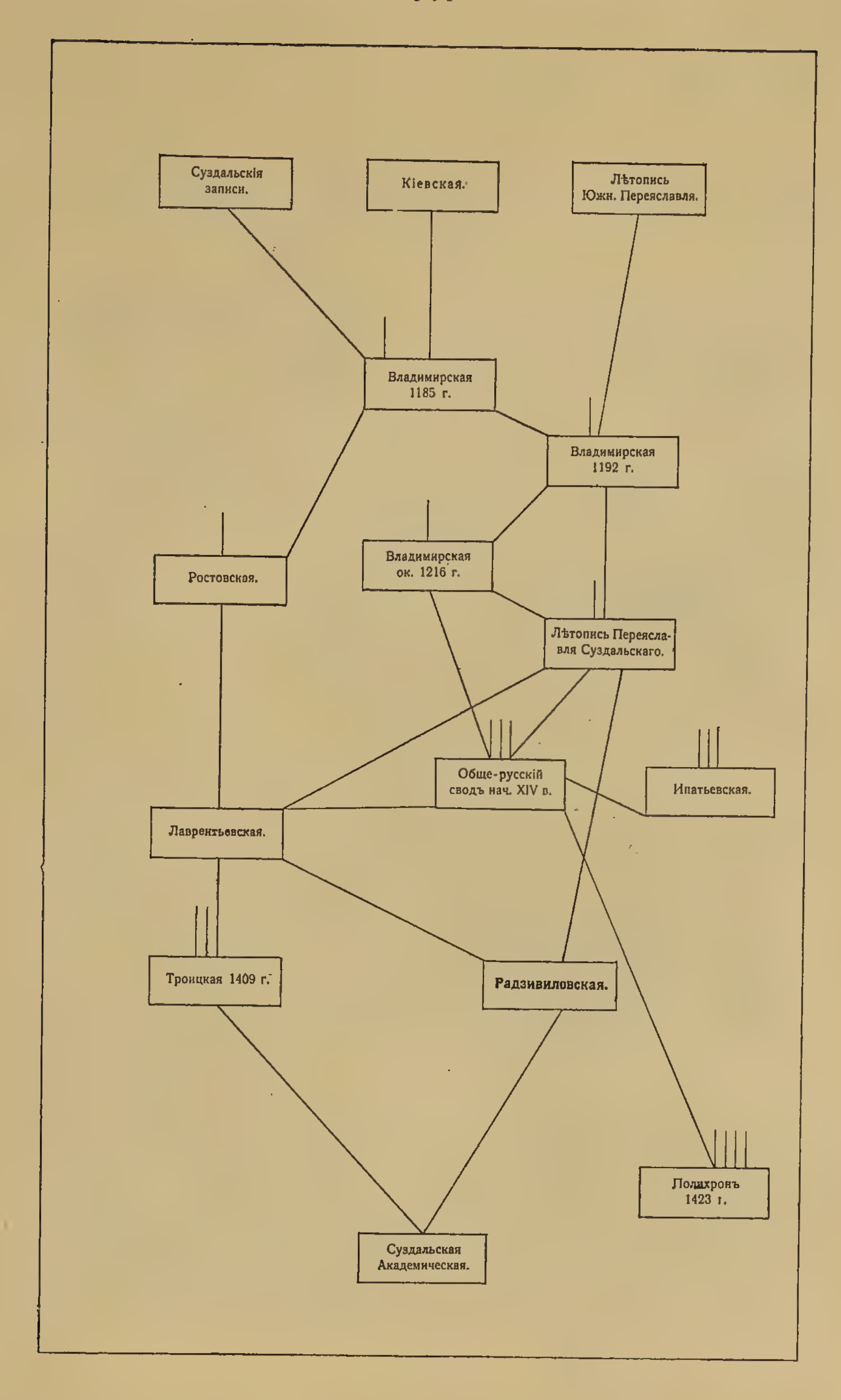
родица, пречудну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 вѣрховъ ея позолоти...“; подъ 1185 (Ипат. 1183 стр. 426) въ извѣстіи о пожарѣ: „и сборная церкви святая Богородица Златоверхая, и вся 5 верховъ златая сгорѣ“ (послѣднихъ шести словъ нѣтъ ни въ Лавр., ни въ Радзив.); ср. еще подъ 1160 (Ипат. 350): „и верхы ея позолоти“, вмѣсто чего въ Переясл., Лавр. и Радзив. (л. 204) „и верхъ ея позлати“.

пись. Онъ же былъ дополнительнымъ источникомъ лѣтописи Лаврентьевской.

7. Лаврентьевская лѣтопись составлена въ 1377 году для великаго князя Дмитрія Константиновича, по благословенію Діонисія, епископа Суждальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго. Въ основаніе ея положена Ростовская лѣтопись XIII в.; она дополнена, а частью исправлена по двумъ другимъ памятникамъ: по общерусской компиляціи начала XIV в. и по Переяславской лѣтописи. Къ Ростовской лѣтописи восходитъ, во-первыхъ, вся основная часть до 1185 года, во-вторыхъ, извѣстія, касающіяся князя Константина и мѣстныхъ ростовскихъ событій, начиная съ 1206 года. Къ общерусской компиляціи восходятъ вставки и редакціонныя поправки въ части до 1185 года (напр., подъ 1096 разсказъ о Гюрятѣ Роговичѣ и поученіе Мономаха, читавшееся въ приложеніи къ общерусскому своду; подъ 1110 годомъ разсужденіе о явленіяхъ ангеловъ; подъ 1157 извѣстіе о церкви св. Спаса, оконченной Андреемъ Боголюбскимъ); въ части за 1185 къ общерусской компиляціи восходитъ рядъ вставокъ, какъ до 1206 года (напр., подъ 1193, 1194, 1195 гг.), такъ и послѣ него, при чемъ въ части послѣ 1206 года общерусская компиляція была единственнымъ дополнительнымъ источникомъ Лаврентьевской; Лаврентьевская прекратилась на 1305 году потому именно, что этимъ же годомъ оканчивался, какъ мы видѣли, общерусскій митрополичій сводъ. Къ Переяславской лѣтописи восходятъ, быть можетъ, упомянутыя вставки подъ 1096 (разсказъ о Гюрятѣ Роговичѣ) и 1110 (разсужденіе объ ангелахъ); къ ней восходятъ несомнѣнно вставка подъ 1171 годомъ (походъ Михаила и Всеволода Юрьевичей противъ половцевъ), а также почти весь текстъ отъ 1185 по 1205 годъ, при чемъ

пропускъ событій 1203—1205 годовъ зависѣлъ отъ путаницы листовъ въ Переяславской, обосложненной путаницей въ текстѣ второго дополнительнаго источника—общерусскаго свода начала XIV в. Хорошимъ примѣромъ того, какъ пользовался Лаврентій своими источниками, можетъ служить описаніе призванія варяжскихъ князей подъ 6370 (862) годомъ. Слѣдуя своему основному источнику—Ростовской лѣтописи, Лаврентій писалъ: «и придоша, старѣйшии Рюрикъ», но далѣе въ подлинникѣ стояло «сѣде Новѣгородѣ», между тѣмъ общерусскій сводъ и Переяславская лѣтопись говорили, что Рюрикъ сѣлъ въ Ладогѣ; Лаврентій разрѣшилъ свои колебанія тѣмъ, что опустилъ слова «сѣде Новѣгородѣ». Что подъ 1185—1205 Лаврентій слѣдовалъ Переяславской лѣтописи, а не общерусскому своду, видно, напр., изъ редакціи извѣстій о рожденіи Георгія Всеволодича (ср. выше), или о кончинѣ Бориса Всеволодича (въ общерусской компиляціи было прибавлено: «и положенъ бысть в церкви святоѣ Богородицѣ сборноѣ, подлѣ Изяслава Глѣбовича», ср. Ипат. 439), или о рожденіи Дмитрія Всеволодича (тамъ было сказано, что княжее имя Дмитрія было Владиміръ, Ипат. 454), и т. д.

Лаврентьевская и Переяславская лѣтописи послужили источниками при составленіи Радзивиловской. Ея генезисъ и отношенія къ другимъ лѣтописямъ, старшимъ и младшимъ, могутъ быть представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Суздальскія записи.
Кіевская.
Лѣтопись Южн. Переяславля.
Владимирская 1185 г.
Владимирская 1192 г.
Ростовская.
Владимирская ок. 1216 г.
Лѣтопись Переяславля Суздальскаго.
Обще-русскій сводъ нач. XIV в.
Ипатьевская.
Лаврентьевская.
Троицкая 1409 г.
Радзивиловская.
Полихронъ 1423 г.
Суздальская Академическая.

Глава VII.

Происхожденіе, составъ и научное значеніе Радзиловской лѣтописи.

Какъ указано выше, въ III-й главѣ настоящаго изслѣдованія о Радзивиловской лѣтописи, все ея содержаніе, весь ея текстъ, легко можетъ быть возведенъ къ двумъ памятникамъ—Переяславской и Лаврентьевской лѣтописямъ. Въ виду этого я признаю доказаннымъ происхожденіе ея изъ этихъ двухъ лѣтописей. Переяславская была однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ суздальскаго лѣтописанія, какъ указано въ предыдущей главѣ, памятникомъ, тѣсно связаннымъ съ именемъ родоначальника суздальскихъ, тверскихъ, московскихъ князей и по этой причинѣ обратившимъ на себя особое вниманіе митрополита Петра, который и положилъ ее въ основаніе общерусскаго митрополичьяго свода. Лаврентьевская представляла особенный интересъ потому, что она соединяла въ себѣ все древнѣйшее лѣтописаніе суздальской земли, воспользовавшись данными Ростовской, Переяславской и общерусскаго свода. Вотъ почему составитель Радзивиловской, принявшись въ XV в. за работу, остановился на указанныхъ двухъ памятникахъ, какъ на надежныхъ источникахъ. Въ основаніе своего труда составитель новой лѣтописи положилъ текстъ Переяславской. Причиной этого могло быть то обстоятельство, что задачей составителя было воспроизвести иллюстрированный текстъ; Переяславская же лѣтопись въ томъ ея экземплярѣ, который въ началѣ XIV ст. сталъ извѣстенъ митрополиту Петру, въ 1377 г. монаху Лаврентію, а въ XV ст. составителю Радзивиловской,

была иллюстрирована [1]). Дѣйствительно, редакторъ XV столѣтія, располагавшій въ качествѣ дополнительнаго источника Лаврентьевскою, не остановился бы въ своей работѣ на 1206 годѣ, которымъ оканчивалась Переяславская (ср. выше стр. 95); если бы оба его источника представлялись ему равноцѣнными — онъ продолжилъ бы свой трудъ до 1305 года; если бы оба его источника были равноцѣнны, онъ врядъ ли положилъ бы въ основаніе своего труда текстъ Переяславской лѣтописи, и, конечно, предпочелъ бы ему текстъ Лаврентьевской, какъ болѣе полный. Очевидно, оба источника имѣли въ глазахъ его разную цѣну, а это наводитъ на мысль, что одинъ изъ нихъ, а именно Переяславская, былъ иллюстрированъ. Такое предположеніе находитъ сильное подтвержденіе въ приведенныхъ во II-й главѣ нашего изслѣдованія доказательствахъ того, что Радзивиловскій списокъ скопированъ съ иллюстрированнаго оригинала. Итакъ, мы предполагаемъ, что рисунки Радзивиловской лѣтописи, такъ же какъ и текстъ ея, воспроизводятъ иллюстрированный памятникъ XIII в., и при томъ всего вѣроятнѣе памятникъ первой четверти этого вѣка, такъ какъ иллюстрація была одновременна или почти одновременна съ самымъ его составленіемъ (1216 г.).

И такъ, составитель Радзивиловской задался цѣлью воспроизвести иллюстрированный текстъ Переяславской лѣтописи XIII в. Съ такимъ объясненіемъ происхожденія Радзивилов-

---

[1]) Что Лавр. пользовалась иллюстрированнымъ экземпляромъ Переясл. лѣтописи, заключаю, между прочимъ, изъ пропуска разсказа 1203—1205 г. Послѣ „то все положи собѣ в полонъ“ въ Радз. (238) картинка, а въ Лавр. въ этомъ-то мѣстѣ начинается пропускъ. Почти непосредственно передъ слѣдующимъ затѣмъ въ Лавр. извѣстіемъ о кончинѣ Елены Всеволодовны въ Радзив. (244) опять картинка.

ской согласуется какъ то, что другой источникъ—Лаврентьевская былъ употребленъ только въ видѣ второстепеннаго пособія для исправленія текста, такъ и то, что составитель Радзивиловской не только нигдѣ не расширилъ текста Переяславской вставкою изъ Лаврентьевской (что̀ онъ могъ бы сдѣлать, напр., подъ 1166 или подъ 1193—1195 гг.), но даже сократилъ значительно свой оригиналъ. Оставлю въ сторонѣ пропуски по разсѣянности писца (я говорилъ о нихъ во II-й главѣ); укажу на рядъ извѣстій, имѣющихся въ Переяславской и Лаврентьевской и опущенныхъ въ Радзивиловской. Сюда относятся подъ 1180 пропускъ извѣстія о кончинѣ Мстислава Ростиславича, внука Мстиславля, подъ 1183 извѣстія о кончинѣ княжны Ольги Юрьевны, подъ 1186 о рожденіи Константина Всеволодича, подъ 1196 о рожденіи Гавріила-Святослава Всеволодича, подъ 1198 о рожденіи Ивана Всеволодича, подъ 1201 о кончинѣ жены Ярослава Владимировича, подъ 1202 о кончинѣ вдовы Михаила Юрьевича. Сюда же относятся нѣкоторые пропуски въ Повѣсти вр. лѣтъ, напр., подъ 1102 опущены извѣстія о кончинѣ Ярослава Ярополчича и о женитьбѣ Сбыславы Святополковны, подъ 1104 о прибытіи митрополита Никифора, о кончинѣ Вячеслава Ярополчича, о занятіи Никифоромъ своей каѳедры; подъ 1106 о постриженіи Евпраксіи Всеволодовны и Святослава Давыдовича, а также о прибытіи къ Святополку Избыгнѣва; подъ 1107 о кончинѣ матери Владимира Мономаха и матери Святополка; подъ 1108 о кончинѣ Екатерины Всеволодовны; подъ 1138 о кончинѣ Евфиміи Владимировны; подъ 1146 о погребеніи Марицы, дочери Мономаха, и т. д. Кромѣ пропусковъ цѣлыхъ извѣстій, составитель Радзивиловской прибѣгалъ и къ другимъ сокращеніямъ. Такъ, напр., подъ 1185 опущены

слова: «в понедѣлникъ, на память святаго Евдокима Новаго» и ниже «нашимъ княземъ и воемъ ихъ надъ врагы» (Лавр. и Переясл.), такъ что вся фраза звучитъ въ Радзив.: пю ла. сдѣѧ гь спнє великоє нашими побежени быши иноплеменици (л. 232); подъ 1187 опущено, послѣ маиѧ в (л. 239 об.), «на пренесенье святою мученику Бориса и Глѣба» (Лавр. и Переясл.); подъ 1158, послѣ апри и (л. 202), опущено «в день святаго апостола Родиона, во вторникъ» (Лавр. и Переясл.); подъ 1151, послѣ въ црькви сто михаила (л. 189), опущено «близь стрыя своего Андрѣя и Святослава» (Лавр. и Переясл.); ниже (л. 190 об.), послѣ словъ до полковъ и, опущено: «єдінъ же Половчинъ ятъ конь под нимъ за поводъ, и възврати и, лая дружинѣ своей, зане бяхуть отстали его вси Половци» (Лавр. и Переясл.); еще ниже, послѣ словъ полки ѡца своего (л. 191), опущено: «зане бѣ старѣи тогда в братьи; видѣв же и Половци стояща назадѣ, и к тѣмъ гна, и много имъ молвивъ и укрѣпляя на брань, и оттуду ѣхавъ, полкъ свой укрѣпивъ и дружину свою» (Лавр. и Переясл.); подъ 1168, послѣ словъ оу города. г. дни (л. 206), опущено «и поможе Богъ, и святая Богородица, и отня и дѣдня молитва князю Мстиславу Андрѣевичу с братьею своею» (Лавр. и Переясл.); подъ 1200, послѣ придоша новгорци (л. 243), опущено «лѣпшиѣ мужи, Мирошьчина чадь» (Лавр. и Переясл.); подъ 1205, послѣ моуромьскии кнзь (л. 244), опущено «мца декабрѧ въ и» (Переясл.); подъ 1206, послѣ словъ того мца ві (л. 244 об.), опущено «на памѧть стою мчнку Хрусанфа и Дариѧ» (Переясл.) и т. д.—Извѣстія, опущенныя въ Лавр., но имѣющіяся въ Переяславской, лишь рѣдко воспроизводятся въ Радзивиловской: вотъ почему Радзив. опустила подъ 1196 годомъ извѣстіе о женитьбѣ Константина и о постригахъ Вла-

димира Всеволодича, подъ 1198 объ изгнаніи новгородцами Ярославича черниговскаго и о постригахъ Святослава Всеволодича. Исключеніе составляютъ: извѣстіе 1197 объ изгнаніи новгородцами Ярослава Владимировича и посаженіи у себя черниговскаго Ярославича, извѣстіе 1205 о заключеніи мира между Ольговичами и Всеволодомъ съ Романомъ, а также извѣстія 1203—1205 годовъ.

Что составитель Радзивиловской ставилъ себѣ задачей исправить текстъ Переяславской, видно не только изъ того, что онъ привлекъ къ своей работѣ Лаврентьевскій списокъ, но и изъ цѣлаго ряда собственныхъ поправокъ его. Такъ, подъ 6672 (1162), вм. «Леонъ епископъ не по правдѣ поставися Суждалю» (Лавр. и Переясл.), онъ пишетъ: еп҃пъ нѣкто не по правде поставив҃ъ к с҃жа҃лю; ниже, подъ тѣмъ же годомъ, вмѣсто словъ «удариша челомъ передъ святою Богородицею» (Лавр. и Переясл.), читаемъ: и почаша цѣловати ст҃оу бц҃ю (л. 205); подъ 6682 (1174) слова «оу Христовы церкви» (Лавр. и Переясл.), гдѣ былъ положенъ Юрій Муромскій, замѣнены словами в цр҃кви (л. 213); подъ 6655 (1147) слова «повабя кыяны» (Лавр. и Переясл.) замѣнены и созове кыяны (л. 178), а ниже, послѣ словъ «сѣдоша у святое Софьи» вставлено слышети (тамъ же); подъ 6683 (1175) слова «а Ярополка князя посадиша Володимерци с радостью в городѣ Володимери на столѣ, въ святѣй Богородицѣ» (Лавр. и Переясл.) замѣнены: ꙗрополка кн҃зѧ в володимири на столѣ въ ст҃ѣи бц҃и посадиша (л. 218); подъ 6695 (1187) слова Переясл. лѣтописи «а вы иномъ дворѣ нѣкто бѧше имъ воды придада» комментированы и измѣнены: а во ино҃ дворе не бѧше н҃ кто воды пода҃. но вси лежать болѧ (л. 240); подъ 6992 (1184) въ Радзив. (л. 228 об.) и со глѣбовичи резаньскими, въ Лавр.

и Переясл. «и съ Глѣбовичи Рязаньскаго»; подъ 6693 (1185), вмѣсто «рѣчью и дѣломъ утѣшая печалныя» (Лавр. и Переясл.), рѣю и дѣло. совершаꙗ апла глща оутешаите печалныꙗ; подъ 6677 (1169), вмѣсто «смѣри я до зѣла» (Переясл., Лавр., Ипат.), смири ꙗ до конца (зачеркнуто въ рукописи) земли (л. 210), при чемъ въ подлинникѣ едва ли не стояло одно ѕ («до ѕ»), ср. изображеніе слова земля буквой z въ Лавр. подъ 1263 годомъ; подъ 6667 (1159), послѣ мстислава въ фразѣ «выбеглъ ис киева мстислава изѧслави» (Лавр., Переясл.), вставлено дѣлѧ (л. 202 об.). Замѣтимъ еще вставку словъ ѡ горе тавы кнзъ подъ 6667 (1159) годомъ, послѣ словъ изѧславъ ѿстоупи в поле наполни рꙋки повцѣ (л. 203).

Нѣкоторыя поправки, сдѣланныя на основаніи Лаврентьевской, оказываются ошибочными. Такъ, подъ 6685 (1177) годомъ с шюрино єго ꙗрополко (л. 225 об.), какъ и въ Лавр., вмѣсто правильнаго «съ шюриномъ Мьстиславомъ» (Переясл. и Ипат.). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составитель Радзивиловской, комбинируя чтенія Переяславской и Лаврентьевской, даетъ свою особую смѣшанную редакцію: такъ, подъ 6708 (1200) новгородцы обращаются къ Всеволоду Юрьевичу со словами, начало которыхъ въ Переяславской слѣдующее: «ты гнъ, ты Гюрги, ты Владимиръ», а въ Лаврентьевской: «ты господинъ князь великый Всеволодъ Гюргевичь»; составитель Радзивиловской передалъ это мѣсто по своему: гнс ты є. володимиръ. ты юрьгии. ты всеволо (л. 243) [1].

---

[1] Слѣдуетъ отмѣтить, что дошедшій до насъ списокъ Переяславской лѣтописи сдѣланъ въ XV в. Поэтому онъ не даетъ безусловно точнаго воспроизведенія оригинала этой лѣтописи въ части 1138—1214. Вотъ почему нѣкоторыя чтенія Радзивиловской какъ будто не оправдываются Переяславскою: ср., напр., подъ 1168 г. имя „дмитрокъ гургевичь“, котораго въ Переясл. нѣтъ (въ Лавр. „дмитръ и гюрги мстиславъ“).

Отмѣчу еще нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ на основаніи Лаврентьевской: подъ 6705 (1197), послѣ словъ доска не селꙋпа стго дмитреа гробпаа, въ Радзив. (л. 242), какъ въ Лавр., опущено: «из неꙗ же миро идеть»; подъ 6685 (1177) отвѣтъ переяславцевъ Всеволоду въ Радзив. (л. 222 об.) и Лавр. переданъ слѣдующимъ образомъ: поехати тобѣ къ немꙋ на перестꙋпивъ а то дѣти и жены («поѣди, княже, к нему, насъ перестоявъ, а то ему дѣти ны, жены»), въ Переясл. читаемъ: «поеди, кнѧже, к немоу. ꙗко ни во что же имамъ животъ свои за твою ѡбиду, и не дап ны Бгъ ни единомоу възвратитисѧ, аще ны ѿ Бга не боудеть помощи, на переступивъ мртвыхъ, да ѡно емоу жены наша и дѣти наши»; подъ 6666 (1158), послѣ словъ иде к володимирю (л. 202), въ Радзив. (л. 202), какъ и въ Лавр., опущено: «и сѣде на столѣ» (Переясл.); подъ 6668 (1160), вмѣсто «по вѣрѣ же его и по подобію» (Переясл.), въ Радзив. (л. 204) и Лавр.: по вѣре же е и пощанию; подъ 6672 (1164) въ Радзив., подъ вліяніемъ Лавр., вставлено имя Андріана епископа Болгарскаго, но вставлено не совсѣмъ удачно: Лавр. «онъ же иде на исправленье Цесарюгороду, а тамо упрѣлъ и Анъдриянъ епископъ Болгарьскый, передъ цесаремь Мануиломъ»; въ Переясл. «ѡнъ же иде на исправленіе Црюграду. И пришедшю ему тамо и ста прѣ црмъ Маноуломъ»; въ Радзив. (л. 204 об.) и иде на исправление ко црю граду. андреꙗнъ болгарьски пре црмъ манꙋиломъ; подъ 6680 (1172) въ Радзив. (л. 212) и Лавр.: Романа Ростиславича вмѣсто «Романа Мстиславича» (Переясл.); подъ 6683 (1175) въ Радзив. (л. 214) и Лавр. нбни аггли вм. нбніи чинове (Переясл.); подъ 6694 (1186) въ Радзив. (л. 232 об.) и Лавр. а сии к нимъ идоу к вежа их, въ Переясл. «а сіи к нимъ поидошѧ къ вежамъ ихъ»; подъ

6694 (1186) въ Радзив. (л. 239), какъ и въ Лавр., ꙗко же и пркъ гл҃ть. брань славна лоуче ѿ мира стоудна, между тѣмъ какъ въ Переясл. «ꙗко же въ бѣлѣ гл҃еть»...; подъ 6685 (1177) въ Радзив. (л. 225), какъ и въ Лавр., глѣбъ стоꙗвъ мало... бж҃ьимъ гнево҇ гонимъ побеже, въ Переясл. «Божьимъ гнѣвомъ гонимъ» опущено; подъ 6692 (1184) въ Радзив. (л. 229 об.), какъ и въ Лавр.: бж҃ьимъ гневомъ гонимı. и ст҃ою бц҃ею. и всеволода кн҃ѧ мл҃твою, въ Переясл. «гонимı Бж҃ıимъ гнѣвомъ и ст҃ое Бц҃и мл҃твами». Подъ вліяніемъ Лаврентьевской составитель Радзивиловской замѣнилъ или опустилъ также сдѣланныя переяславскимъ лѣтописцемъ вставки, обличающія мѣстную патріотическую тенденцію: такъ, подъ 6683 (1175) Радзив. (л. 216 об.) замѣнила обращеніе къ Андрею Боголюбскому съ просьбой молиться о князѣ Ярославѣ Всеволодичѣ обращеніемъ къ нему же съ просьбой молиться о Всеволодѣ Юрьевичѣ (ср. Лавр.); опущены ссылки на Переяславцевъ подъ 1176 и 1177 годами, но одна изъ нихъ подъ 1177 (Радзив. л. 222 об.: и володимирци и переꙗславци) сохранена; сохранены также слова в переꙗславли нов҇ (Радзив. л. 202), опущенныя въ Лавр. и въ общерусскомъ сводѣ начала XIV в. —Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя вставки изъ Лаврентьевской могли быть сдѣланы составителемъ Радзивиловской и въ Повѣсть вр. лѣтъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе соотвѣтствующаго текста въ Переяславской лѣтописи не позволяетъ опредѣлить, что̀ именно въ Радзивиловской лѣтописи во всей первой бо̀льшей части ея заимствовано изъ Лаврентьевской. Сопоставленіе съ Ипатьевскою лѣтописью и полихрономъ (Соф. 1-я, Воскр. и др.) доказываетъ, впрочемъ, что окончаніе Повѣсти вр. лѣтъ, т.-е. прекращеніе благочестивыхъ разсужденій подъ 1110 годомъ, на словахъ «ангелъ твой буди с тобою», и вставка затѣмъ приписки Силь-

вестра, заимствовано въ Радзивиловскую изъ Лаврентьевской. И вслѣдъ за Повѣстью вр. лѣтъ Радзивиловская слѣдуетъ первое время за Лаврентьевской: такъ подъ 1113—1114 въ ней не приведено извѣстія о заложеніи каменнаго острога въ Ладогѣ, между тѣмъ въ Переяславской оно было, по свидѣтельству какъ Ипатьевской, такъ и полихрона; подъ 1115 кратко сообщается о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новую Вышегородскую церковь, между тѣмъ какъ въ Переяславской оно излагалось подробно (ср. Ипатьевскую и полихронъ). Впрочемъ, составитель Радзивиловской сокращалъ въ этомъ мѣстѣ и текстъ Лаврентьевской, ср. пропуски подъ 1111, 1112, 1114, 1118, 1122, 1123, 1124, 1126, 1134 гг.

Предыдущее изслѣдованіе выяснило составъ Радзивиловской лѣтописи и отношенія ея къ другимъ памятникамъ нашего лѣтописанія; сравнительно-историческое ихъ изученіе отводитъ этой лѣтописи одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ среди этихъ памятниковъ. Дѣйствительно, эта лѣтопись ведетъ насъ прямо къ одному изъ значительнѣйшихъ историческихъ памятниковъ первой четверти XIII в. — къ иллюстрированному лѣтописному своду, составленному для Ярослава Всеволодича, князя Переяславскаго. Правда, памятникъ этотъ подвергся нѣкоторымъ редакціоннымъ измѣненіямъ подъ рукой составителя Радзивиловской лѣтописи, но эти измѣненія не коснулись состава памятника и привели главнымъ образомъ къ его сокращенію; сдѣланныя мѣстами дополненія не затемняютъ по большей части первоначальнаго облика Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстенъ источникъ этихъ дополненій — Лаврентьевская лѣтопись; кромѣ того, сопоставленіе Радзивиловской съ лѣтописью Архивскаго хронографа (Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго), Ипатьевскою

и позднѣйшими сводами, восходящими къ полихрону, въ значительной степени оттѣняютъ тѣ вставки, которыя попали въ нее. Правда и то, что памятникъ этотъ извѣстенъ по другому, болѣе исправному списку въ только что упомянутомъ Архивскомъ хронографѣ, но этотъ списокъ содержитъ только меньшую часть его, начиная отъ 1138 года; бо̀льшая же часть памятника можетъ быть возстановлена главнымъ образомъ по Радзивиловской лѣтописи, при чемъ указанія другихъ лѣтописей (Ипатьевской, полихрона) получаютъ должное освѣщеніе, а слѣдовательно и цѣнность въ этомъ вопросѣ, только благодаря Радзивиловской. Переяславская (Суздальскаго Переяславля) лѣтопись начала XIII в. была несложна по своему составу: это отраженіе болѣе древняго Владимирскаго лѣтописнаго свода, восходящаго къ 1192 году, и болѣе новаго Владимирскаго же свода, составленнаго около 1216 года. Такимъ образомъ своимъ текстомъ, обнимающимъ событія до 1192 года, Радзивиловская, черезъ посредство Переяславской лѣтописи, ведетъ насъ къ Владимирскому своду конца XII в.

Сравненіе Радзивиловской лѣтописи, а также въ извѣстной части лѣтописи Архивскаго хронографа, съ Лаврентьевскою выясняетъ составъ этого Владимирскаго свода: онъ представлялъ изъ себя переработку болѣе древняго Владимирскаго же свода, составленнаго въ 1185 году. Такимъ образомъ Радзивиловская приводитъ къ возстановленію и этого перваго Владимирскаго лѣтописнаго свода: въ Лаврентьевской онъ отразился полнѣе и точнѣе, чѣмъ въ Радзивиловской и ея протографѣ—лѣтописи Переяславской (Суздальскаго Переяславля). Но это нисколько не умаляетъ значенія Радзивиловской, такъ какъ въ ней полнѣе и точнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевской, отразился второй по времени составленія Владимирскій сводъ,

сводъ 1192 года, а черезъ него и тотъ лѣтописный памятникъ, который послужилъ для переработки свода 1185 года. Этимъ памятникомъ оказывается Переяславская (южнаго Переяславля) лѣтопись, составленная въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ XII столѣтія.

Такимъ образомъ изслѣдованіе Переяславской (Суздальскаго Переяславля) лѣтописи, возстановляемой преимущественно по Радзивиловской, оказывается важнымъ не только потому, что она лежитъ въ основаніи общерусскаго свода начала XIV в. (а черезъ него Ипатьевской и полихрона), но и потому еще, что только она даетъ указанія и надежный матеріалъ для возстановленія южной Переяславской лѣтописи конца XII в. Радзивиловская и лишь отчасти другіе лѣтописные своды доказываютъ, что эта южная лѣтопись примкнула къ особой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленной около 1118 года въ Русскомъ Переяславлѣ.

Итакъ изученіе Радзивиловской приводитъ къ цѣннымъ даннымъ по литературной исторіи важнѣйшаго историческаго памятника нашего — начальной лѣтописи или Повѣсти временныхъ лѣтъ. Въ то время, какъ Лаврентьевская лѣтопись ведетъ насъ къ первой редакціи этой Повѣсти, — редакціи, составленной въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ, Радзивиловская (а за ней и своды, примыкающіе къ общерусской компиляціи начала XIV в.) свидѣтельствуетъ о второй редакціи Повѣсти, возникшей вскорѣ послѣ появленія первой въ городѣ, куда въ 1117—1118 году перешелъ на епископскую каѳедру Сильвестръ. Возстановленіе второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ въ полномъ объемѣ невозможно ни по Радзивиловской лѣтописи (находившейся, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ Лаврентьевской), ни по

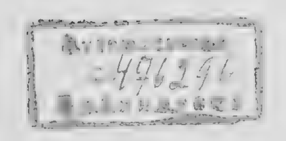
возстановляемой при помощи ея и нѣкоторыхъ другихъ сводовъ Переяславской (Суздальскаго Переяславля) лѣтописи (ибо въ основаніи Переяславской лѣтописи, такъ же какъ Владимірскаго свода 1192 г., лежитъ Владимірскій сводъ 1185 года, содержавшій первую редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ). Но тѣмъ не менѣе наиболѣе цѣнныя указанія относительно второй редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ извлекаются именно изъ Радзивиловской. Большинство списковъ Повѣсти вр. лѣтъ находилось подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ общерусскаго свода начала XIV в.: вторая редакція Повѣсти отразилась въ нихъ не только черезъ посредство Переяславской (Переяславля Суздальскаго) лѣтописи, но и черезъ посредство самого общерусскаго свода, положившаго въ основаніе эту Переяславскую лѣтопись: таковы списки Ипатьевской лѣтописи, а также своды, образовавшіеся изъ полихрона. Въ сторонѣ отъ вліянія общерусскаго свода начала XIV в. находились Радзивиловская и только отчасти Лаврентьевская. Но Лаврентьевская (подвергшаяся вліянію, хотя и не очень значительному, общерусской компиляціи начала XIV в.) отразила первую редакцію Повѣсти вр. лѣтъ. Только Радзивиловская, благодаря тому, что она не пользовалась непосредственно общерусскимъ сводомъ (посредствомъ же Лаврентьевской нѣкоторыя особенности его могли попасть и въ нее), отражаетъ вторую редакцію Повѣсти вр. лѣтъ въ бо̀льшей чистотѣ, чѣмъ всѣ остальные лѣтописные своды.

Приведенныя соображенія указываютъ на ту исключительную важность, которую имѣетъ Радзивиловская лѣтопись при историческомъ изученіи нашего прошлаго. Не только событія суздальскія второй половины XII и начала XIII вѣка пред-

ставлены здѣсь почти въ томъ самомъ видѣ, какъ ихъ записали современники, но и древнѣйшія русскія историческія данныя сохранили въ ней ту первоначальную редакцію, за которой слышится голосъ русскаго человѣка первой четверти XII-го столѣтія.

А. Шахматовъ.

Іюнь 1902 года.

ОПЕЧАТКА

на стр. 2-й, 18-я строка сверху.

Напечатано: observantis [simo] ergo (?) obtulit uti (?)

Читайте: observantiae ergo obtulit uti